

INSPIRIA

БОЛЬШОЙ КРУГ

Shortlisted
The Booker Prize

МЭГГИ ШИПСТЕД

INSPIRIA

Loft. Букеровская коллекция

Мэгги Шипстед

Большой круг

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Шипстед М.

Большой круг / М. Шипстед — «Эксмо», 2021 — (Loft.
Букеровская коллекция)

ISBN 978-5-04-188144-3

«Захватывающая история о женщинах, лавирующих между традициями и предрассудками, чтобы получить то, что они хотят». – Рон Чарльз, The Washington Post Мэриен Грейвз была сорвиголовой всю свою жизнь. После встречи с пилотами-каскадерами она навсегда влюбляется в небо. В четырнадцать лет Мэриен бросает школу и встречает богатого бутлегера, который предоставляет ей самолет и оплачивает уроки пилотирования. В 1950 году она отправляется в свое самое захватывающее приключение – полет вокруг земного шара, и бесследно исчезает. Полвека спустя Хэдли Бэкстер, скандально известная голливудская актриса, получает предложение сыграть Мэриен Грейвз. Возможно, эта роль поможет ей раскрыть тайну знаменитого исчезновения? И примириться с трагедией, которая изменила ее жизнь.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-188144-3

© Шипстед М., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

«Джозефина Этерна»	13
Лос-Анджелес, 2014 год	37
Неполная история Миссулы	46
Гастролеры	53
Неполная история Гризли-Сидящего-в-Воде	66
Грейс Келли	70
Дом добродетели	76
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Мэгги Шипстед

Большой круг

Maggie Shipstead

GREAT CIRCLE

Copyright (c) 2021 by Maggie Shipstead

© Шукшина Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

**МЭГГИ
ШИПСТЕД**

**БОЛЬШОЙ
КРУГ**

INSPIRIA

Москва
2023

Брату

*Круги моей жизни все шире и шире –
надвигные – вещи суть.
Сожму ли последний?
Но, видя в мире суть, я хочу рискнуть.*

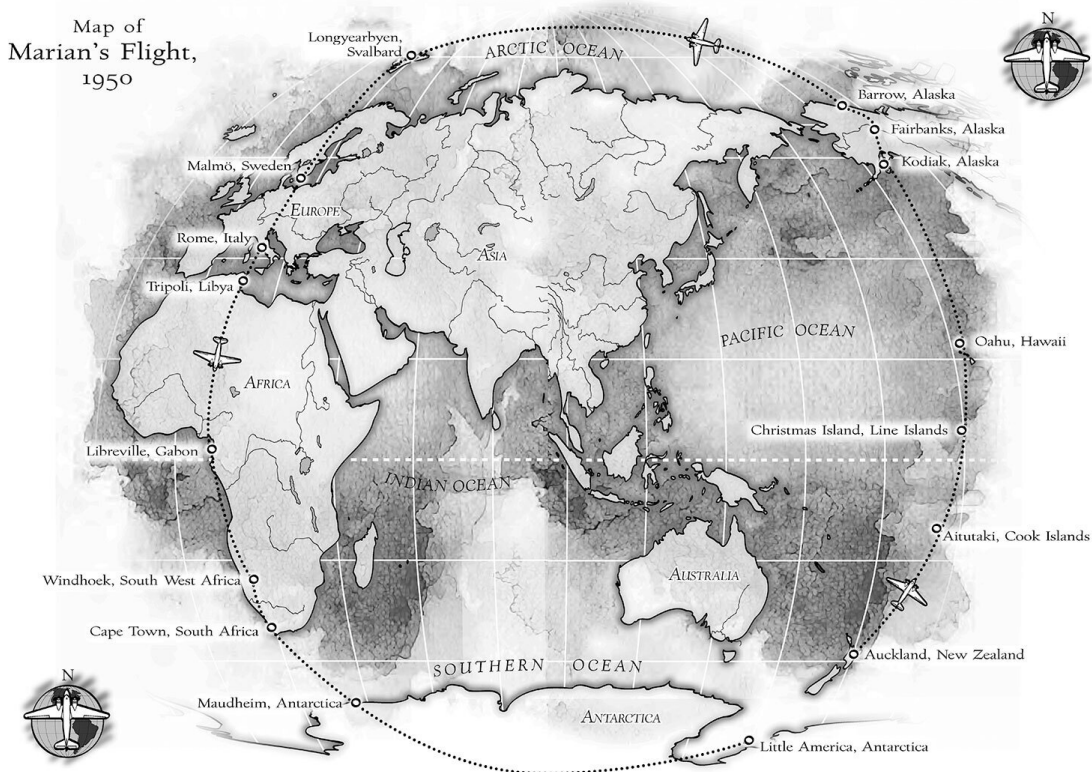
*Покуда вокруг Господа, баини веков,
не вскинется дней моих тьма...
Не важно кто – сокол я, вихрь с облаков,
высокий ли стих псалма.*

*Райнер Мария Рильке, «Часослов» (пер. А.
Прокопьева)*

Если ножом разрезать шар на две равные половины, окружность среза будет представлять собой *большой круг*, то есть самый большой круг, который можно начертить на шаре.

Экватор – большой круг. Как и любая долгота. На поверхности шара, например Земли, кратчайшим расстоянием между двумя точками будет дуга, являющаяся частью большого круга.

Через противоположные точки, например Северный и Южный полюса, можно провести бесконечное число больших кругов.

***Литл Америка-III,
ледниковый шельф Росса, Антарктида
4 марта 1950 г.***

Я родилась странницей. Я скроена для земли, как морские птицы для волн. Некоторые летают, пока не умрут. Я поклялась себе: мой последний спуск будет не беспомощным падением, а нырком баклана – сознательным погружением, нацеленным на что-то в глубине моря.

Собираюсь в путь. Попытаюсь подтянуть круг снизу, свести конец с началом. Хотелось бы, чтобы линия стала плавным меридианом, идеальным, упругим обручем, но наш маршрут искажила необходимость: случайно раскиданные острова, аэродромы для заправки. Я ни о чем не жалею, но буду жалеть, стоит лишь себе позволить. Могу думать только о самолете, ветре, берегу – таком далеком, там, где опять начинается земля. Погода налаживается. Мы, как могли, заделали течь. Я скоро улетаю. Ненавижу день, не имеющий конца. Солнце кружит вокруг меня, как гриф. Хочу звездной передышки.

Круги, поскольку они бесконечны, поразительная штука. Все бесконечное поразительно. Но в то же время бесконечность – пытка. Я знала, что горизонт поймать нельзя, и все-таки гналась за ним. Глупо, но у меня не было выбора.

Все вышло не так, как я думала, теперь круг почти замкнулся, начало и конец разделены последним, страшным массивом воды.

Я думала, когда-нибудь смогу сказать, что видела мир, но мира так много, а жизни очень мало. Я думала, когда-нибудь смогу сказать, что что-то закончила, но теперь вообще сомневаюсь, что можно что-то закончить. Я думала, мне не будет страшно. Я рассчитывала стать больше, но поняла, что я меньше, чем думала.

Никто никогда этого не прочтет. Моя жизнь – мое единственное достояние.

И все же, и все же, и все же¹.

Лос-Анджелес

Декабрь 2014 г.

Мне стало известно о Мэриен Грейвз только потому, что одна из подружек дяди в детстве часто оставляла меня в библиотеке и как-то раз я наткнулась на книгу под названием «Отважные женщины неба» или что-то в этом роде. Мои родители, однажды поднявшись в воздух на самолете, не вернулись, и оказалось, та же судьба постигла немало отважных женщин. Я заинтересовалась. Думаю, я искала человека, который сказал бы мне, что авиакатастрофа не худший способ уйти из жизни, хотя, если бы кто-нибудь действительно так поступил, я бы решила, что в той голове полчища тараканов. В главе о Мэриен говорилось, что ее воспитывал дядя, отчего у меня мурашки побежали по коже, поскольку меня тоже воспитывал (типа воспитывал) дядя.

Славная библиотекаряша нарыла мне книгу Мэриен «Море, небо» и что-то там еще, и я пыталась над ней, как астролог, изучающий звездную карту, в надежде, что жизнь Мэриен каким-то образом объяснит мою собственную, скажет, что делать и как быть. Почти вся ее писанина была мне не по зубам, хоть я и уходила со смутным желанием превратить свое одиночество в приключение. На первой странице дневника я большими печатными буквами вывела: «Я РОДИЛАСЬ СТРАННИЦЕЙ». Больше, правда, так ничего и не написала, ведь как двигаться дальше, если вам десять лет и вы все время торчите дома у дяди в Ван-Найсе или таскаетесь на пробы для рекламных роликов? Вернув книгу, я напрочь забыла про Мэриен. И почти про всех отважных женщин неба, честно. В восьмидесятые о Мэриен вдруг вышла одна мутная телепередача, ее немногочисленные неугомонные поклонники до сих пор стряпают свои версии в интернете, но она не заняла такого места, как Амелия Эрхарт. Многие считают, будто знают что-то об Амелии Эрхарт, хотя на самом деле ничего они не знают. Это вообще невозможно.

¹ Последняя запись из «Море, небо, а между ними птицы. Утраченный журнал Мэриен Грейвз». Нью-Йорк, Д. Уэнслес и сыновья, 1959.

То, что меня часто бросали в библиотеке, оказалось неплохо, поскольку, пока остальные дети корпели в школе, я сидела на бесконечных складных стульях в бесконечных коридорах на всех кастингах для маленьких белых девочек из Большого Лос-Анджелеса (или для девочек неопределенной расы, что равнозначно белым) в сопровождении нянь или подружек дяди Митча – категории, которые иногда шли внахлест. По-моему, его барышни время от времени проявляли обо мне заботу, чтобы он увидел в них материнские наклонности, а стало быть, пригодный матримониальный материал, но, по правде сказать, для поддержания огня в отношениях со стариной Митчем так себе стратегия.

Мне было два года, когда родительская «Цессна» упала в озеро Верхнее. Так все полагали. Никаких следов не нашли. За штурвалом сидел мой отец, брат Митча, и направлялись они в хижину одного друга где-то в медвежьем углу – романтическая поездка с целью, как выразился Митч, воссоединения. Невзирая на мой нежный возраст, он говорил мне, что мать никак не могла остановиться и трахалась со всеми подряд. Его слова. Кажется, Митч не вполне разобрался в концепции детства. «Но они никогда и не разбежались бы, – еще говорил он. Зато в броских названиях Митч разобрался точно. Он начинал с постановок третьесортных телефильмов типа «За любовь нужно платить» (про пристава таможенной службы) и «Убийство на День святого Валентина» (угадайте с ходу, про что).

Родители оставили меня на соседа в Чикаго, но, согласно их последней воле, меня всучили Митчу. Больше в общем-то никого не было. Никаких дядюшек, тетюшек, а бабушка с дедушкой представляли собой сочетание чего-то мертвого, чужого, далекого и ненадежного. Митча нельзя назвать плохим человеком, но натурой он обладал голливудской, предприимчивой, и не успела я прожить у него и нескольких месяцев, как он попросил меня об ответной услуге – принять участие в кастинге для рекламы яблочного пюре. Потом нашел мне агента, Шивон, и я с такой регулярностью снималась в рекламе, ток-шоу и телефильмах (в «Убийстве на День святого Валентина» играла дочь), что не помню, когда не играла и не пробовалась. Это казалось обычной жизнью: опять и опять ставить пластмассового пони в пластмассовое стойло, а кругом ездят камеры, и незнакомые взрослые говорят тебе, как надо улыбаться.

Когда мне исполнилось одиннадцать и Митч перешагнул от телефильмов недели к музыкальным клипам, а потом и вовсе, сцепив зубы, втиснулся в мир независимого кино, случился мой легендарный прорыв – роль Кейти Макги в детском кабельном ситкоме о путешествиях во времени под названием «Крутая жизнь Кейти Макги». На съемочной площадке я вела безукоризненную, окрашенную в леденцовые цвета жизнь – сплошные остроты, четкие сюжетные линии и комнаты с трех стенах под раскаленным небом прожекторов. Щеголяя в столь вызывающе модных нарядах, что меня недолго было принять за подросткового духа времени, я нещадно переигрывала, после чего шла запись надрывного зрительского смеха. А когда не снималась, то благодаря нерадивости Митча делала по большому счету все, что хотела. Мэриен Грейвз писала в своей книге: «В детстве мы с братом гуляли сами по себе. Я считала – и долгие годы меня никто не переубеждал, – будто вольна делать что угодно и имею право ходить, куда только найду дорогу». Я, наверное, была задира и сорвиголова похлеще Мэриен, но мне думалось так же. Мир стал моей устрицей, а свобода – соусом миньонетт. Жизнь подбрасывает тебе лимоны, ты срезаешь с них кожуру и украшаешь свой мартини.

Когда мне было тринадцать, бренд «Кейти Макги» стал бешено продаваться, а Митч, сняв «Турникет», вывалился в успехе, как обдолбанная свинья в дерьме, и на наши с ним совместные гроши перевез нас в Беверли-Хиллз. Однажды, когда я уже не ошивалась в Долине², парень, игравший старшего брата Кейти Макги, познакомил меня со своими мерзкими богатыми друзьями-старшеклассниками, и те стали таскать меня с собой, водить на вечеринки и лазить в трусы. Митч, скорее всего, даже не заметил, как часто меня не было дома, поскольку

² Долина Сан-Фернандо в Лос-Анджелесе, где располагаются многие известные киностудии. – Прим. пер.

его самого обычно тоже не было. Иногда мы, оба пьяные, сталкивались, возвращаясь домой в два-три ночи, и просто кивали друг другу, как участники какой-нибудь скандальной конференции в коридоре гостиницы.

Но выпадало и хорошее: тьюторы на съемках «Кейти Макги» оказались нормальные и твердили мне, что нужно поступать в колледж, а поскольку мне нравилось слово и сериал подошел к концу, я, обладая немалым дополнительным весом как телезвезда по разряду «Б», ввинтилась в Нью-Йоркский университет. Я уже сложила вещи и собралась в дорогу, как Митч жажнул передоза, и если бы я не была готова ехать, то, возможно, так и осталась бы в Лос-Анджелесе и тоже довечеринкалась бы до морга.

И еще кое-что, может, хорошее, а может, и плохое: после первого семестра мне дали роль в первом фильме «Архангел». Иногда я задумываюсь, что вышло бы, если бы я вместо кино окончила колледж, перестала сниматься и меня забыли бы, однако вряд ли я смогла бы отказаться от тех огромных денег, которые принесла мне Катерина. Значит, все остальное не суть важно.

В крупинке моего высшего образования нашлось время для введения в философию, и я узнала о паноптиконе, проекте идеальной тюрьмы Иеремии Бентама, где в центре гигантского кольца камер находится крошечное помещение надзирателя. Нужен всего один надзиратель, поскольку он может надзирать в любой момент, а мысль о том, что за вами надзирают, действует намного сильнее, чем реальный надзор. Потом Фуко превратил это дело в образ: для крепкой дисциплины и власти над человеком или населением нужно лишь заставить их думать, что за ними, *возможно*, надзирают. Вероятно, профессор хотел подвести нас к заключению, что паноптикон ужас какой плохой, но позже, когда после «Архангела» я стала слишком знаменитой, мне хотелось сесть в дурацкую машину времени Кейти Макги, перенестись в ту аудиторию и попросить его поразмыслить об обратном: если вместо надзирателя в центре конструкции оказываешься ты, а за тобой, что бы ты ни делала, надзирают – или могут надзирать – тысячи, миллионы.

Однако вряд ли у меня хватило бы духу попросить профессора хоть о чем-нибудь. В Нью-Йоркском университете все пялились на меня, поскольку я была Кейти Макги, а мне казалось, на меня пялятся, зная, что я недостойна там находиться. Возможно, и недостойна, но достоинство не измеришь в лаборатории. Невозможно знать, достоин человек чего-либо или нет. Может, и нет. Поэтому, когда я из-за «Архангела» бросила учебу и вернулась к миллиону обязанностей, к жизни, в которой у меня не было выбора, к распорядку дня, который определяла не я, мне стало легче. В университете я в полном смятении листала толстый, как словарь, список курсов, бродила по кафе и смотрела на разные блюда, на стойки с холодными закусками, горы кренделей, контейнеры со злаками, на машину для мороженого с таким чувством, будто меня просят решить какую-то архиважную загадку, загадку жизни и смерти.

Когда я лажанулась по полной и сэр Хьюго Вулси (да, именно сэр, оказавшийся моим соседом), рассказав мне про байопик, который он вознамерился продюсировать, достал из холщовой сумки книжку Мэриен – книжку, о которой я не вспоминала пятнадцать лет, – я вдруг опять перенеслась в библиотеку, где рассматривала небольшой томик в твердой обложке; там могли содержаться все ответы. Ответы годились. Что-то, чего мне хотелось, хотя я никогда не могла догадаться, чего именно мне хотелось. Я даже не знала толком, что значит хотеть. Мои желания, как правило, представляли собой мешанину из невозможных, противоречивых импульсов. Я хотела исчезнуть, как Мэриен; хотела стать самой знаменитой на свете; хотела сказать важные слова о мужестве и свободе; хотела быть мужественной и свободной, однако ничего про это не знала, знала только, как делать вид, будто я что-то знаю, а это, по-моему, и есть актерство.

Сегодня мой последний съемочный день в «Пилигриме». Я сижу в подвешенном на шкивах муляже самолета Мэриен, скоро меня раскатают над огромным резервуаром с водой и сбро-

сят. На мне оленья парка, которая весит тысячу фунтов, а, намочнув, будет весить миллион; я стараюсь не показывать, как мне страшно. Некоторое время назад Барт Олофссон, режиссер, отвел меня в сторонку и спросил, действительно ли я хочу выполнить трюк сама, с учетом того, ну ты понимаешь, что случилось с твоими родителями.

– Мне кажется, я хочу это испытать, – ответила я. – Мне кажется, я могу использовать трюк для исцеления.

Он положил мне руку на плечо, надел свое самое пафосное лицо гуру и сказал:

– Ты сильная женщина.

Хотя исцеление в общем-то невозможно. Поэтому-то мы все время его ищем.

На актере, играющем Эдди Блума, моего штурмана, тоже оленья парка, а на лбу водонепроницаемая ампула с якобы кровью, поскольку от удара он должен вырубиться. В жизни Эдди обычно сидел на штурманском месте позади кресла Мэриен, но сценаристы, два агрессивно-веселых брата с прическами и лицами, как у мальчиков гитлерюгенда, решили, будет лучше, если во время смертельного погружения он будет на первом плане. Да ради бога, как скажете.

Мы в любом случае рассказываем не ту историю, что случилась на самом деле. Это-то я знаю. Однако не могу утверждать, будто знаю правду о Мэриен Грейвз. Ее знала только она сама.

Мое погружение будут снимать восемь камер: шесть стационарных и две у водолазов. Снять нужно с одного дубля. Максимум с двух. Съемки дорогие, наш бюджет, и так-то небольшой, теперь вовсе сдулся, точнее, свалился в минус, но коли уж вы зашли так далеко, то единственная возможность выйти – пройти. В лучшем случае потребуется день. В худшем я утону, обо мне, как о родителях, тиснут некролог, с той разницей, что у меня ненастоящий самолет, ненастоящий океан и я даже не пытаюсь куда-то долететь.

– Ты уверена, что хочешь сама?

Постановщик трюков проверяет мое обмундирование, деловито копается у меня в паху, прощупывая в колючем оленьем меху ремни и карабины. Как ему и положено, у него дубленое лицо, дубленая одежда и, после парочки не самых удачных починок, манера ходить, как у героя кукольного мультлика.

– Абсолютно.

Когда он отходит, нас поднимает и раскачивает кран. На том конце бассейна экран, создающий некий горизонт, отделяющий воду от неба, и я теперь она, Мэриен Грейвз, которая летит над Южным океаном, мой топливомер на нуле, и я знаю, что никуда не могу вырваться оттуда, где нахожусь, а нахожусь я в нигде. Я думаю, холодная ли будет вода, сколько времени пройдет, прежде чем я умру. Продумываю возможности. Вспоминаю клятву самой себе. Нырок баклана.

– Мотор! – кричит голос у меня в наушниках.

Я опускаю штурвал ненастоящего самолета, как будто хочу влететь в центр Земли. Шкив наклоняет нос самолета, и мы погружаемся в воду.

«Джозефина Этерна»

Глазго, Шотландия

Апрель 1909 г.

Недостроенный корабль. Корпус без труб, сверху удерживаемый на стапеле крюком стального крана, а снизу – деревянной тележкой. За кормой, под бессильными цветками гребных винтов, в неожиданном солнечном свете протекала Клайд.

От киля до ватерлинии корабль был ржаво-красным, а сверху, специально для спуска на воду, его покрыли подвенечно-белой краской. (Белый эффектнее для газетных фотографий.) Когда отсверкают фотовспышки, когда судно одиноко постоит у речного причала для оснастки, по бокам на толстых канатах подвешат доски, на них встанут люди и выкрасят борта и заклепки корпуса в блестяще-черный.

Поднимут две трубы, закрепят на нужном месте. Палубы обошьют тиком, панели коридоров и кают-компаний – красным деревом, орехом и дубом. Появятся диваны, канапе и шезлонги, кровати и ванны, морские пейзажи в позолоченных рамах, боги и богини в бронзе и алебастре. У китайского фарфора для первого класса будут позолоченные ободки и золотые якоря (эмблема пароходства L&O). Для второго класса – синие якоря и синие ободки (синий – цвет пароходства). Третий класс удовольствуется простой белой фаянсовой посудой, а экипаж – оловянной. Подгонят товарные вагоны, полные хрусталя, серебра, фарфора, камки и бархата. Краны поднимут на борт три рояля, которые будут раскачиваться в сетях, как животные на негнущихся ногах. По трапу вкатят рожицу пальм в кадках. Подвешат канделябры. На палубах вставят друг в друга стулья, похожие на челюсти аллигатора. Скоро через специальные люки в бункеры под ватерлинией, подальше от изящества, погрузят первую порцию угля. Глубоко в недрах разведут первый огонь.

Но в день спуска на воду корабль еще лишь раковина, голая, необорудованная стальная колодка. В его тени теснилась толпа: шумные группы портовых рабочих, явившиеся полюбоваться зрелищем семейства Глазго, мальчишки, торгующие газетами и бутербродами. Великолепное синее небо знаменем развевалось над головами. В городе тумана и сажи такое небо могло служить лишь добрым предзнаменованием. Играл духовой оркестр.

Миссис Ллойд Файфер, Матильда, супруга нового американского владельца корабля, стояла на помосте, украшенном сине-белыми флагами, с бутылкой виски под мышкой.

– Разве не шампанское? – спросила она у мужа.

– Не в Глазго, – ответил тот.

Матильде предстояло разбить бутылку о корабль, окрестив его именем, о котором она с трудом могла думать. Ей не терпелось услышать разряжающий напряжение звон стекла, выполнить свою задачу, но приходилось ждать. Наступила какая-то заминка. Ллойд суетился, время от времени обращаясь к корабельному инженеру, словно окаменевшему от волнения. На помосте мялись несколько несчастных англичан в котелках, шотландцы из судостроительной компании и еще пара человек – откуда они, Матильда определить не могла.

Корабль уже наполовину построили, когда L&O, основанное в Нью-Йорке ее тестем Эрнстом в 1857 году и унаследованное Ллойдом в 1906 году, приобрело погибающее английское пароходство, его заказавшее. («Заказавшее корабль», – всегда поправлял Ллойд. Но для Матильды корабль был «он».) Когда кончились деньги, обшивка шла полным ходом и возобновилась, стоило долларам Ллойда обратиться в фунты стерлингов, а потом в сталь. Люди в котелках, прямо из Лондона, мрачно обмениваясь замечаниями о прекрасной погоде, проектировали корабль, спорили над чертежами, выбрали разумное название (Ллойд его не принял). И все для того, чтобы в итоге вышел дешевый фарс: рогоносцы в тщательно вычищенных шляпах на помосте, украшенном развевающимися флагами, бурлящий у них под ногами

жизнеутверждающий марш духового оркестра. Для облегчения хода корабль обмазали салом, и Матильда чувствовала тяжелый животный дух, пропитывающий одежду, обволакивающий кожу.

Ллойду хотелось, чтобы новый лайнер придал пароходству сил. К моменту смерти Эрнста его флот устал, устарел, лишь трампы (в основном) еще вели привычную торговлю на побережье, несколько грузо-пассажирских суден, пыхтя, пересекали Атлантику, да парочка изможденных парусников моталась в Тихом океане по торговым путям зерна и гуано. Этот лайнер не станет ни самым большим, ни самым быстрым, ни самым роскошным, что будут ходить из Европы, не составит угрозы для монстров пароходства «Уайт стар», строящихся в Белфасте, но, по утверждению Ллойда, будет солидной ставкой за столом толстосумов.

– Какие новости? – пролаял Ллойд, напугав ее.

Вопрос он адресовал Эддисону Грейвзу, капитану Грейвзу, стоявшему подле, – настоящему дылде, хотя вечная сутулость будто подразумевала заблаговременные извинения за высокий рост. Он был худ, почти тощ, но кости массивные, тяжелые, наподобие дубин.

– Проблема со стапелем, – ответил он Ллойд. – Слишком длинный.

Ллойд посмотрел на корабль и нахмурился:

– Корабль будто в оковах. А задуман для воды. Ты так не думаешь, Грейвз? – Он вдруг резко оживился: – Ты не думаешь, что корабль просто великолепен?

Над ними нависала носовая часть, острая, как лезвие ножа.

– Хороший будет корабль, – мягко ответил Грейвз.

Эддисон Грейвз, назначенный первым капитаном корабля, приехал на церемонию спуска на воду с Ллойдом, Матильдой и четверьмя их сыновьями – старшим Генри, семи лет, младенцем Леандром, которому не исполнилось еще и года, Клиффордом и Робертом – между ними; всех их куда-то отвели две няньки. Матильда надеялась подружиться с Грейвзом в пути. Он не был угрюм, никогда не грубил, но его замкнутость, казалось, не пробить. Ничего не дали даже самые смелые ее попытки заглянуть за фасад.

– Чем вас привлекло море, капитан Грейвз? – спросила она как-то за ужином.

– Если долго идти в одном направлении, миссис Файфер, окажешься на море, – ответил Грейвз, будто упрекая ее в чем-то.

Для нее он теперь олицетворял классическую мужскую непроницаемость. Ллойд любил его всей душой, как не любил, похоже, никого, уж точно не Матильду.

– Я обязан ему жизнью, – не раз повторял он.

– Твоя жизнь не долг кому-то, – возразила она ему однажды. – Или же если она не вполне твоя, то ее так и не спасли.

Но Ллойд только рассмеялся и спросил, не думала ли она стать философом.

В молодости Грейвз и Ллойд вместе служили на парусном судне. Грейвз был матросом, а Ллойд, только-только окончивший Йель, полуделал вид, будто он тоже матрос. Эрнст, отец Ллойда, заявил, что если сын намерен унаследовать L&O, то должен натаскаться (буквально). Когда бедолага Ллойд у берегов Чили упал за борт, Грейвз, быстро и метко бросив канат, вытащил его. С тех пор Ллойд благоговел перед Грейвзом как перед своим спасителем. («Но канат-то ухватил ты, – говорила Матильда. – Висел-то на нем ты».) После Чили вслед за Ллойдом по карьерной лестнице в пароходстве поднимался и Грейвз.

Помост вышел из тени. От пота корсет у Матильды затвердел и царапал кожу. Ллойд, похоже, считал, что она родилась со знанием того, как крестить корабли.

– Просто разбей бутылку о нос, Тильди, – сказал он. – Очень просто.

А как понять, в какой момент? Они не забудут ей сказать? Она знала только, что, когда корабль сдвинется, ей должны подать сигнал (но кто именно, неясно) и нужно ударить бутылкой по носовой части, окрестив корабль «Джозефина Этерна», по имени любовницы мужа.

Несколько месяцев назад за завтраком она спросила Ллойда, как будет назван корабль, и он ответил, не опустив газеты.

Матильда поставила чашку обратно на блюдце, и та не дрожала. Она могла гордиться по крайней мере этим.

Когда Ллойд женился на ней, Матильда была молода, но не слишком, ей шел двадцать второй год – против его тридцати шести, и, будучи достаточно взрослой, поняла, что выбрали ее за состояние и репродуктивный потенциал, не по любви. Матильда лишь попросила Ллойда вести себя почтительно и тактично. Она высказалась до помолвки, а он, любезно ее выслушав, согласился: в пользу личной свободы в браке говорит многое, особенно поскольку его так долго устраивала холостяцкая жизнь.

– Значит, мы понимаем друг друга, – сказала она, протянув ему руку.

Ллойд торжественно пожал ее, а потом поцеловал невесту, во весь рот, поцелуй был долгим, и она, не желая того, постепенно влюбилась. Не повезло.

Однако Матильда, сдержав свое слово, как могла, примирилась со скитаниями Ллойда и сумела обратить страсть на детей, поддержание своего гардероба и себя самое. Она знала, Ллойд привязан к ней и более нежен в постели, чем, по ее предположениям, некоторые другие мужья, хотя знала также, что она совершенно не в его вкусе. Он предпочитал темпераментных, неукротимых женщин, обычно старше Матильды, часто старше его самого и уж точно старше тетки корабля, капризной брюнетки Джо, которой было всего девятнадцать. Но Матильда знала достаточно, чтобы понимать, как часто все губят именно те, кто выбирает полную противоположность себе.

Имя корабля стало скверной наградой за ее терпение и великодушие, и, на минутку оказавшись одна, подальше от позвякивающего китайского фарфора и глаз obsługi, она пустила слезу. Затем взяла себя в руки и вернулась к исполнению обязанностей – как обычно.

На помосте Ллойд нервно сказал ей:

– Скоро.

Она попыталась подготовиться. Держать слишком короткое горлышко было неудобно, особенно в шелковых перчатках, и бутылка, выскользнув из руки, с глухим звуком упала в опасной близости от края помоста. Матильда подняла бутылку, и тут кто-то тронул ее за плечо. Эддисон Грейвз. Аккуратно взяв виски, он дал совет:

– Лучше снять перчатки.

Она сняла, и он, обернув одну ее руку вокруг горлышка, ладонь другой приложил к пробке.

– Вот так. – Капитан провел рукой дугу. – Не бойтесь, размахнитесь как следует, потому что, если бутылка не разобьется, это плохой знак.

– Спасибо, – пробормотала Матильда.

Стоя на краю помоста, она ждала сигнала, но ничего не происходило. Передняя часть корабля – огромный вздернутый нос горделивого, надменного существа – не двигалась. Мужчины взволнованно переговаривались. Корабельный инженер куда-то исчез. Она ждала. Бутылка стала тяжелее. Заболели пальцы. Внизу, в толпе, двое мужчин принялись пихать друг друга, поднялся гул. Один ударил другого по лицу.

– Тильди, ради бога!

Ллойд тянул ее за рукав. Нос ускользал. Как быстро. Она не ожидала, что подобная громадина может двигаться с такой скоростью.

Матильда наклонилась и швырнула бутылку вслед удаляющейся стальной стене. Неловко, через руку. Та ударилась о корпус, но не разбилась, а лишь отскочила и упала на стапель, выпустив от соприкосновения с бетоном фонтан осколков и янтарной жидкости. «Джозефина» удалялась. Река за кормой, сначала поднявшись зеленым пузырем, разбилась в пену.

Северная Атлантика

Январь 1914 г.

Четыре года и девять месяцев спустя

Ночь, «Джозефина Этерна», курс на восток. Бриллиантовая брошь на черном атласе. Одиноким кристалл в стене темной пещеры. Величественная комета в пустом небе.

Под огнями и ульем кают, под людьми, надрывающимися в красном жару и черной пыли, под обросшим ракушками килем, в темноте проплывала стая трески, сбитое множество изгибающихся тел с выпученными глазами, хотя кругом царил сплошной мрак. Под рыбой – холод, давление, пустые черные мили, странные светящиеся создания, выискивающие крупинки пищи. Затем песчаное дно, голое, за исключением еле заметных следов, оставленных глубоководными креветками, слепыми червями и существами, которые никогда не узнают, что существует такой феномен, как свет.

Вечер, когда Эддисон Грейвз, явившись на ужин, обнаружил, что Аннабел сидит рядом с ним, был вторым по выходе из Нью-Йорка. Он неохотно покинул мужскую тишину мостика и спустился в вибрирующий, искрящийся гвалт кают-компаний. В жарком, влажном воздухе пахло едой и духами. Холод океана, прилипший к шерстяной форме, испарился; тут же выступили капли пота. У стола, зажав фуражку под мышкой, он ссутулился в поклоне. Лица пассажиров лучились жадным желанием завладеть его вниманием.

– Добрый вечер, – сказал он, садясь и расправляя салфетку.

Он редко находил удовольствие в беседе, и, уж конечно, не в самовлюбленной болтовне, которой от него ждали пассажиры, достаточно состоятельные или важные, чтобы получить место за капитанским столиком. Сперва он заметил лишь бледно-зеленое платье Аннабел. С другой стороны от него сидела пожилая дама в коричневом. Официанты в ливреях принесли с кухни первое из длинной вереницы вычурных блюд.

Ллойд Файфер сделал Эддисона капитаном, едва вступив в права наследства L&O, когда еще не осела на могиле отца потревоженная земля. За ужином в «Дельмонико», дождавшись стейка, Ллойд вручил ему корабль, и Эддисон лишь кивнул, стараясь не выдать восторга. Капитан Грейвз! Наконец-то бывший оборвыш с фермы в Иллинойсе исчезнет навсегда, будет растоптан каблуками начищенных ботинок, выброшен за борт.

Но Ллойд поставил условие:

– Тебе придется быть обходительным, Грейвз. Придется преобразиться. Платят, в частности, и за это. Не смотри на меня так. Не так страшно. – Он помолчал, глядя на друга тревожным взглядом. – Справишься?

– Да, – ответил Эддисон, поскольку самолюбие пересилило страх в сердце. – Конечно.

Официанты лавировали между столами, разнося чашки с консьоме. Справа от Эддисона миссис имярек в коричневом платье во множестве подробностей излагала историю жизни своих сыновей, выговаривая каждое слово так медленно и четко, будто зачитывала условия договора. Появился и исчез ягненок с мятным желе. Затем жареные цыплята. За салатом, во время небольшой паузы в рассказе соседки Эддисон наконец обернулся к женщине в бледно-зеленом платье. Та представилась Аннабел и показалась совсем молоденькой. Грейвз спросил, впервые ли она едет в Британию.

– Нет, – покачала головой соседка, – была уже несколько раз.

– Значит, вам понравилось?

Она помолчала, а потом безразлично ответила:

– Не особенно, но мы с отцом решили, что мне на какое-то время лучше уехать из Нью-Йорка.

Любопытное признание. Он пристальнее всмотрелся в нее. Девушка опустила голову и вроде бы полностью сосредоточилась на еде. Аннабел была старше, чем он сначала решил, к тридцати, и очень привлекательна, хотя неаккуратно нанесенные румяна и губная

помада придавали ей расхристаный, воспаленный вид. Молочного оттенка волосы, как грива у лошади соловой масти, а ресницы и брови такие светлые, что их почти не видно. Она резко подняла голову и встретила взглядом с капитаном.

Голубую радужку глаз прочертили светлые, бледные, как солнечные блики, пересекающиеся круги, и в этих глазах он увидел явное, бесстыдное предложение. Грейвз помнил такой взгляд у женщин на берегах Южного океана, лениво лежавших в тени с обнаженной грудью, у проституток, наполовину прикрытых мраком портовых городов, у караюки-сан, указывавших ему дорогу в освещенные фонарями комнаты. Он бросил взгляд на ее сидевшего напротив отца, цветущего, поджарого мужчину, разглагольствовавшего на публику и, очевидно, забывшего про дочь.

– Вы брезгуете, – тихо сказала Аннабел. – Говорить с ними. Вижу, поскольку я тоже.

Извинившись, Эддисон отказался от десерта. Кое-что требует его внимания, прошу простить. Он вышел из кают-компания и, поднявшись два марша по трапу, резко распахнул дверь с надписью «Служебный вход», очутившись на пяточке открытой палубы за мостиком.

Облокотился на леера. Вокруг никого не было. Море слегка пенилось. По ясному безлунному небу выгнулся мраморный поток Млечного Пути.

Грейвз брезгливо, вежливо отказался, отвернулся от молодой женщины и спросил другую соседку, что еще интересного та может рассказать о детях. Но Аннабел по-прежнему пылала в поле бокового зрения. Зеленое платье, бледные ресницы. Взгляд. Такой неожиданный. Голубое пламя, неподвижное, чужое.

Некоторое облегчение пришло в рабочей атмосфере мостика и потом, когда ему в полночь принесли кружку кофе, но она все пылала. В ванной – из воды торчали костлявые колени – он позволил руке опуститься к чреслам, думая о ее раскрасневшихся щеках, выбившейся на затылке пряди бледных волос.

Когда Аннабел постучалась к нему в дверь, было далеко за полночь. Она так и не сняла зеленое платье-видение. Эддисон не знал, как пассажирка отыскала его каюту, но зашла она энергично, как будто ей приходилось видеть его уже множество раз. Девушка, оказавшаяся меньше ростом, чем он считал, доходила ему до середины груди и сильно дрожала. Первые несколько минут он не мог заставить себя дотронуться до нее – от холода кожа у нее посинела и заледенела.

Нью-Йорк

Сентябрь 1914 г.

Девять месяцев спустя

Дети плакали.

Аннабел неподвижно стояла у окна спальни в принадлежавшем Эддисону доме красного кирпича (черная отделка, черная дверь с латунным молоточком, у реки) и смотрела через улицу на черную кошку, спящую на окне третьего этажа. Она часто видела эту кошку. Иногда та, водя хвостом, следила за голубями, клюющими что-то на нижней решетке. Когда кошка водила хвостом, Аннабел тянуло погрозить ей пальцем. Когда кошка замирала, замирала и она. Ночью, лежа без сна, она водила пальцем, пока тот не начинал болезненно ныть и неметь. Бранчивый жест. Тик-так.

Непереносимый, перекрывающий друг друга рев близнецов достиг апогея.

Лучше оставаться у окна, чем подвергаться риску, что опять вспенятся и запахнут пемзой видения, как бывало всякий раз, когда она подходила к люльке. Не надо идти на кухню, там ножи. Не надо приближаться к подушкам и тазам с водой. Не надо брать детей на руки, поскольку можно поднести их к окну и выбросить. «Дрянь», – слышался голос матери. «Дрянь, дрянь, дрянь».

Во время одной из тюремных отсидок в интернате, наутро после нешуточной грозы она сделала несколько неуверенных шагов с крыльца дортуара в слепящий, хрупкий, скользкий мир. Все клены на центральной лужайке заключили в тесные стеклянные коробы, как зубами, усеянные сосульками. Когда дети начинали плакать, Аннабел становилась похожа на те деревья: сначала пустила корни, а потом замерзла. Детский плач казался таким же далеким и безответным, как крики птиц, кружащих над заполненными льдом гнездами.

Когда они родились, Эддисон находился в море на «Джозефине». Схватки у Аннабел начались четвертого сентября, на три недели раньше срока, и прошло больше суток, целая вечность, прежде чем затемно шестого сентября, в первый день сражения на Марне, близнецы были наконец изринуты. Она не могла придумать никаких имен и махнула рукой в знак согласия, когда акушерка предложила Мэриен, а врач Джеймса, чтобы звать мальчика Джейми.

Теперь, когда она знала, что значит кричать, истекать кровью, ужас родов граничил для Аннабел с ужасом войны. Роды стали еще одним кошмаром, к которому обращался раскусодок, когда она ослабляла бдительность. Опять являлся таз с красной водой, медицинские ножи, щипцы. Опять перед ней были лиловые дети, перемазанные кровью и чем-то вроде заварного крема, маленькие, как щенята, и опять возвращался дикий страх, испытанный ею, когда она впервые увидела их, мимолетная, безумная уверенность, что врач держит в руках ее органы, что ее выпотрошили. Акушерка говорила, роды – тяжелое испытание, но потом придет радость. Или эта женщина говорила неправду, или, что более вероятно, Аннабел не нормальная мать.

Когда детям было пять дней, вернулся Эддисон. Он озадаченно посмотрел в колыбель, а потом перевел взгляд на Аннабел. Та со спутанными волосами, провоняв потом, лежала на кровати. Она отказывалась мыться, поскольку врач утверждал, что теплая вода стимулирует выработку молока, а молодая мать твердо решила пересохнуть.

– Тогда в холодной воде, – предложила дневная кормилица. – Чтобы смягчить раздражение.

Аннабел ответила, что скорее умрет, чем примет холодную ванну.

– Ваше дело – дети, а не я, – сказала она. – Оставьте меня в покое.

В молчании она не уступала Эддисону. На следующий день тот опять уехал.

– Всего-навсего приступ меланхолии, – объяснила кормилица. – Я уже такое видела. Скоро вы придете в себя.

В себя.

Воспоминания о мраке ее первых лет. Синие от луны занавески детской, рядом отец, он обнимает ее. Больше никто ее не обнимал. Тепло другого тела пьянит. Она рефлекторно хватается за ворот его шелкового халата и чувствует, как он дрожит. На этом воспоминания заканчивались.

Семь лет. Она стоит в кладовке дома в Мюррей Хилле, задрав платье, а в ногах у нее сидит сын кухарки, мальчик лет одиннадцати. С порога рваный крик, и влетает что-то огромное, загроможденное. Шумная няня с большой грудью и черным подолом заполняет небольшое пространство, как сорока, залезшая в воробьиное гнездо. Кухаркин сын вопит, пока его лупят. Няня крикнула всего один раз, вначале, а потом, таща Аннабел вверх по лестнице и запирая ее в кладовке, молчала и только возбужденно сопела.

В кладовке темно, но через замочную скважину через коридор видно ее детскую, желтое одеяло на кровати и куклу, брошенную на пол лицом вниз.

– Я плохо себя вела? – спрашивает она у няни через дверь.

– Сама знаешь, – отвечает та. – Хуже девочек не бывает. Тебе должно быть больше, чем стыдно.

«А что там, за стыдом?» – думает Аннабел, скрючившись между совками и банками с лаком для мебели. Если ее поступок так ужасен, почему отцу, богу этого дома, у кого куда больше власти, чем даже у матери или няни, можно трогать место, за которое сын повара пред-

ложил ей лимонный леденец, только чтобы посмотреть, место, которое няня называла капусткой? «Наш с тобой секрет, – говорит ей отец, имея в виду свои посещения, – мама ничего не должна знать, поскольку ей будет завидно, как сильно он любит Аннабел, как Аннабел любит папу и как им тепло вдвоем».

В тот день, когда она показала капустку кухаркиному сыну, мать избила ее по голым ногам и по попе, называя «дрянью, дрянью, дрянью».

Первый врач прописывает ежедневные холодные ванны и вегетарианскую диету.

Няня отказывается отвечать на любые вопросы о том, что значит «дрянь».

– Такие разговоры лишь подстегнут тебя.

Хотя однажды, когда Аннабел спрашивает, плохая ли капустка и у мальчиков, няня выпаливает:

– Глупый ребенок, у мальчиков нет капустки, у них морковь.

Создается впечатление, что «дрянь» как-то связана с овощами.

С чувством неловкости, вины, по причинам, которые она не может объяснить, Аннабел, когда за ней никто не смотрит, в детской или в ванной начинает трогать свою капустку. Ощущения мягко притупляют разум, погружают в приятную атмосферу и даже имеют свойство прогонять нежелательные воспоминания, например освежеванного ягненка, виденного ею на кухне с высунутым языком, или мать, называющую ее дрянью. Они приглушают даже мысли об отце. Отец уверяет, что старается делать нечто приятное. Значит, если от его посещений ей становится страшно, с ней что-то не так. Она должна попытаться исправиться.

Девять лет. Аннабел просыпается от порыва холодного воздуха, утреннего света; желтое одеяло сдернуто. Мать стоит над ней, держа одеяло, как матадор – капоте. Слишком поздно. Аннабел понимает, что во сне ее руки забрались под ночную рубашку.

– Дрянь, – выплевывает мать, склонившись над ней, будто готовый упасть топор.

На следующую ночь няня связывает ей руки, и она спит с переплетенными, как на молитве, пальцами.

– Твоя мать прекрасная женщина, – говорит отец, глядя веревки на запястьях, но не развязывая их. – Но она не понимает, мы просто хотим, чтобы нам вместе было тепло.

– Я дрянь? – спрашивает Аннабел.

– Все мы немного дрянь, – отвечает отец.

Второй врач стар и похож на собаку, у него отеки под глазами, пятнистая кожа и длинные мочки ушей. Щипцами он извлекает из стеклянной банки одну-единственную пиявку. Раздвигает ей ноги.

Звон закладывает уши. Затемняющий все белый свет вихрится метелью, потом его разрывает резкая струя нюхательной соли. Врач выходит побеседовать с матерью, оставив дверь открытой.

– Перевозбуждение, – объясняет он. – Очень серьезно... Но пока нет оснований отчаиваться.

Еще больше холодных ванн и раз в неделю тетраборат натрия. Ей не позволяют никаких приправ, ярких красок, быстрой музыки, ничего живого, возбуждающего. Перед сном полная ложка сиропа из бутылочки янтарного цвета, погружающая ее в бездонный сон. Несколько раз утром она чувствует у себя на подушке слабый запах табака, но ничего не помнит.

В день, когда она с ужасом просыпается на окровавленной простыне – ей двенадцать, – мать говорит, что она не умрет, но кровь будет каждый месяц, как напоминание: нельзя – да, опять, всегда, – быть дрянью.

Примерно в то же время еще два события: во-первых, она обращает внимание, что не слышит больше на подушке запаха табака, и, во-вторых, ее отправляют в интернат. Жизнерадостный щебет других девочек, их книжки, молитвы на сон грядущий, тоска по дому, письма мамам, радостные танцы по парам, возня с волосами, пощипывание щек, чтобы разру-

мяниться, – ото всего этого она чувствует себя мрачным пауком, шныряющим среди веселых туфелек. В приступе ярости понимает, что ничего не знает о мире. Ее держали вдали от него.

Как избавиться от ужасающего невежества?

Быть внимательной. Подслушивать. Просеивать информацию и усиленно искать зацепки. Наугад брать книги из библиотеки, другие воровать у девочек, особенно запрещенные, которые те прячут. Прочесть «Грозовой перевал», «Остров сокровищ», «Двадцать тысяч лье под водой» и «Лунный камень». Прочесть «Дракулу» и пережить ужас ночных кошмаров про Ренфилда, безумного зоофага в сумасшедшем доме, скармливающего мух паукам, пауков – птицам, поедающего птиц и мечтающего употребить в пищу как можно больше жизней. Стащить «Пробуждение» и мечтать о том, как зайдешь в море, хотя ты никогда не заходила ни в какую воду, кроме ванны. (Даже в интернате ванны у нее холодные.) Из книг постепенно набрать путаных сведений: существуют и другие представления о стыде и «дряни», чем у матери. Догадаться: оказывается, иногда женщины хотят, чтобы их трогали мужчины. (Над некоторыми книгами девочки вздыхали и откидывались на подушки. «Как романтично», – говорили они, но не ей, Аннабел считалась странной.) Уверившись, что все уснули, она опять начинает трогать штучку; та уже не капуста, а заветный орган, уже не по-детски бездвижная, а живая, животная. Ощущения становятся резче, как будто остренький рыболовный крючок, цепанув за нервы, куда-то ее тащит. Ей открылись мерцание, звон, пульсация, вспышка.

Раз в неделю в интернат приходит молодой человек учить девочек играть на пианино. Он наклоняется над сидящей на скамейке Аннабел и длинными пальцами берет низкие, гулкие ноты. Он почти такой же белокурый, с изогнутыми, удивленными бровями и заметными следами расчески в волосах. Как-то раз она берет его руку и кладет себе на платье, над штучкой. Ужас на лице молодого человека смущает Аннабел.

Ее с позором переводят в другую школу, рангом пониже, но через месяц вызывают домой, поскольку умерла мать. Отец держится вежливо, правда, холодно и смущенно, кажется, он забыл о своем прежнем желании тепла. Няня исчезла, а когда Аннабел спрашивает о ней, отец отвечает: она уже слишком большая, чтобы иметь няню, не правда ли? Аннабел принимает такую горячую ванну, что выходит оттуда, как будто ее сварили.

(Лишь позже, подслушав разговор на похоронах, она узнает, что мать выпила целый флакон снотворного.)

Третья школа, та, с кленами, снежный буран. Учитель истории старше учителя музыки и не боится Аннабел. Он находит предлог вызвать ученицу к себе в кабинет.

– Как рыба в воде, – говорит учитель, избавив ее от невинности на провисшем диване. – Я видел это в тебе. Видел, что ты такая и есть.

– Что вы имеете в виду?

– В твоих глазах. Ты разве не хотела меня соблазнить?

– Наверно, – отвечает она, хотя точно не знает, чего хотела.

Она просто отвечала на его взгляды и позволила ему совершить то, что хотел он, почувствовав тупую, режущую боль; оба практически не раздевались. Потом, когда она шла по школьной лужайке, на нее навалилась грусть, которая, видимо, является послевкусием любого человеческого общения, но опыт не неприятный, и она охотно явилась к нему в кабинет, когда он вызвал ее в следующий раз. Прежде он отвернулся и что-то с собой сделал, необходимое, по его словам, чтобы не было ребенка. С опытом она научилась извлекать из его манипуляций мерцание и звон, иногда даже пульсацию и вспышку, но грусть все равно оставалась.

– Давай убежим, – предлагает он, а она смотрит на него с дивана, обескураженная тем, что он думает, будто им есть куда податься.

Из последней школы ее не исключают, а в шестнадцать выдают аттестат, и она возвращается в Нью-Йорк. Из всех сил старается вести внешне респектабельную жизнь в качестве

незамужней половины отца, его спутницы на ужинах, приемах, в путешествиях. Пытается быть хорошей, избавиться от дрянных потребностей. Но изгнать их можно, только отрубив себе голову и продолжая жить. У нее появляются любовники. Мера их скромности различна.

– Может, тебе стоит подумать о замужестве? – спрашивает отец.

Оба знают, что в Нью-Йорке никто не мечтает на ней жениться, несмотря на его состояние.

Занятия любовью приносят облегчение, да, но кроме того позор, слухи и презрение. Она хотела быть другой, не таскаться по мужчинам, не гнуться под тяжестью мрака, не испытывать жадных желаний. Но у нее не получилось. Не получилось ни в Нью-Йорке, ни в Лондоне («Может, английский муж?» – предложил отец), ни в Копенгагене («Может, датский?»), ни в Париже («Может?..»), ни в Риме (об итальянском муже речи не было). Не получилось и на «Джозефине». Она не думала, будто может зачать ребенка, уверенная, что ее дрянная матка совсем сгнила.

– Эддисон Грейвз, – сказала она отцу, убедившись в беременности.

– Кто?

– Капитан. Капитан корабля.

В тот вечер, когда она познакомилась с Эддисоном, отец после ужина отправился в курительную комнату, вверив Аннабел дамской гостиной, откуда та с легкостью улизнула. Она стояла на корме «Джозефины», внимательно смотря на черную воду, на поднимающиеся от гребных винтов серебряные облака водяной пыли. Страх прошел ее, приковав руки к леерам. Она представила порыв ветра, удар холода, огромные кромсающие лопасти, удаляющиеся огни корабля.

Будет ли у нее время проследить, как корабль пропадет за горизонтом? Останется ли она одна в центре черной звездной сферы? Будут ли последним, что она увидит, бесчисленные, беззвучные искорки света? Не может быть большего одиночества. Или, думала она, большей правды. По ее опыту, близость к другим человеческим существам в общем-то не уменьшает одиночества. Она представила, как опускается все глубже, глубже, оседает на дно океана. Последняя холодная ванна, чтобы погасить огонь.

Ветер пронизывал платье. Она не могла предсказать, когда ослабнет сила воли, но той ночью дрянь ее спасла, отодрала от кильватера и потащила в каюту Эддисона. За ужином он увидел ее, какая она есть. И понял с такой силой, будто дал пощечину.

* * *

Возможно, Аннабел вспомнит, какие дети красивые, взяв их на руки, предложила дневная кормилица. Какая же она счастливая, у нее такие здоровые дети, ведь некоторые теряют своих при рождении, бедняжки.

– Господь создал женщину матерью.

– Если у вас есть хоть капля здравого смысла и если вы любите вашего Бога, держите их от меня подальше, – ответила Аннабел, и испуганная кормилица, подхватив детей, ушла, хлопнув за собой дверью спальни.

Вопреки совету доктора, она разместила объявление в газетах о найме кормилиц до рождения близнецов и взяла первых же откликнувшихся женщин. Обе утверждали, что замужем. Ни одна не предложила объяснения тому, почему ее грудь изобилует лишним молоком, а Аннабел не спрашивала.

– По моему мнению, подобная практика недалеко от проституции, – сказал доктор. – Часто их собственные дети живут в чудовищных условиях, чтобы они могли продавать молоко. Едва ли позволительно называть таких женщин достойными.

Однако достоинство этих женщин Аннабел не интересовало.

Когда она на рассвете вышла от Эддисона и вернулась в свою каюту, отец не спал и, еще в бабочке и фраке, сидел у себя возле пустого стакана и полной пепельницы в ожидании, оставив дверь между их комнатами открытой.

– Аннабел. – Он выглядел старым, усталым, отчаявшимся. – Что я должен делать иначе?
– Ты должен дать мне поспать, – ответила она, закрывая дверь.

Нью-Йорк

Октябрь 1914 г.

Месяц спустя

Ллойд Файфер в трауре внешне не отличался от Ллойда Файфера на вершине счастья. Пальто и шляпа безупречны. Воротничок выстиран и накрахмален идеально. Узел галстука безукоризнен. Он ходил быстрым шагом.

Но в течение месяца Ллойд Файфер, проигрывавший жизнь и привычки Ллойда Файфера, являлся не более чем приведенным в движение панцирем, пустой оболочкой. Внутри разлилась тень, струйка дыма, дух мрака, проглядывающий наружу, когда он просматривал декларации, обсуждал цены на уголь, ел на обед крабовый ньюбург и драл любовницу. То, что было прежде, – жовиальный, хоть и безжалостный мужчина, полный презрительного ума и неистощимой энергии, – похоже, отлетело вместе с последним вздохом сына Леандра.

Дифтерия. Шесть лет.

Матильда еще не выходила из своей спальни (отделенной от спальни Ллойда их гардеробными и совместной гостиной) и почти ничего не ела. Выживших мальчиков – Генри, Клиффорда и Роберта – убрала с глаз подальше няня, и Ллойд не знал, как они проводят время: угрюмо сопят или вопят и дерутся. Он никогда не интересовался детскими делами и не подозревал, что, если потеряет одного, из его недр поднимется такая боль, черная, первозданная, как нефть.

Генри, которому было двенадцать, как-то вечером пришел к нему в кабинет и вежливо попросил отправить его в школу. Ллойд выразил сомнения, сказав, что мать в нем нуждается.

– Но она даже не хочет меня видеть, – возразил Генри. – Не отвечает, когда я стучу.

– Женщины, желая продемонстрировать глубину и возвышенность своих чувств, – ответил Ллойд, – прибегают к театральным приемам. Потакание лишь продлит спектакль. Она появится, как только поймет, что не имеет смысла продолжать.

Мальчик ушел уязвленный и мрачный. На рассвете, устав лежать без сна, Ллойд сбросил одеяла и широкими шагами прошел через смежные комнаты в спальню Матильды, намереваясь выбрать жену за оцепенелость и велеть ей взять себя в руки. Но прежде, чем он успел заговорить, Тильди, лежа в постели, безмолвно подняла руки, и Ллойд, упав в них, зарыдал у нее на груди. Файфер впервые плакал о Леандре, не считая дня смерти, когда он, принимая ванну, скорчился, опустив лицо в воду, и рыдал туда. Он и Тильди не обнимал, с тех пор как... Он не помнил. Он плакал, а она гладила его по голове; он плакал, пока не уснул.

Утром он вышел из ее комнаты, не сказав ни слова. Но на следующую ночь опять пришел, и ее тепло растопило его. На третью ночь он задрал ей ночную рубашку и любил ее.

Прошла неделя, день и ночь поменялись местами. Днем правил дух мрака, а по ночам тело жены его изгоняло. Ллойд не знал, что думала Тильди о его визитах, но в это утро, когда он уходил из дома, она сидела с мальчиками за завтраком, очень бледная, молчаливая, но живая и с выпрямленной спиной.

* * *

Шофер довез Ллойда почти до конца Бродвея, практически до того места, где Манхэттен окунает большой палец в океан. После рождения Роберта, третьего сына, Ллойд и Матильда

продали дом в Грамерси-парк и, присоединившись к миграционной волне изысканных душ на север, переехали в новый дом на 52-й улице, что удлинило его дорогу на работу. Файфер думал переместить контору L&O хоть немного повыше – некоторые его дела уже управлялись с Челси Пирса, – но ему не улыбалась мысль лишиться матерого, повязанного друг с другом конгломерата контор пароходств и кассовых залов в южной части острова.

Однако Ллойд боялся стать таким же упертым, как его отец. Даже когда состояние Эрнста заметно выросло, он наотрез отказался переезжать с семьей из тесной квартиры на Перл-стрит. Вытерпев воспитание одного ребенка, он решил не дарить жене другого. Эрнст переходил от парусов к паре слишком долго, без единой капли воображения. Дома говорил только по-немецки, покупал только немецкоязычные газеты и, казалось, не питал ни малейшего интереса к стране, где он обосновался, к стране, которая, выходя за пределы своих возможностей, производила деньги подобно гигантской машине.

Ровно в восемь шофер остановился перед солидным зданием из известняка и открыл Ллоиду дверь. Тот проигнорировал преувеличенные приветствия портье и быстро прошел по вестибюлю с колоннами к лифтам. В ранний час девятый этаж пустовал. На стенах висели гигантские карты с помеченными маршрутами, утыканные кнопками, обозначающими местоположение кораблей, его уточняли ежедневно. Оставшиеся небольшие просветы занимали картины в рамках с изображением кораблей L&O, на самом видном месте – «Джозефина Этерна» и ее сестра поновее «Мария Фортуна», окрещенная при спуске на воду в честь стареющей сопрано, в которую на тот момент времени был влюблен Ллойд.

В кабинете Файфера его помощник, восхитительно ненавязчивый молодой человек, уже разложил на столе утренние газеты. Обычно Ллойд просил чашку чая и деловито пролистывал издания, но сегодня сидел неподвижно, уставившись на заголовки о войне. Немцы бесчинствуют в Бельгии. Вырытые траншеи становятся могилами для живых. Война проникает в самую землю Европы.

Внезапная алая вспышка бешенства, как будто его толкнули на угли. Он мечтал, чтобы Германия проиграла войну, чтобы отец воскрес из мертвых и увидел это. Мечтал, чтобы все узнали, как это – потерять сына. Чтобы черная пелена горя покрыла всю планету.

Тысячи уехали из Нью-Йорка, стремясь вернуться в страны своего рождения, чтобы принять участие в войне. Иммиграция наоборот. Однако волна энтузиазма схлынула, и корабли L&O шли на восток заполненные менее чем наполовину. Ллойд думал, а вернулся бы в Германию Эрнст, взял бы винтовку в свои старые костлявые руки. Может быть. А может, нашел бы какой-нибудь неприметный способ помочь отечеству. Шпионами или контрабандой оружия и продовольствия. А может, оказался бы слишком упрямым и слишком медлительным даже для прибыли.

Ллойд крутанулся и посмотрел в окно. На западе между зданиями виднелся Гудзон. Он надеялся заметить «Джозефину», когда она несколько позже будет подходить к Челси Пирсу. Подумал, неплохо бы выпить по глоточку с Эддисоном Грейвзом.

Ллойд мешало его немецкое происхождение. Второе имя, Вильгельм, теперь звучало как обвинение, германский отцовский саботаж. Но война может принести и новые возможности. Для него может найтись роль, партия, и он ее сыграет. Он не то, что отец.

Тут пришло и было изгнано воспоминание о том, как Генри тихо закрывает за собой дверь кабинета.

* * *

– Как жена? – спросил Ллойд Эддисона.

У него не хватило духу поинтересоваться новорожденными детьми, появившимися на свет всего за пару недель до смерти Леандра, несправедливый подарок судьбы.

Эддисон рассматривал свой виски.

– Если честно, одному богу известно. По-моему, не вылезает из постели. Кормилица говорила мне, не выказывает никакого интереса к детям, не моет их, не кормит. Она сказала, что иногда у молодых матерей бывают проблемы, но никто еще так не пугал ее, как Аннабел. «Жуткий мрак», так она выразилась.

– В нашем доме тоже мрак. Надо бы помечать двери, как во время чумы.

– Мне жаль. Ты получил мои соболезнования?

– Да, вероятно. Не знаю. – Виски Ллойд предпочитал джин. Он отпил глоток. – Боюсь, все это не имеет значения, соболезнования и тому подобное, но все равно спасибо. А почему Аннабел в таком состоянии? Что-то не так с детьми?

– Нет, совершенно здоровы.

– Она больна?

– Видеть врача не хочет. Ненавидит врачей. Но не думаю, что дело в болезни, по крайней мере в болезни тела. Она вроде как оплакивает их рождение, словно... В общем, я не понимаю.

– Заставь ее обратиться к врачу.

– Да, наверное, стоит.

– Ты слишком долго был в море.

– Там я знаю, что делать.

Кости на лице Эддисона выступили даже больше обычного, незаполненная кожа свисала между скулами и челюстью, лоб затенял глаза. Дух мрака зашевелился в груди Ллойда, он завидовал Аннабел, которая нежилась в постели, выматывая мужа, забросив детей, наверняка не имея ни малейшего представления о страдании, выпавшем ему с Матильдой. Файферу вдруг нестерпимо захотелось очутиться дома и чтобы Матильда гладила его по голове. Он никогда не говорил другу, но до его свадьбы несколько раз встречал Аннабел на приемах, кроме того, до него доходили слухи о ней, столь неприглядные, что поверить в них казалось трудно.

– Ты слишком терпелив, – сказал он Эддисону. – Вели ей встать, быть полезной. Женщины любят быть полезными. Напомни, как она счастлива. Смени ей обстановку. Напомни, что она жива. – Он чувствовал, как краснеет. Голос стал хриплым. – А если понадобится, выкопай из кровати лопатой.

Эддисон поднял взгляд, в котором было что-то неясное. Упрек? Беспокойство?

– Возможно, ты прав, – тихо ответил он.

Северная Атлантика

Декабрь 1914 г.

Шесть недель спустя

«Джозефина Этерна» горела. Плавучий погребальный костер, горы огня. Она кренилась на правый борт – медленно, очень медленно, – будто прилаживаясь, как погрузиться в океан.

Гладкая черная вода. Густой синий предрассветный туман, разбавляющий яркое пламя. Под поверхностью бахромка рваной стали и выданных заклепок, вода – вода, которая заливала топки и кочегаров в котельных, заполняла носовые трюмы и поднималась по трубам, лилась из раковин, ванн и туалетов, бежала по проходам вниз и по лифтовым шахтам вверх, вода, которая – медленно, очень медленно – укладывала корабль набок, тянула нос вниз. Моторы омертвели, гребные винты застыли. Дым валил из лестничных шахт, и пассажиры в белом ночном белье – уже призраки – валили вместе с ним.

Эддисон собирался тонуть. Он будет стоически ждать на палубе, пока вода не поднимется до пуговиц мундира, не покроет золотые эполеты, не смоет его. Представляя себе подобное, он всегда знал, он сделает достойный выбор, но никогда не думал, что на борту может оказаться

его жена, и уж точно не два младенца. Именно он настоял, чтобы Аннабел поехала в путешествие. Ему пришлось чуть не выкапывать ее из постели лопатой, как и рекомендовал Ллойд, но что-то нужно было предпринять.

– Ты не можешь оставаться несчастной вечно, – сказал он ей.

– Почему бы и нет? – ответила Аннабел.

Свежий морской воздух пойдет на пользу, уверял он, не чувствуя никакой уверенности. Отдавал приказы: корабль, воздух. Она уступила. Никаких кормилиц, решил он. За детьми придется ухаживать самой. Она уступила. Аннабел поднялась на борт, как багажное место, молчаливая, пассивная, неповоротливая.

В известной степени эксперимент казался удачным. До того Аннабел не ухаживала за детьми ни дня, но, поставленная перед необходимостью, каким-то образом поняла, как их пеленать, менять подгузники, засовывать в ротки бутылочки с теплой смесью из коровьего молока, сахара и масла печени трески, приготовленной по рецепту ночной кормилицы и поставляемой в любое время из камбуза. Эддисон, возможно, злорадствовал бы, если бы не что-то неправильное в том, как Аннабел исполняла материнские обязанности: с пустыми глазами, механически, как рабочий у конвейера. Однажды вечером он застал ее на корме; она стояла и смотрела в темную воду.

Когда произошел взрыв, они шли уже пять дней и оставался еще один полный, удлинённый туманом день до Ливерпуля, поскольку они входили в часть океана, ошестинившуюся перископами и напичканную минами.

На борту находилось всего пятьсот двадцать три пассажира, разместиться могло еще два раза по столько же. Экипаж насчитывал больше людей.

Когда грохнуло, Эддисон не спал. Еще до рассвета, сходя с ума от рева одного из близнецов, он, пока Аннабел кормила второго, схватил бутылочку, ребенка и вернулся в кровать.

Как только резиновый сосок оказался во рту, ребенок успокоился, вперившись бледными глазами в лицо отца. Эддисон ослабил пеленки, и появились две розовых ручки в пятнах.

– Это который? – спросил он.

Аннабел сидела так, что лицо ее было в тени.

– Не знаю. Не важно.

У него на коленях пульсировал ребенок, растопыривая и опять сжимая маленькие пальцы. Прежде чем услышать взрыв, Эддисон почувствовал, как в ушах изменилось давление. Звук был везде, пронизывал воздух. Корабль содрогнулся и, кажется, даже перекосился. Скрежет, мгновение мертвой тишины, затем полилась вода. Вибрирующий скрежет, опять тишина.

– Что это? – спросила Аннабел. Резко, но без испуга.

Эддисон торопливо оделся.

Часть лееров правого борта покорежилась и погнулась. Поднявшись вверх осмотреться, Эддисон отпрянул от дыма и пара. Пронзительно, доводя до исступления, верещал сигнал пожарной тревоги. На мостике он велел телеграфировать в машинное отделение: «Остановить», хотя моторы и так испустили дух. Отправил третьего помощника вниз проверить. Уже заметно накренился правый борт. Грейвз постоял неподвижно, глядя на свои ботинки, просчитывая. Туман давил на окна капитанского мостика, как повязка на глаза.

– Приготовить лодки, – распорядился он. – Дать сигнал общей тревоги.

Радист в радиорубке отбивал отчаянные сигналы – точки, тире. Ближайший корабль, торговое судно, находилось в тридцати морских милях и «шло на полной скорости». Но оно появится не раньше чем через два часа.

Эддисон внимательно смотрел на огонь, крен правого борта, синий туман, черную воду.

– Покинуть корабль, – сказал он первому помощнику, который крикнул это другим офицерам, а те передали дальше.

Странное эхо не затихало, а становилось громче. На шлюпочной палубе царила полная неразбериха. Стараясь перекрыть возбужденных пассажиров, возвращающиеся шлюпбалки, шипение пара, вопили в мегафон члены экипажа. Эддисон ходил по кораблю, пытаясь навести порядок. Он отлучится лишь на мгновение, говорил он себе, лишь убедиться, что Аннабел с детьми садится в лодку, и коротко, мужественно с ними проститься.

Он прокладывал путь сквозь дым и шум.

То простое обстоятельство, что Аннабел в каюте не было, дошло до него медленно, как во сне. Два запеленатых младенца орали в люльке. Аннабел не было ни в кресле, ни в кровати. Не было в ванной, где из труб хлестала вода. Багровые лица детей исказились от негодования, губчатые розовые языки завивались в раззявленных ртах. Эддисон открыл платяной шкаф, но, разумеется, Аннабел не было и там. Он вышел в коридор, позвал ее, еще раз, громче.

Давным-давно Грейвз воспитал себя так, чтобы не испытывать сомнений. Если бы он засомневался, бросая канат Ллойду, его друг утонул бы и никогда не стал бы ему другом. Но теперь, ожидая посреди каюты, что сейчас что-то изменится, придет какое-то решение, он колебался. Наконец, все еще обуреваемый сомнениями, подошел к шкафу, достал из ящика свой пистолет, зарядил его и бросил в карман мундира. Вынул детей из люльки, взяв по одному на руку.

Вниз по погнутым трапам, за тяжелую погнутую стальную дверь, опустив ручку локтем и толкнув ее плечом. Маленькие болтающиеся головы вызвали у него беспокойство, телачинки нести было неудобно. Опять очутившись на палубе, проталкиваясь сквозь охваченную паникой толпу, он тянул шею и вертел головой, разыскивая Аннабел. Где она? Вопрос стучал у него в голове оглушительно, безжалостно. Тихий голос откуда-то из немого нутра ответил: «Ты ее не найдешь». Если бы она хотела вернуться, то не ушла бы.

У выступившего из воды левого борта возле лодок, которые еще не спустили на воду, которые не горели и не оказались в воздухе, шли ожесточенные сражения. Опасная щель разверзалась между закрепленными на правом борту шлюпками и кораблем.

Он как раз проходил мимо, когда опускающаяся лодка завихляла на канатах и из-за веса опрокинулась, выбросив людей в воду, где их и так было уже много. Эддисон не слишком им сочувствовал. Люди гибли, но он тоже скоро погибнет.

У шлюпки под номером двенадцать он остановился. Щель расширялась. Эта лодка из последних, что можно будет спустить на воду. Одной рукой он прижал к себе детей, другой достал пистолет и выстрелил в воздух.

Пассажиры закричали и, отпрянув, пригнулись, как высокая трава от порыва ветра.

Размахивая пистолетом, Эддисон пробился к краю палубы.

– Назад! – велел он. – Отойдите назад.

Он освободил пространство в виде полумесяца, чтобы те, кто садился в лодку, могли разбежаться, прежде чем перепрыгнуть щель, полосу черной воды далеко внизу. Матросы у шлюпочных балок, вероятно, сами уже простившись с жизнью, при помощи багров с крюками пытались удержать лодку в стабильном положении. Дети кричали, но Эддисон их почти не слышал.

Он по очереди отбирал тех, кто должен был занять место в лодке, вытаскивая людей из толпы, давая знак пистолетом, когда приходило время прыгать через расщелину. Женщины и дети. Женщины подбирали юбки и прыгали. Ни одна не упала в воду. Он начал искать, кому может поручить своих детей, кто точно выживет.

* * *

Лодка заполнилась, но он так и не увидел лица, внушившего ему доверие. Все чужие, просто женщины с испуганными глазами, дрожащими или лепечущими что-то губами. На руках у него будущие сироты. Он подошел к краю, ухватив за пеленки одного, чтобы передать его.

Грейвз не знал, кто это из близнецов. Он мечтал сбросить свой груз и наконец почувствовать, как поднимается вода.

Его ошибкой было посмотреть ребенку в лицо, комок беспомощного возмущения. От одного лишь взгляда у него все помутилось, как после апперкота в челюсть. Вода отступила, выплюнула его. Как он мог доверить детей незнакомой женщине в маленькой, неустойчивой лодке? Как мог отправить их по морю, полному тонущих людей, которые будут тянуться, хвататься за весла и борта, словно глубоководные чудища? Он вдруг увидел, как лодка переворачивается, как белые детские пеленки тают в глубинах, будто полотняные саваны – такими он, будучи матросом, помогал обматывать покойников, прежде чем спустить в воду. Нет, он сам должен увериться, что они живы, сам должен увидеть, как они доберутся до земли или погибнут.

Он прижал к себе близнецов, сделал два больших шага и прыгнул в лодку. Плотнo сидящие женщины отпрянули, и он полуупал-полувстал среди них, согнувшись, чтобы защитить детей. Восстановив равновесие, он вытянулся во весь рост и прокричал изумленным членам экипажа:

– Опускайте!

Привычные выполнять приказы и помня про пистолет, они, скрипя шкивами, принялись за работу. Лодка под номером двенадцать с грузом, состоящим из женщин, детей и одного мужчины, отделилась от толпы, дыма и стала опускаться мимо огня, выбивающегося из иллюминаторов, словно пальцы угодивших в ловушку демонов. Медленно, рывками она достигла воды, коснувшись ее с легким всплеском.

Нью-Йорк

Июль 1915 г.

Семь месяцев спустя

Новорожденный сын Файфера, появившийся на свет ночью после непродолжительных родов. Ребенка отняли от матери, превратив в отдельную личность, перерезали пуповину, помыли, укутали и покормили грудью. Георг, названный в честь короля, пятый сын, хотя впятером сыновья Файферов никогда не соберутся на земле.

Ллойд рухнул возле Матильды в одежде, но сняв галстук, между ними лежал крошечный Георг.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– Устала, – ответила она, слегка сомневаясь, нужно ли так говорить. – Но счастлива. И мне легче оттого, что я счастлива. Такой подъем... Я помню это по другим, но не считала такое еще возможным.

Ллойд приложил палец к щеке младенца. С тех пор как Матильда поняла, что беременна, незадолго до потери «Джозефины», Ллойд, из суеверия и в знак искупления, оставался ей верен. И восемь месяцев находил мир в монашеской жизни только с одной женщиной. (Хотя в том, как благодаря войне росло его состояние, сыпля веселым дождем поверх уже существующего, не было ничего монашеского.)

В истории с «Джозефиной» Файфер проявил легкомыслие, горячность и непрофессионализм, им руководили гнев на отца и горе после смерти Леандра, и он заплатил ужасную цену. Конечно, сотни сгоревших и утонувших заплатили еще большую. А Эддисона Грейвза посадили в Синг-Синг³.

Ллойд хотел лишь внести свою лепту в борьбу против немцев, сделать хоть что-нибудь и, когда его друг сэр Джеральд де Редверс предложил контрабандой провозить на его кораблях оружие в Англию, ухватился за эту мысль. В спешке он ни с кем не посоветовался, не принял

³ Тюрьма строгого режима недалеко от Нью-Йорка. – Прим. пер.

никаких мер предосторожности, даже не сказал Эддисону, что находится в ящиках, а только попросил его – по сути приказал – закрыть глаза на отсутствие товара в декларации.

Однако, как Ллойд стало ясно теперь, нельзя грузить на корабль оружие с той же беспечностью, как и ситцевые отрезы, хотя он по-прежнему не знал, какой фактор в истории со взрывом стал решающим. Ящики, похоже, были надежные. Его уверяли, все упаковали как следует; он также полагал, что и в трюме их разместили как следует. Скорее всего, что-то другое пошло не так, правда, узнать это не имелось возможности. Какая-то ерунда. Что-то, в чем он просто не может быть виноват, не прямо.

– Все потому, что я не разбила бутылку, – сказала Матильда несколько дней спустя. – Я прокляла корабль.

– Ты тут ни при чем.

– Тебе не надо было называть его именем той девки.

– Ты права. Прости.

Он не помнил, чтобы когда-то извинялся перед Матильдой. Ее беременность стала спасательным кругом, за который они ухватились после первого потрясения, связанного с «Джозефиной», после ужаса, порожденного ночным телефонным звонком, телеграммами с цифрами спасенных и погибших, списками имен, мучительной перепроверкой этих цифр и имен, фотографиями переполненных палуб грузового судна, подобравшего выживших, включая фотографию Эддисона Грейвза, живого, с двумя детьми.

Файфер сразу понял, что общественное негодование главным образом падет на голову Эддисона (пресса прозвала его «капитан Трусость»), знал также, что Грейвз никогда никому не скажет про таинственные ящики, не указанные в декларации по просьбе Ллойда. Эддисон опять спасет его. Ему было жаль, очень жаль друга, но что он мог поделать? Не захочет же Эддисон, чтобы L&O рухнуло, поймет: самому Ллойд никак нельзя в тюрьму. Матильда, разумеется, ничего не знала про ящики, предназначенные для Джеральда де Редверса. Она уже столько прощала Ллойд. Он не мог надеяться, что простит и такое.

Затонувшая через пять месяцев после «Джозефины» «Лузитания» – страшная трагедия – его выручила, Ллойд не мог отрицать. Кто взялся бы с уверенностью утверждать, что немцы не подорвали и «Джозефину», может, и по ошибке, в тумане, но не признали? (Ллойд предложил версию некоторым журналистам, посулив заманчивое поощрение желающим предать ее гласности.) Про «Лузитанию» тоже ходили слухи, что у нее на борту имелось какое-то оружие. Люди любят заговоры и не слишком ошибаются: корабельные трюмы – подходящее место для хранения тайн. После кораблекрушения Ллойд поставил крест на перевозке оружия. Правда, отпала нужда. Корабли L&O грузили сталью, лесом, резиной, пшеницей, говядиной, медикаментами, шерстью, лошадьми, и что еще там было нужно. Он приобрел несколько танкеров, которые в свою очередь вызвали у него интерес к нефтяной промышленности, достаточно, чтобы открыть небольшой филиал в Техасе, скромное экспериментальное представительство, населенное парочкой геологов, несколькими нефтяными авантюристами и агентом, заключавшим договоры на аренду пустырей. Ллойд назвал свое предприятие «Нефтью свободы», «Либерти ойл».

Файфер предложил британскому правительству исключительно щедрые условия (не чистый альтруизм, поскольку грузовые трюмы оставались в его распоряжении), и «Мария Фортуна» принялась за работу как транспортное судно Канадских экспедиционных сил. Аккуратная покраска исчезла под мешаниной из беспорядочных полос, шашечек, ложных носовых волн, призванных сбить с толку дальномеры. Вполне возможно, когда-нибудь Соединенные Штаты вступят в войну, а если это произойдет, понадобится больше кораблей. И Ллойд будет готов.

Некоторые его суда могут погибнуть, но теперь Файфер меньше боялся потерь, у него была прививка. Дух мрака оставил Ллойда, а может, он впустил его в себя, не заметив. Грусть

еще давила, но сердце продолжало биться, легкие расширялись и сжимались. Безукоризненно белый воротничок, энергичная походка. У него не осталось времени на любовниц, на приятную вечернюю игру в любовь. Он воззвал к своему достоинству. (Несмотря на благие намерения, приступ верности продлится до конца войны, но не дольше.) Всю потребность в разнообразии Ллойд перевел в дело. Он станет титаном. Пока он в самом начале. Спящий малыш, которого впервые оведал легкий ночной ветер, являлся сыном нового Ллойда Файфера.

Недалеко от Миссулы, Монтана

Май 1923 г.

Восемь лет и пять месяцев спустя

после гибели «Джозефины»

Мэриен и Джейми Грейвз шли по тропинке над рекой, Мэриен впереди, Джейми позади, высокие для своего возраста, почти одинаковые, не считая девчачью косичку. Светловолосые, худые, они мелькали между деревьями, через которые пробивались косые лучи солнца, густые от пыли и пыльцы. Оба были в байковых рубашках и комбинезонах, заткнутых в резиновые сапоги, купленные норвежкой Берит, экономкой дяди. Сапоги громко шлепали по ногам. Гап-гап-гап.

Дальше сидел дядя Уоллес с акварельными красками и блокнотом плотной бумаги, куда он переносил реку, деревья и горы. Там, где на воде и скалах отсвечивало солнце, он оставлял крошечные пустоты белого. Осознанно Уоллес воспринимал сейчас лишь направление взгляда и кисточки. Рисуя, дядя не помнил, что когда-то ему вручили двух маленьких воспитанников и он выпустил их в дикую природу, как пару собак, точно зная, что они в конце концов вернутся. Если бы он переживал за детей, то не мог бы рисовать, стало быть, он не переживал.

Еще дальше, в котловине древнего ледникового озера, где расположена Миссула, у низовья притока, носившего название Рэттлснейк, стоял дом в стиле королевы Анны, с фронтонами, застекленной верандой и круглой башенкой. В нем обитали Уоллес, близнецы и почти всегда – Берит, изо всех сил старавшаяся предотвратить полный разор. Хотя снаружи дом имел запущенный вид – краска отслаивалась, не хватало досок, – а старая мебель совсем износилась, она следила за тем, чтобы по крайней мере не копилась пыль и все было выдраено и начищено. На заднем дворе находилась конюшня на одно стойло – для серого мерина по кличке Фидлер – и флигель, куда Уоллес пускал друзей, когда они ссорились с женами или у них кончались деньги.

Рэттлснейк бежал мимо дома, под железнодорожным мостом, впадая затем в реку Кларк Форк, которая пересекала город и текла дальше на северо-запад. В то время Кларк Форк заканчивалась в озере Панд-Орей, здесь же сливались Блэкфут, Биттеррут и Томпсон, за озером начиналась река Колумбия, впадавшая в Тихий океан.

По мнению Уоллеса, вода всегда течет к чему-то большему.

– Но ведь нет ничего больше океана, – сказала как-то Мэриен.

– Небо больше, – ответил Уоллес.

Близнецы знали, что, если идти дальше по течению, будет старая хижина, потом полоса белого потока, а потом – самое восхитительное – покореженный ржавый «Форд» с открытым верхом. В зависимости от того, как стояла вода, он иногда оказывался на берегу, а иногда наполовину погружался в реку.

Узкая, в рытвинах тропинка могла пропустить только пешехода или всадника. Как машина очутилась в реке, оставалось загадкой. Уоллес не знал. Берит не знала. Богемствующие университетские друзья Уоллеса строили фантастические догадки, но в конечном счете не знали тоже.

Пройдя хижину, Мэриен и Джейми заторопились, хотя оба старались этого не показать. Руки оставались в карманах, осанка наводила на мысль о неторопливой прогулке, но ноги заша-

гали быстрее. Обоим хотелось, сев за треснутый руль «Форда», «поводить» машину. Вторым обычно изображал механика, бандита или слугу – тоже замечательные роли, но не такие великолепные, как водитель. Изредка, для разнообразия, машина превращалась в корабль, и они крутили руль, играя в то, что за штурвалом их отец. Иногда корабль тонул, и они вместе с ним.

Дети знали, что говорили об их отце, и злились, что по его милости им приходится довольствоваться участием детей знаменитого труса. Мать в их играх не фигурировала никогда.

Они обогнули последнюю излучину и рванули бегом, размахивая худыми руками, толкая друг друга на рытвины и камни (гап-гап-гап). Но выбежав из-за деревьев, вместо того чтобы одолеть финальный отрезок, оба замерли.

От талого снега река поднялась, и машина глубоко ушла в воду; колеса и то, что осталось от панели пола, затопило. Ошметки передних колес зацепились за камни, хотя и не очень крепко. Кузов покачивался на воде.

– Будет больше похоже, что мы ведем, она качается, – сказала Мэриен.

– А если оторвет? – спросил Джейми.

– Боишься?

– Нет, просто не хочу утонуть.

– Здесь не утонешь. Это всего лишь речка.

Джейми с сомнением посмотрел на воду. Гладкая коричневая середина реки бугристая, беспокойная, из-за камней в воде и стремительных, холодных, напирających снизу потоков покрыта белыми барашками.

– Можно поиграть в хижине, – помялся он.

– Боишься, – процедила Мэриен.

Вместо ответа Джейми бросился в воду. Вода заливалась в сапоги, но он упорно брел вперед, как человек, который тащит за собой огромный камень. Обычно они плавали нагишом, но машина крайне неприятна для кожи: сплошное зазубренное железо, отслаивающаяся ржа, задубевшие клочки кожи и обрывки отсыревшей шерсти, цепляющиеся к проржавленным пружинам. В общем, в сапоги залилось, все промокло. Джеймс поставил тяжелую ногу на подножку и забрался на водительское сиденье. Тормозной рычаг торчал из воды, как тростник.

Мэриен не понравилось, что машина двинулась под легким весом Джейми, что белая вода пнула бампер, как Уоллес, когда его «Кадилак» застревал в грязи.

– Не иди сюда! – крикнул Джейми. – Я никому не скажу, что ты трусиха.

Но Мэриен зашла в реку. Быстрое течение, неровное дно – она развела руки, удерживая равновесие. Ледяная вода плескала ей в сапоги.

– Пересаживайся, – сказала она Джейми, добравшись до машины.

– Ты всегда водишь. Обойди.

– Тут слишком глубоко.

– Тогда перелезь.

Когда Мэриен схватилась за край провалившегося заднего сиденья, машина накренилась и правое переднее колесо оторвалось от камней. Она отпустила руки, бултыхнувшись обратно в реку. Корпус машины развернуло, так что вода ударила прямо в бок, и пол ушел вниз. Джейми, разинув рот, смотрел, как его колесница покачнулась и плавно двинулась к глубине и более свободному течению. «Форд» медленно кружился и бороздил воду, радиатор постепенно исчезал под водой.

Далеко он не уплыл. Как только колеса опять нащупали камни, на Джейми хлынула вода. Мэриен бегала по берегу, звала его. Бледная голова пропадала и опять появлялась над водой, гладкая, маленькая, ее уносило все дальше. С трудом удерживая равновесие на скалистом берегу, Мэриен поскользнулась и на мгновение совсем потеряла брата из виду. Задышавшись, пригибаясь под ветками деревьев, она обежала излучину. Джейми сидел на песчаной балке и тяжело дышал, с него стекала вода, комбинезон потемнел и отяжелел, сапоги куда-то делись.

Он встал на ноги и издал дикий, торжествующий вопль, какой она слышала только у взрослых мужчин. Потом топнул ногами, взял с земли камень, швырнул его в реку и раскинул костлявые руки. Ее затопила жуткая зависть. Это она хотела быть тем, кто выжил.

Оссининг, Нью-Йорк

Август 1924 г.

Год и три месяца спустя

Когда Эддисон вышел за ворота Синг-Синга, его уже ждал адвокат, Честер Файн, в вечно мятом костюме-тройке, погруженный в книгу, которую держал в руке. Честер прибыл из города поездом и так же поехал обратно, уже вдвоем с Грейвзом, оба молча смотрели на ускользающий Гудзон. Много лет Честер был единственным посетителем Эддисона. Как-то ранним воскресным утром явился Ллойд Файфер, но Эддисон отказался выйти к нему. Позже служащий в тюремной лавке уведомил, что Ллойд положил на его счет сорок долларов, однако Эддисон благоразумно не потратил деньги. Ллойд прислал также несколько писем (их Эддисон выбросил нераспечатанными) и предложил купить его дом по завышенной цене, о чем Честер сообщал однажды в воскресенье.

– Мистер Файфер просил меня передать вам, это меньшее, что он может сделать. – В переполненной комнате для свиданий оба сидели на деревянных табуретах, между ними шла перегородка высотой по пояс. Честер был в своем мятом костюме, Эддисон в серой робе. – Он, по его словам, хочет что-нибудь сделать для близнецов.

– Близнецам его деньги не нужны.

– Но когда-нибудь могут понадобиться. А Файфер никогда не поносил вас и не превращал в козла отпущения, по крайней мере публично. Многозначительное молчание.

– Однажды, в молодости, я вытащил его из воды. Он проникся. – Эддисон протер ладонями глаза. – Нет, продайте дом кому-нибудь, кто не Файфер. Из вещей продайте все, что можно продать, а остальное выбросьте.

– Все? Там нет ничего, связанного с воспоминаниями? Не сохраните для близнецов ничего на память о матери?

– Ничего.

Когда Эддисон вышел (на шесть месяцев раньше, благодаря упорным стараниям Честера Файна), ему выдали сорок три доллара и шестьдесят шесть центов, лежавшие на его счету в лавке. Он опустил их в нагрудный карман. Из вещей у него была только тощая картонная папка, крепко перевязанная веревкой.

На Центральном вокзале Честер Файн пожал ему руку, пожелал удачи, выразил надежду, что они еще свидятся, вручил билет на поезд и, приподняв шляпу, ушел. Эддисон осмотрелся. В высокие окна величественно падал бледный свет. Над окнами на мирном сине-зеленом небе виднелись изысканные знаки зодиака и немногочисленные звезды. Под настоящими звездами он стоял более девяти лет назад.

Великолепный мраморный пол вестибюля, проходы усеяны людьми. Люди торопились, грохотали, как разбросанные шарикоподшипники. Их множество, спешка, благополучие, свобода дезориентировали, даже пугали. Эддисон привык к постоянному надзору и неосознанно полагал, что, вернувшись в мир, все еще будет знаменитым капитаном-трусом «Джозефины Этерны». Он ждал у ворот Синг-Синга улюлюкающие толпы, ждал узнавания, оскорблений, где бы ни оказался. Но вместо этого увидел суетливых, равнодушных незнакомцев. Под нарисованными звездами, ощутив тошнотворную волну радости, он понял: его забыли.

Эддисон купил бутерброд с ветчиной, опустил сорок долларов Ллойда Файфера в кружку попрошайки, спустился в туннель и сел на экспресс до Чикаго. Прождав почти целый день, не осмелившись выйти из здания вокзала, он занял место в поезде и отправился в Миссулу.

* * *

Ясная, теплая ночь, яркая, почти полная луна. Уоллес Грейвз ждал на станции. Он прихватил с собой одну из домашних собак – черно-белую, длинноногую, – и теперь оба смотрели, как на путях растут огни паровоза, и слушали усиливающееся шипение. Выбросив волну жара и заскрежетав тормозами, подъехал локомотив. В скользящих, замедляющихся прямоугольных рамках желтого света люди стояли, надевали шляпы, подхватывали вещи. Открылись двери, сошли пассажиры, носильщики навалили сундуки на тележки. Уоллес выхватил на перроне сутулую, высокую фигуру Эддисона. Он поднял руку, и Эддисон кивнул, как будто поздоровался со знакомым, а не с братом, как будто встреча не была завершением почти двадцатилетней разлуки. Обняв его, Уоллес почувствовал, что прижимает к груди очень крупный скелет.

– Где твой багаж? – спросил он.

Эддисон наклонился поздороваться с псом.

– У меня ничего нет.

– Но вот же. – Уоллес указал на тонкую картонную папку под мышкой Эддисона. – Что там?

Эддисон прокашлялся:

– Твои письма, фотографии, что ты присылал. И твои рисунки детей.

Эддисон ни разу не поблагодарил за десятки портретов, посылаемых Уоллесом, и тот полагал, что все они пропали на тюремных свалках. Это были всего лишь почеркушки, наброски на скорую руку чернилами и акварелью, и все же мысль о гибели любых его изделий приводила младшего Грейвза в беспомощный ужас. И теперь при виде аккуратно перевязанной тонкой картонной папки у него свело горло.

Когда Эддисон ушел из отчего дома, чтобы провести жизнь на море, Уоллес был маленьким мальчиком, отстоявшим от брата на десять лет и несколько безымянных надгробий под ореховым деревом. Мертворожденные. Одиннадцать лет спустя, удрав от неразговорчивых родителей и с выматывающей все силы семейной фермы, он отправился по адресу, который царапал в верхнем левом углу Эддисон, надписывая свои короткие ежегодные письма.

Дом красного кирпича недалеко от Гудзона. Эддисон уже в юности был замкнут и непроницаем, однако пустил Уоллеса жить посреди скудной обстановки и диковинных сувениров из дальних стран. Он даже оплачивал художественную школу брата.

Уоллес кивнул:

– Пойдем. Сюда.

Длинный серый «Кадиллак», предмет особой его гордости, был припаркован перед зданием вокзала. Машина появилась у него во время Великой светлой полосы 1913 года, в тот месяц, когда Уоллес играл подряд во всех шахтерских городках и выиграл не только «Кадиллак», но и золотой песок, позволивший ему посетить все бордели, мимо которых он проходил, а потом еще купить дом. (Мудрое оказалось решение – поместить средства в дом перед Великой черной полосой 1915 года.) Уоллес не поленился поставить машину под фонарем, чтобы Эддисон мог получше рассмотреть ее и восхититься – еще блестящая черная отделка, откинутый верх, толстые шины с глубоким протектором (так хорошо выезжать на пленэр), передние и задние сиденья из черной кожи, от души расцарапанные собачьими когтями.

– Мэриен в нее влюблена, – сказал Уоллес. – Она забавная. Все время торчит на улице, полирует что-то, возится с мотором. Бывая у механика, я ее тоже высаживаю, чтобы она видела.

– Ты писал.

– Просто ты ни разу не ответил. – Уоллес элегантно открыл пассажирскую дверь, жестом пригласив брата занять место в машине. Первым на заднее сиденье змеей забрался пес. – Тебе, должно быть, не терпится увидеть близнецов. Они хотели поехать со мной, но я решил, не стоит

наваливаться на тебя толпой. В любом случае уже поздно. Они будут спать, но ты сможешь заглянуть к ним. Когда не холодно, они спят на веранде. Ну, когда не опасно холодно.

– Знаю. – Эддисон захлопнул дверь. – Я читал письма.

– Но не отвечал. – Уоллес обошел машину и сел на водительское сиденье. – Хотя спасибо за... ну... финансовую поддержку. Она пришлась очень кстати. – Он включил мотор и отъехал от тротуара. – До дома недалеко. Я пригрозил Джейми и Мэриен страшными карами, если они разбудят тебя утром. Они ужасно рано встают. И до самого вечера привыкли развлекаться сами. Ходят на речку, в горы. Даже не знаю куда. Надеюсь, это не звучит так, что я не уделяю им достаточно внимания: если бы я и попытался, то не смог бы их остановить. Обычно они берут лошадь. Ты водишь?

– Нет.

– На море особо и не нужно.

– В тюрьме тоже.

– Наверно, нет. Ты быстро научишься. Я покажу. Мэриен уже умеет, только пока не может жать на педали и смотреть выше руля одновременно. Или одно, или другое. Джейми меньше хочет чему-то учиться, он менее упорен, я бы сказал. Обычно пропускает Мэриен с ее увлечениями вперед. Не будет пихаться локтями. Он... ну, нежный, что ли. Увидишь. А вождение... как только освоишь, будешь передвигаться сам. Можем даже приискать для тебя машину. Я думаю, тебе понравится...

– Уоллес, – перебил Эддисон, – а здесь есть где поплавать?

– Поплавать?

– Да.

– Дай подумать. – Уоллес сбавил скорость, желая доставить брату удовольствие. Нет, Кларк Форк не годится, Биттеррут тоже, не ночью. Кое-что пришло ему в голову: – Найдем.

Он свернул на запад и скоро очутился на грунтовой дороге, перешедшей в грязный проулок. По бокам росли редкие деревья, воздух был свеж. В свете фар косуля будто переплыла ухабистую дорогу и ускакала. Когда машина подпрыгнула и заскрежетала, Эддисон поморщился и Уоллес подавил рефлекс извиниться. Как будто это он придумал купание, как будто вообще все он придумал.

Младший Грейвз никогда не хотел детей, собирался навсегда остаться холостяком и тем не менее ни секунды не замедлил с утвердительным ответом на вопрос Честера Файна по телеграфу, готов ли он взять двух младенцев, которые вырастут в двух детей, будут жить в его доме, отнимать у него время и требовать части его внимания. Уоллес отмел свои нездоровые пристрастия куда-то на обочину, чтобы не маячили на виду. Все добровольно. Он изучал Джейми и Мэриен, разгадывая характер собственного брата, ведь он никогда его толком не знал. Думал, откуда упорство Мэриен – от отца или мифической Аннабел, от кого у Джейми почти лишающий разума ужас при виде страданий животных. Мальчонка помирал от выпавших из гнезда птиц, раненых кроликов, бродячих собак, избитых лошадей. От жестокости в жизни не уйти, пытался объяснить ему Уоллес, но Джейми было не так легко убедить или утешить. Ничего удивительного, что у них дома редко бегало меньше пяти собак.

Хотя Уоллесу не терпелось передать Эддисону часть ответственности за детей, он удивился своей радости, когда брат (немногословно) принял его предложение остаться в доме после освобождения, и своему облегчению, когда тот дал понять: он не собирается тут же забирать детей. Уоллес не понимал, что боится потерять их.

Проулок заканчивался на пологом поросшем травой подъеме, фары под углом били вверх, в никуда.

– Тут внизу небольшая запруда, – сказал Уоллес, выключая мотор.

В воздухе загремел нестройный оркестр насекомых.

Эддисон вышел, аккуратно положил куртку на сиденье, сверху – шляпу и зашагал к воде. Уоллес двинулся за ним. Это была небольшая излучина, заиленный участок в форме полумесяца, там, где река меняла течение. Посередине на маслянистой поверхности плавала луна. Эддисон, растягивая узел, задергал галстук и рывком, как будто избавляясь от петли, снял его через голову. С таким же нетерпением сбросил рубашку. В лунном свете Уоллес увидел позвонки на спине, тени под лопатками. Эддисон стянул ботинки, носки, повозился с ремнем и пуговицами на поясе, наконец брюки и трусы упали к его ногам, обнажив бледные ягодицы. Он вошел в воду на костлявых, как у цапли, ногах. Когда вода поднялась почти до колен, что-то будто сломалось в нем и он бросился в воду, брызгаясь, ныряя, набирая скорость. Собака с лаем кинулась следом.

Уоллес скинул одежду и тоже зашел в воду, правда, более осторожно, дно запруды засасывало ноги. Он набрал воздуха и ушел под воду. Вынырнув, обнаружил, что может стоять на цыпочках, хотя и с трудом. Эддисон плыл, раскинув руки, его грудь прорезала водную гладь, он смотрел в небо. Собачий кильватер углом разбивал луну.

– Нормально? Это то, что ты хотел? – спросил Уоллес.

– Я ничего не хотел много лет, – ответил Эддисон. – А потом захотелось поплавать.

* * *

Все девять с лишним лет, проведенных в Синг-Синге, Эддисон очень мало спал. Его пристанище, три на семь футов, из известняка, добытого давным-давно умершими заключенными, стало могилой, где после отбоя он лежал без движения, без сна, слушая храп, бормотание и мастурбирующие ритмы восьмисот мужчин, набитых по шестеро в одинаковые камеры. На корабле он спал всегда, как бы ни бушевало море или была неудобна постель. В тюрьме постоянное бодрствование сознания казалось особенно суровым видом наказания, назначенным не судом, а его душой.

Он не уснул и во флигеле, не измял на узкой кровати белые простыни и сине-белое лоскутное одеяло, сшитое знаменитой Берит. В комнате Грейвз нашел ящики и коробки. Уоллес сказал брату, что они принадлежат ему, прибыли морем пару лет спустя после того, как его законопатили в Синг-Синг. На наклейках было указано имя Честера Файна. Задержав занавески, Эддисон вскрыл наугад один ящик. Книги – его книги – из нью-йоркского дома. В остальных сувениры, собранные в плаваниях: маски, деревянные статуэтки, рога, плетенки, черепаший панцирь, поднос из Бразилии с крылышками бабочек под стеклом, выложенными радужными кругами. В других Эддисон нашел аккуратно обернутые и упакованные работы Уоллеса нью-йоркской поры, которые тот оставил ему в качестве арендной платы. Корабли в порту. Шумные улицы. Гудзон. Дом красного кирпича.

Обвинение признало: выжив, капитан Грейвз, строго говоря, не нарушил закона. Однако указало: Международная конвенция по охране человеческой жизни на море требует от капитана оставаться на борту, пока в безопасности не окажутся все пассажиры, в противном случае он виновен в преступной халатности. Более того, Грейвз размахивал смертельным оружием, препятствуя пассажирам, даже женщинам, занять место в лодке, что можно квалифицировать как убийство при смягчающих обстоятельствах. Погибли пятьсот два пассажира и члена экипажа – сгорели, утонули или умерли от переохлаждения в спасательных жилетах. Основная версия заключалась в том, что от тлеющего в бункере огня загорелся угольный мусор, бывший повсюду под палубами, по этой причине взорвался один из котлов, после чего разнесло правую часть корпуса судна.

Капитан Грейвз, возражал Честер Файн, в худшем случае занял одно место в лодке, но у него на руках были дети-близнецы, сын и дочь. Кто осудит человека за спасение собственных детей?

Так кто же, задавалось вопросом обвинение, несет ответственность за взрыв? Кто ответствен за дееспособность экипажа? За безопасность, невредимость корабля? Кто?

Я один, говорил Эддисон Честеру Файну, умоляя его полностью признать вину и не торговаться о мере искупления. Но Честер с невозмутимой решительностью мольбы игнорировал. Плевать на бушующие в обществе страсти, улягутся. Когда-нибудь, твердил он, Эддисон пожалеет о том, что выбрал путь мученичества. Зачем тогда было спасать близнецов? Чтобы опять их бросить? В итоге единогласное решение: виновен в непредумышленном убийстве. Десять лет на берегу Гудзона.

И Эддисон, испытывая нечто вроде облегчения, пропал в Синг-Синге.

Уоллес прислал студийную фотографию с первого дня рождения близнецов: двое детей в белых платьицах важно сидят в вольтеровском кресле с аккуратными причесанными, слабыми бледными волосами. Присылал и портретные рисунки, тронутые акварелью. Эддисон так и не пришел к определенному выводу, кто из близнецов кто, а спрашивать считал идиотизмом. Каждый год в их день рождения он получал по фотографии, и постепенно младенцы превратились в длинноногих детей с невероятно светлыми волосами. Мэриен, с недоверчивым взглядом и слабой, упрямой улыбкой, имела некоторое сходство с Аннабел, что, в сочетании с рассказами Уоллеса о ее своенравии, беспокоило Эддисона. Джейми лучился искренней нежностью.

Где-то глубоко, в потемках души Грейвз считал, что, если бы не взял Аннабел и близнецов на борт «Джозефины», взрыва не было бы, хотя по большому счету практически не сомневался: виной тому стали ящики Ллойда. Или он сам, поскольку не добился ответа на вопрос об их содержимом, поскольку позволил Ллойдру махнуть рукой: дескать, слишком сложно заносить в декларацию.

Когда ночь побледнела до олова, Эддисон на пару дюймов раздернул занавески. Звезды одна за другой уходили со сцены, изящно, даже торжественно, и накатило воспоминание: рассвет на «Джозефине», отдельные замешкавшиеся пассажиры в вечерних нарядах, еще на палубе или бегут по коридорам, падая, спотыкаясь, сверкая. Он чувствовал, как палуба ходит у него под ногами. Слышал запах океана.

Нет, это запах запруды, не океана. В волосах, на коже. Глина, не соль.

Когда свет стал лавандовым, с веранды вынырнули две маленькие фигурки, за ними выскочили три собаки. Близнецы были в одинаковых синих пижамах и, если не считать длинные волосы Мэриен, почти неразличимы – белокурость, худоба. Они посмотрели в сторону флигеля, как пугливые косули. Эддисон стоял неподвижно. Через минуту Джейми отвернулся, повозился с пижамой и выпустил дугу мочи. Мэриен отошла в другую сторону, опустила штанишки и присела в траву. Собаки покрутились, понюхали и, задрав лапы, последовали их примеру. Управившись, все двинулись к конюшне.

Мотор в груди Эддисона приводил в движение поршни в конечностях. По настоянию Уоллеса ночью, заглянув на веранду, он увидел на подушках бледные головы и, нахмутив лоб, кивнул, как человек, которому показали нечто непревзойденное, чем надо бы восхищаться, но что только смущает.

Эддисон как можно незаметнее перешел к другому окну. Мэриен в пижаме уже сидела без седла на лошади чалой масти, держа вожжи, а Джейми, вскарабкавшись на ограду загона, перебрался оттуда на лошадь и устроился позади нее, свесив голые ноги. Они свернули к реке и исчезли, бока лошади еще какое-то время мелькали между деревьями, собаки семенили следом.

Эддисон никогда точно не знал, верить ли в свое отцовство, но ему не хотелось оскорблять Аннабел. Теперь он поверил. Увидел по рукам, ногам, по форме стоп, а также менее осязаемому признаку – по тому, как организовывался вокруг детей утренний воздух. А еще он считал – был твердо убежден, – что ему нечего им предложить. Ему никогда не понять, что им говорить, как быть отцом, дарить тепло. Он может лишь огорчать и причинять боль.

Во дворе стояла тишина. Грейвз умылся в тазике, выскользнул из флигеля и быстро зашагал обратно той же дорогой, которой привез его сюда Уоллес. В кармане лежало меньше трех долларов, но кое-что хранилось в нью-йоркском банке. Не бог весть что, но пока хватит.

Вскоре после восхода солнца он сел на поезд и поехал на запад.

Лос-Анджелес, 2014 год

ПЕРВОЕ

Если бы не история с Джонсом Коэном, мне бы не досталась роль Мэриен Грейвз. Хотя тогда я этого не понимала. Только в груди – я четко ощущала – давило что-то тугое, как будто хотелось растоптать чей-то песочный замок. В детстве со мной часто такое бывало. На съёмочной площадке хотелось разбуяниться, разгромить пластмассовую конюшню с пластмассовым пони на пластмассовые кусочки, но я никогда не позволяла себе ничего подобного, пока не стала старше, пока не превратилась в Кейти Макги и не стала гонять по 405-му шоссе на заднем сиденье чьих-то «Рендж Роверов» со скоростью сто десять миль в час. Я только хохотала и визжала, но испытывала ощущение, будто что-то ломаю.

В общем, не знаю, почему я поехала с Джонсом. В тот момент я бы ответила: захотелось, однако мне не хотелось, по-настоящему нет. Было скучно, тревожно, грустно. Ну и что? Не это заставило меня взять Джонса за руку и выйти на свет. Я устала от яркого света, но, разумеется, благодаря своему фортелю лишь еще больше подставилась под него.

Воспоминания обрывочны. Помню, сидела с Джонсом в клубе, в отгороженной маленькой нише для випов, на причудливом двухместном диванчике траурного, викторианского вида с высокой черной спинкой, загибающейся над нами крылом какого-то жука. Помню татуировку Джонни Кэша у него на предплечье, его кожаные манжеты и бирюзовые кольца. Источники утверждали: мы «уютно устроились» и «флиртовали», я «соблазняла» и «чего только не вытворяла» с «известным бабником», но не помню, я предложила уйти или он. Не помню точно, что я несла, но точно дразнила его, выпытывая подробности о знаменитых женщинах, с которыми он спал. Я была серьезна, потом шаловлива, потом нежна и ранима. Смутно помню, как он рассказывал мне, что свой следующий альбом «обкромсает по самые помидоры» – только он и гитара. А я сказала «потрясающе», «в десятку» и я типа за, поскольку Джонс хоть и мудака, но действительно великий гитарист. Помню, когда мы проходили мимо призрачного гардеробщика, присматривающего в освещенной красным пещере за ненужными в Лос-Анджелесе пальто, я поскользнулась на гладком полу, ненадежная туфля поехала вбок. Наверное, тогда я и взяла Джонса за руку. Хозяйка пожелала нам приятного вечера – миловидная, изголодавшаяся девушка, бросившая на меня плотоядный взгляд, – дверь открылась, и ночь взорвалась. Даже пьяная – все вокруг шаталось и вертелось, – я знала, что они ждут, что мое лежбище усеяно их дурацкими шляпами «Кэнгол» и черными кожаными шмотками, что они бдят, а в ожидании курят и ведут идиотские разговоры, что их мотоциклами и «веспами» забит весь квартал. Дверь открылась, и тут же появились длинные черные морды их фотоаппаратов. Защелкали затворы, заблестели вспышки. Они все напирали, пока я чуть не задохнулась от света. Парни Джонса отпихнули их назад, освободив для нас проход к машине.

– Хэдли! Джонс! Вы вместе? Хэдли, а где Оливер? Вы расстались?

На фото у меня слишком короткое платье. Я, ословелая, с бесстыжим взглядом и полуулыбкой, цепляюсь за руку Джонса. Ну хоть, садясь в машину, удержала ноги вместе.

Они торжествующей толпой ехали за нами до дома Джонса, летели, взрываясь белым светом в моем окне, даже затемненном молочно-черным глянцем японской эмали. В машине, помню, Джонс языком играл моей серьгой, протягивая крючок через мочку, пока наконец хлипкая мешанина бриллиантов не повисла у него на улыбке – известный трюк на вечеринках, вроде как завязать узлом плодоножку вишни. Помню его дом, похожий на пещеру, с непременными огромными абстрактными картинами, все остальное белое, как небо в анекдоте про небо.

Помню татуировку высоко на внутренней стороне бедра, настоятельный призыв крошечными буквами: «Люби меня».

Когда мы встретились на пробах к первому «Архангелу», Оливер был женат. Ему стукнуло двадцать, а его жене – сорок два, она являлась театральным директором из Лондона, распекала в сапогах с заклепками и асимметричных пиджаках авангардных японских дизайнеров, благородная, как римский сенатор. Он не ушел от нее ко мне. Он вообще от нее не ушел. По словам Оливера, после их второй годовщины она заявила: ее страсть к нему лопнула, как сильно надутый шарик, уничтожив самое себя.

Я ничего не знала про свет, толком не знала, пока мы с Оливером впервые не появились на публике, взявшись за руки. Это было на премьере второго сезона. Мы тайком спали уже три месяца, но жутко страдали от шпионского всевластия и опровержения слухов. Он первым вышел из машины, и тысячи полоумных сучек за ограждением завопили, как будто их жгли живьем. Когда он обернулся, протянул мне руку и потом не отпустил ее, меня опалили грохот и свет. Я решила, будто сейчас испарюсь и ничего от меня не останется, кроме сгоревшей тени на красной дорожке. На фотографиях я плясую в объективы, как военный преступник перед трибуналом. Оливер улыбается, машет рукой. Свет – передатчик его красоты. В жизни он слишком красив, в кино его будто парализует. В пространстве же между прожектором и экраном он преобразуется в такое, на что почти нестерпимо смотреть.

Вообще-то звуки и свет на красной дорожке предназначались не совсем для нас. Благодаря нашей связи история показалась настоящей, а полоумные сучки так хотели настоящей истории, что совсем потеряли рассудок. Наиболее радикальную секту отступников составили авторы экстремального эротического фанфика. Они бродили по туннелям интернета, выкапывая лабиринты, где могли откладывать свои желания и выкармливать их, как личинки.

Они крушили все ради себя и даже этого не знали. Не втыкались, что им не понравятся книги, которые дадут именно то, чего они хотят. Люди любят истории, оставляющие некое разочарование, не дающие полного удовлетворения. А сучки хотели, чтобы «Архангел» был скроен по их самым тайным прихотям, но в то же время чтобы до него никто не дотрагивался. Когда мы меняли в фильме какую-нибудь мелочь, они тут же выходили на связь. «Дом Лизвет небесно-голубой, а не сине-зеленый, бараны». Или: «Когда Гэбриел и Катерина целуются в первый раз, на нем шапка белого медведя, но не СЕРАЯ, а БЕЛАЯ, и вы должны это ЗНАТЬ, потому что так В КНИГЕ».

Мы с Оливером, конечно, тоже были ненасытны. Наши герои жили в нас. Мы думали, что сможем, как на восходящих потоках, воспарить на всех сыгранных нами томлениях и страстях. Сойдясь, мы чувствовали себя щедрыми, будто имели некие обязательства перед историей, рассказываемой в фильме, и исполняли их. Но полоумные сучки писали и о нас. О нас, людях, Хэдли Бэкстер и Оливере Трэппене, лос-анджелесских актерах, а не о Катерине и Гэбриеле, порожденных воображением Гвендолин и живущих в несуществующем царстве Архангела.

Как-то мы решили прочесть фанфик про себя, просто из любопытства. Сначала смеялись над опечатками, потом затихли. Пока мы читали липко-потную фантазию о том, как трахнулись в первый раз, я сидела у Оливера на коленях. «Я хочу только тебя», – сказал мне Оливер в той истории, как Гэбриел говорит Катерине тысячу раз. «Навсегда». Но затем движением, которое шокировало бы милого вежливого Гэбриела, Оливер из фанфика задрал «дорогое платье от дизайнера» и всунул мне свой «пульсирующий член». «Давай, – стонала Хэдли. – О да. Ты такой пылкий, такой знаменитый, и я очень-очень тебя люблю».

Оливер закрыл компьютер. За окном появилась колибри, привлеченная утренним светом, разговарившимся на стене моего дома. Она зависла и пристально на нас посмотрела, радужная грудка замерла в пространстве, крылышки от скорости почти невидимы. Мы находились на оживленном перекрестке, где пересекались реальности. Чувствовали небесный ветер.

«Я очень тебя люблю», – начали мы говорить друг другу.

«Мы» надежнее, чем «я», когда ты там, внутри, но это такая неустойчивая, непрочная штука, в любой момент готовая тебя отшвырнуть и в конечном счете бросить на милость «я». Став «мы», ты становишься и «они», мишенью, которую надо отследить и сфоткать. Наградой. Каменоломней, то есть тем, что надо сторожить. А еще шахтой. Нас вдвоем отслеживали и фоткали в Нью-Йорке, Париже, Санкт-Петербурге, Кабо, Кауаи, на яхте недалеко от Ибицы, на вечеринках после катания на лыжах в Гштаде, в продуктовом магазине, на заправке, с похмелья в бургерной «Умами». Они бурили нас на предмет рассказов, пикантных подробностей, правды и лжи, лжи и правды, вопросов моды, вопросов фитнеса, диеты, укладки волос, отношений, ну давай же, про детей, просто что-нибудь. Они оценивали наш прикид, ставили очки нашим фигурам на пляже, заявляли, что я беременна близнецами, что – пардон, уточняю – я хочу забеременеть близнецами, что я нахожусь в центре реабилитации, что мы помолвлены, что наша помолвка расторгнута. Они хотели знать, что у меня в сумочке, в туалете, в списке необходимой парфюмерии и косметики. Они сдирали с нас слой за слоем и превратили во что-то совсем уже выпотрошенное и пустое.

Выходя с Джонсом из клуба, я, кажется, хотела сделать больно именно полоумным сучкам. В пьяном величии мне представлялось, что я в силах сокрушить их миры. Но, как предсказал бы любой болван, сучки перенесли травму очень легко. Я, разумеется, разбомбила собственный песочный замок, вытоптав его в миленький такой жесткий, плоский, пустой пляж.

Слоган первого фильма был «Раз полюбил, это навсегда». Четвертого, моего последнего, – «Раз упал, это навсегда». На постере отфотошопленный мрачный Оливер и отфотошопленная пухлогубая я наложены на красивый, но жутковатый цифровой город, силуэт которого из куполов цвета золотистого лука припорошен снегом. Каким будет слоган шестого фильма? Десятого? «Раз помер, это, ради бога, навсегда»?

Гвендолин все пишет. На данный момент вышло семь книг. Но даже до того, как меня вышвырнули, мы с Оливером старели быстрее, чем наши герои. Мы не могли быть ими вечно. Точнее, я не могла оставаться Катериной. Всем прекрасно известно: мужчины не стареют, по крайней мере стареют не так, что это имеет значение. Сейчас они снимают пятый. Девчонка, заменившая меня, – подросток.

Гадость в том, что первый раз мы с Оливером действительно трахнулись в машине. Но не на премьере, а после вручения премии детской аудитории. Первый фильм «Архангела» получил все возможные детские награды. Существует ли ложь больше той, что «я хочу только тебя»? Или «навсегда»? Кто первым сказал, что ничто не длится всегда? Кто первым заметил?

ВТОРОЕ

Наутро, после того как я уехала с Джонсом, из моего дома убралась команда Оливера. Мои телохранитель и помощница рассказали, что ночью, когда в сети появились первые фотографии, пришли его телохранитель и помощник и все собрали. Уже через пять минут после моего прихода моя агент Шивон позвонила разведать ситуацию и вежливо поинтересоваться, чем я думала. После обеда она перезвонила сообщить неполный список недовольных. Ее присутствие в списке подразумевалось само собой, хотя она и не орала, как могла на первых порах, когда мы обе теряли самообладание, если мне приспичивало сняться в рекламе миниатюрной пиццы для микроволновки. В прошлом году я заработала тридцать два миллиона, а она получила десять процентов. Если вы так же знамениты, как я, то вас можно сравнить с гигантским, плавно скользящим морским существом, экосистемой в себе, питающей тем, что застревает у вас в зубах, колонию мелкой рыбешки.

Алексей Янг, агент Оливера, с кем я спала дважды, тайком, и, может быть, все еще была в него влюблена, сообщил Шивон, что Оливер пал духом и уничтожен. Шивон передала мне. Недовольство выражала студия в целом и ее глава Гавен Дюпре в частности, которому я один

раз отсосала, и не потому что хотела. Недовольство выражали инвесторы, Гвендолин-автор-книг-«Архангела», режиссер четвертого фильма, находившегося в монтаже, а также парень, намеченный на роль режиссера пятого.

– Студия – сказала Шивон, – беспокоится, как бы люди – фанаты – не распереживались. Студия боится, что ты разрушила романтическую иллюзию. Ведь очевидно, весь проект зиждется на идее идеальной любви, и мысль...

– Я правда не виновата, если люди так глупы, что не различают реальность и вымысел, – перебила я.

– Да я-то согласна, теоретически, но полагаю, тут можно возразить, что на всех нас лежит ответственность и мы должны защищать наш бренд. Не возьмусь утверждать, будто ты не отвлекла всеобщее внимание от фильма.

Я промолчала.

– Ты уже говорила с Оливером? – спросила Шивон.

– Нет. Кстати, он тоже мне изменял. Я тебе рассказывала.

– Но настоящей утечки не случилось ни разу. Если дерево изменяет кому-то в лесу и никто не фотографирует... Послушай, я не осуждаю, но ты могла бы вести себя потише. Выразусь иначе. Ты не могла повести себя громче. В пиаре такое равнозначно взрыву террориста-смертника. – Она помолчала. – Или просто неудержимый порыв?

– А разве вообще все – не неудержимый порыв?

Шивон не ответила.

– Ты хочешь знать почему, – сказала я. – Не знаю почему. Джонс мудака.

– Только не говори прессе. Ладно. В общем, что сделано, то сделано. Все хотят последней информации, каких-то деталей, которые позволят понять, к чему вы склоняетесь, чтобы мы начали раскручивать.

– Ты имеешь в виду, сойдемся ли мы опять с Оливером?

– Да.

Хохот вырвался у меня, как будто его кто-то с силой выдавил.

– Ладно, – помялась Шивон. – Хорошо. И последнее. Гвендолин так разволновалась, что студия еще больше разволновалась из-за нее.

– Да пошла она. Серьезно.

– Она очень печется о своем творении.

– Я не ее творение. Она не Бог.

– Нет, но переданные ей права дали тебе, мне и множеству людей немало денег. Она просто хочет встретиться. Гавен Дюпре лично просил тебя встретиться с ней и успокоить.

– На этой неделе я занята.

– Нет, не занята.

Я отсоединилась. Смартфоновскому демаршу не хватило весомости, я просто ткнула пальцем в изображение кнопки. Какое-то время я лежала на кровати, курила травку и смотрела реалити-шоу, где тетки с подтянутыми лицами в бандажных платьях Эрве Леже, расплескивая вокруг мартини, говорили друг другу гадости. Некоторые проделали над собой такую работу, что вместо слов у них получалась каша, так как они не могли шевелить губами. Со сверхъестественно круглыми глазами и съезжившимися мордочками они напоминали кошек, превращенных недоучившимся волшебником в человеческие существа.

Я задумалась, а могу ли провести остаток дней, валяясь в своем доме и пялясь в свой телевизор. Интересно, сколько времени потребуется, чтобы व्यюнок вырос на окна и запечатал меня внутри.

Меня вот-вот должны были утвердить на «Архангела», когда Гавен Дюпре во время нашей встречи за завтраком поставил чашку с кофе и очень спокойно, вежливо попросил меня встать и снять одежду.

Я удивилась на полсекунды, а потом смутилась, что оказалась такой идиоткой, чтобы удивляться. Мы находились одни в гостиничном номере в Беверли-Хиллз, сидели напротив друг друга за столиком, где на белой скатерти стояли серебряный кофейный сервиз и многоярусная подставка с миниатюрными кишками, пирожными и круассанами, которыми Гавен все пичкал меня, прежде чем попросил раздеться.

– Обещаю, от одного маленького круассана ты не растолстеешь, – уговаривал он. – Посмотри, какой он крошечный. Просто попробуй. Вкус не повредит.

Не то что я раньше не сталкивалась с подонками. Они встречаются на любых съемках, в каждом начальствующем звене по цепочке, их будто делегирует какой-то местный союз подонков. Но ставки никогда не поднимались так высоко, даже близко. «Это совсем другое дело», – решили мы с Шивон, назначив встречу. Я так и не поняла, знала ли она, на что меня толкает. Она упомянула, и не раз: Гавен женат и у него дочери примерно моего возраста – тогда восемнадцать.

На вид он был безобидным, довольно тусклым, лет пятидесяти, с полными бледными губами. Очки в проволочной оправе и платочки в нагрудном кармане, грамотно сочетавшиеся с галстуками.

– Мне нужно посмотреть на тебя, – сказал он, и я решила, что такова профессиональная необходимость, не личная.

Я никогда не рассказывала Шивон, не надо ей знать, что я правда через это прошла. Несколько месяцев назад умер Митч, и даже, хотя он никогда толком не «был в курсе» и не «оберегал», я испытывала новое, тяжелое чувство одиночества. Я даже не колебалась. Стояла голая перед Гавеном, по его просьбе чуть развернулась, а когда он достал свой хрен и попросил меня, пожалуйста, взять в рот, взяла.

* * *

Через день после Джонса Коэна я лежала в своем бассейне и смотрела на кружащего грифа. Небо Лос-Анджелеса ими полно, иногда огромные вертящиеся торнадо из грифов громятся в облака, только обычно никто не замечает. Я несколько удивилась, даже обиделась, что нигде не было отслеживающих меня вертолетов. Интересно, а папарацци разрешено использовать маленькие любительские дроны? Наверное, нет, поскольку в противном случае они бы их использовали. У них на гербе должно быть написано: «Можем – сделаем».

Меня испугал звонок в дверь. Я подумала, журналюги перелезли через забор и решили штурмовать дом. Еще звонок. Я надеялась, Августина разберется, пока не вспомнила, что отправила ее домой, настойчиво всунув пакет с продуктами и каннабисом, хотя она и не любит травку. А телохранитель, М. Г., ходил караулом по периметру. Я поднялась, прошла к видеодомофону и посмотрела на монитор. Сосед, знаменитый досточтимый сэр Хьюго Вулси («несравнимый, нестерпимый, подсудимый», как он себя именует), наклонился к камере, размахивая бутылкой скотча, и кричал в переговорное устройство так, будто не верил в его способность передавать или усиливать громкость голоса:

– Куриный супчик для бедных развратников!

Хьюго одевается, как Навуходоносор, если бы тот стал хипстером, и живет с молодым красивым бойфрендом, поэтому меня всегда удивляет, что с техникой он по-стариковски.

– Привет! – сказала я, открывая дверь. – Как ты прошел?

– Сто лет назад ты дала Руди код. Не помнишь? Он тебе кой-чего подкурьюрил. – Хьюго изобразил, как затягивается косяком. В основные обязанности бойфренда Руди входило не гулять налево и отслеживать, где лучшая травка в городе, легальная или еще какая. – Там внизу содом. – Хьюго свернул на кухню. – М. Г. надо дать кнут для быков, чтобы он их перелущил.

На нем были гуарачи, штаны на завязочках из бело-синего иката и льняная оранжевая рубашка, расстегнутая ради бус из медвежьих когтей, зарытых на мохнатой седой груди. Хьюго высокий и на диво дородный для человека старше семидесяти, у него звучный, сочный голос и весьма впечатляющий сценический экстерьер. Он налил нам по стакану виски.

– Будем здоровы. – Мы чокнулись. – Руди говорит, интернет горит. Он говорит, ты его подожгла.

– Я заслужила, – ответила я, идя за ним следом в самую большую мою гостиную.

Хьюго уселся на диван и властно указал мне на одно из моих собственных кресел.

– О, я-то не против.

Я подняла стакан:

– Спасибо за виски. Отличный.

– Ты хочешь сказать, воистину шедевральный, всегда рад. Что-то мне не захотелось распивать его с Руди. Для его рецепторов – выброшенный продукт. С таким же успехом можешь плеснуть ребенку. Я хотел быть уверен, что ты утоляешь свою печаль стильно.

– Я больше по опиатам.

– Только, пожалуйста, не сорвись в штопор. Будет страшно бездарно с твоей стороны. И жуткое разбазаривание таланта, разумеется.

– Я пошутила. Хотя, судя по всему, я уже где-то в середине штопора.

– Нет, нет и нет. Джонс и был штопором. А теперь ты оживаешь.

– Все продолжалось... – Я подсчитала: – Тридцать девять часов.

– Бесценная возможность, моя дорогая, для того чтобы – ненавижу выражение, но в данном случае оно уместно – открыть себя заново. Если ты не понимаешь, как ухватить за хвост данный момент, то у тебя вообще нет воображения и я страшно в тебе разочарован.

– Я в самом деле не понимаю, как выгадать на всех, кто меня ненавидит.

Полоумные сучки поливали меня в твиттере: сука, блядь, потаскуха. Я должна умереть, писали они, навсегда остаться в одиночестве, гнить в аду. Слава богу, Оливер от меня освободился, писали они. Мужчины вставляли, что я уродлива и неебабельна, правда, тут же что меня надо бы отодрать и что я задохнусь насмерть от их приборов. Они положили даже на «Архангела». Просто не могли упустить возможность сообщить женщине, что а) они ни в жизнь не стали бы ее трахать и б) они будут трахать ее, пока она не склеит ласты. Я пролистала дальше. Меня забили в колодки, чтобы могла поглумиться вся деревня. В отношении полоумных сучек я совершила террористический акт. Я покусилась на их образ жизни. СПЛОШНЫМИ ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ они писали, что я должна помучиться, что меня надо уничтожить. Но на самом деле они хотели, чтобы я все исправила, отыграла все назад, вернула их туда, где они были раньше.

Время от времени кто-нибудь писал: «Эй, девочка, будь сильной!», и этого было достаточно, чтобы у меня навернулись слезы. А потом кто-нибудь говорил, что Митч отбросил копыта от передоза из-за меня или что моим родителям повезло погибнуть, не пришлось за меня стыдиться.

– Не все тебя ненавидят, – сказал Хьюго. – Только... как ты их там кличешь? Полоумные сучки? Большинству вообще наплевать на «Архангела», а стало быть, и на тебя. Не смотри так, это здорово. Приличные люди, скорее всего, думают, ты стала интереснее, проявила малость твердости. Не то что Оливер какой-то недоносок, нет, роскошный парень, но для тебя он пустоват. Уж я-то понимаю, как привлекательны красивые, пустые парни. Руди тоже трудно назвать сложным, но, понимаешь, я стар. Мне нужен кто-то молодой и легкий, чтобы самым глубоким и сложным желанием у него было удовольствие, и в первую очередь такое, которое можно получить за деньги. Важное качество. Ты вообще-то знаешь, как мало людей на деле способны испытывать настоящее счастье от денег? Огромная редкость. Руди годится мне сейчас, но в твоём

возрасте я хотел чего-то усложненного, чудовищного, такого... – Хьюго обнажил зубы и показал, будто раздирает что-то пополам, – чтобы меня разорвало на части.

Его знаменитый голос эхом отдавался от потолка. Мне захотелось рассказать ему про Алексея, но Хьюго болтун, и я передумала.

– Оливер вообще не объявлялся. Не звонил, не орал на меня, ничего. Полная тишина. Моя агент говорит, что его агент говорит, что он пал духом. Но он изменял мне по крайней мере с одной актрисой и по крайней мере с одной моделью, и бог знает с кем еще, и мне об этом известно. В общем, вся пурга насчет разбитого сердца несколько перебор.

Пренебрежительно махнув рукой, Хьюго уперся в меня самым пронзительным своим взглядом и спросил:

– Что больше всего привлекло тебя в Оливере?

– А ты его видел?

Пронзительность взгляда пошла крещендо. Я сказала:

– Он единственный понял, что значит пережить байду с «Архангелом». Ты же знаешь, как говорят: выбирать надо того, с кем можно пойти в разведку. Но тут вышло так, как будто ты уже в разведке и там оказался кто-то еще. И вот вы вместе в разведке, а это не фунт изюма.

Я допила стакан. Хьюго сгонял на кухню за бутылкой.

– А потом? – спросил он, разливая. – Разведка потеряла весь свой блеск?

– Оливер стал частью тягот разведчика.

Хьюго элегантно забросил одну руку на спинку дивана, покачивая стакан кончиками пальцев.

– Забудь про любовь, дорогая. Я старый, заикленный на себе нарцисс, не твоя нянька, так что мне не особо важно, чем ты занимаешься. В основном я тут, поскольку очень люблю вмешиваться. Но как человек, который за много лет немало чего натворил, если позволительно так говорить о себе, полагаю, я обладаю уникальной квалификацией давать советы.

– Тут другое.

– Прошу прощения?

– Для начала ты мужчина, и, когда ты куролесил, не было интернета.

– Ты права. Быть мной было очень просто. – Он нахмурился: – Как-то раз я даже чуть не женился на женщине. На женщине!

– Какая гадость.

– Позволь спросить тебя, каким ты видишь наихудший исход?

– Бесконечный публичный позор. Меня вышвыривают из «Архангела», и я больше никогда не получу работу.

– Он не будет бесконечным. Люди двинутся дальше раньше, чем ты думаешь. Им в общем-то фиолетово. А тебе и не надо больше работать. Ты невероятно богата. Бросай это дело, купи какую-нибудь винодельню. Или козью ферму. Или остров. Опростишься. Живи мирно. Чего ты, собственно, хочешь?

Мозг у меня отключился, потом забарахтался, заметался, как охваченное паникой животное. Я могла сообразить только одно: не хочу, чтобы мне было как сейчас. Хочу, чтобы было хорошо. И увидела, как держу над головой «Оскар», а весь зал стоя аплодирует мне.

– Я хочу больше, – сказала я. – Не меньше. Я хочу работать.

Хьюго прищурился и тихо проворчал:

– Хорошая девочка. Не вижу ни одной причины, почему бы тебе не поиметь больше.

– Ну, парочку я тебе наскребу. Никого в Голливуде не волнует, что я изменила Оливеру, но всех волнует, что я изменила бренду.

Хьюго театрально застонал:

– Тебе нужно выбросить из головы все мысли о каких-то там брендах. Это так скучно. Даже если бы ничего не случилось, тебе все равно велели бы убраться. Какая альтернатива? Ты

снимаешься в «Архангеле», пока не постареешь, а потом тебя без затей отпихивают ради кого-нибудь помоложе? По крайней мере, ты предстала интересной, непредсказуемой женщиной, а не смазливой заводной куклой. Все будут смотреть, что ты станешь делать. Ты им больше не пешка. А люди любят, когда кто-то возвращается.

ТРЕТЬЕ

Когда я подростком отрывалась по полной, Митч предложил отправиться в путешествие – только мы вдвоем, куда мне захочется. Он думал, мне будет полезно уехать, а у него все равно был простой между проектами. Я выбрала озеро Верхнее, где пропал самолет родителей.

– Тебе не кажется, что это легкая патология? – спросил Митч.

Я ответила, что просто хочу увидеть озеро. И действительно, хотела – всегда хотела, но еще хотела туда, где не будет обыденности. Модный тропический курорт не стал бы каникулами, поскольку там мы бы все время ходили пьяные и сталкивались с людьми, с кем и зависали бы. А как раз от упадничества мне и нужен был отпуск.

Мы выехали из Су-Сент-Мари и двинулись по часовой стрелке вокруг озера – тысяча триста миль в арендованном «Рэнглере» с откидным верхом, раздражающий шум которого стал сущим наказанием за то, что мы оказались слишком крутыми для недорогого седана. Я купалась каждый день, хотя вода почти душила холодом. Я все время помнила о затонувшей где-то там «Цессне» и думала: а если микрочастички родителей плавают вокруг меня, как светлячки?

– А они сейчас просто кости? – спросила я Митча, перекрикивая бьющийся на ветру мягкий верх джипа и группу «Перл джем» с канадского радио.

– Возможно, – крикнул он в ответ. – Я не знаю, как много нужно времени.

– Почему он научился летать?

– Что?

– Папа. Почему выучился летать?

– Не знаю. Никогда не спрашивал.

– Почему не спрашивал?

– Не знаю! – раздраженно крикнул Митч, но потом смягчился. – Он не был из тех, кто любит, когда его просят разъяснить самого себя. Это семейное.

Кроме того, Митч не особо хорошо помнил, что нужно интересоваться другими людьми. Несправедливо винить его, но, как некоторые родители талдычат детям мантры типа: «Обращайся с людьми так же, как хочешь, чтобы они обращались с тобой» или «Дела говорят громче слов», Митч говорил: «Однажды живем». Причем говорил, открывая бутылку пива после трехмесячного воздержания или проигравшись на рискованных ставках в Санта-Аните. Он был настоящим ОЖ-шником. В детстве я смешила агентов по кастингу, важно передразнивая Митча, когда они спрашивали меня, не хочу ли я продемонстрировать им свою самую широкую улыбку или сняться в рекламе аквапарка. С моими отстойными корешами эпохи Кейти Макги я даже не парилась. Они и так знали.

Митч никогда в жизни не назвал бы себя родителем.

На северном берегу озера из информационных щитов я узнала, что когда-то здесь были горы не хуже Гималаев, а может, и выше, может, даже самые высокие горы, существовавшие на Земле, но все они выветрились в ничто, время сокрушило именно этот песочный замок, ледники расцарапали камни догола, а потом и сами исчезли. Я задавала Митчу и другие вопросы о родителях, но он мало что знал или ему не приходило в голову ничего интересного.

Как-то вечером мы остановились на ужин и я спросила:

– А если они не погибли?

Митч похлопал по бутылке с кетчупом.

– Что ты имеешь в виду?

– Если они просто уехали куда-то и не вернулись?

Митч поставил кетчуп и серьезно посмотрел на меня, что было не так-то легко изобразить с учетом ложного ирокеза *à la* Дэвид Бекхэм, какой он тогда носил.

– Хэдли, они бы с тобой так не поступили.

– Или с тобой?

– Они погибли. Вот что произошло. И тебе нужно в это поверить.

– М-да.

Я знала, во что мне нужно верить, но знать и верить не одно и то же.

Там, где я сидела, когда-то были горы выше Эвереста. Все возможно.

Неполная история Миссулы (Монтана)

Ок. XIII в. до н. э. – февраль 1927 г.

Пятнадцать тысяч лет назад.

С севера надвигается покров льда. К западу от того места, где будет Миссула, тянутся длинные пальцы ледника, они выковыривают реку Кларк Форк. Образуется озеро, оно становится огромным, паукообразным – три тысячи квадратных миль, две тысячи футов глубиной, отражает затененную нижнюю поверхность облаков. Вершины гор превращаются в острова.

В озеро обрушиваются айсберги, плывут, дрейфуют. Иногда заковывают валуны, которые издавна несет на юг: путешествие длиной в сотни, а может быть, в тысячу лет. Когда айсберги тают, скалы погружаются на дно озера.

Озеро становится слишком большим, слишком глубоким, скребет и подкапывает ледяную плотину, пока та не поднимается на поверхность и не разламывается, выпуская воду. Низвергаясь, озеро бурлит над пространством, где будут Айдахо, Орегон, Вашингтон. Впитывается в землю за три дня, опустошив все вокруг, выбросив энергии в десять раз больше, чем энергия всех рек на нашей планете, хотя никакая статистика не в состоянии подсчитать сокрушительную, разрушительную силу, ее потопность. Как развеселившиеся атлеты, потоки швыряют в воздух громадные скалы и глыбы льда. Вырыты ущелья, смыты стада. Мастодонтов и мамонтов подхватывает, топит, сносит в усталую воду. А еще саблезубых кошек, бобров размером с гризли, жутких волков, гигантских ленивцев, весь огромный утраченный зверинец.

С севера опять наплывают ледники и в конце концов опять запирают реку. Озеро опять заполняется водой. Плотину опять прорывает. На протяжении двух-трех тысяч лет цикл повторяется, потом что-то меняется, лед отступает. На пустом дне озера, где сходятся пять горных долин, похожих на перекрученные конечности морской звезды, там, где в один прекрасный день будет стоять дом Уоллеса Грейвза в стиле королевы Анны с заостренным фронтоном, верандой и башенкой, растет трава. Молодые стебли гнутся на ветру.

В какой-то момент – люди. Охотники с каменными орудиями приходят из Сибири, оставляют резные изображения и рисунки на камне. (Что они делают с этой безбрежно расстелившейся землей? Кто может вообразить синюю сферу, подвешенную в черной бесконечности?) Шуршат листья, извивами текут по долинам реки. Проходят еще охотники с орудиями получше, с более разработанными языками, с мифами о великом наводнении. Типи и каноэ «осетровый нос». Собаки и лошади.

В 1805 году появляются белые люди: Льюис и Кларк идут на запад, а через десять месяцев, увидев Тихий океан, возвращаются другой дорогой.

Из долины на восток, к равнинам, где обитают бизоны, тянется узкое лесистое ущелье, такое удобное для засад. Иногда на пришедших с запада охотников нападают черноногие, люди равнин, владеющие стадами. На месте сражений остаются кости мертвых.

Опять подкрадываются белые люди. *Porte de l'Enfer* – называют ущелье французские звероловы, из-за костей. Врата ада.

В 1855 году подписан договор между Исааком Стивенсом, губернатором Территории Вашингтон, и местными племенами (флатхедами, пан-д'орей, ктунаха). Документ – прекрасный образец своего тлетворного жанра, полный уловки и взаимного непонимания, сулящий между строк смерть и потери. По ночам Стивенсу снится, как скребут лопаты, стучат молотки, деревом и железом скрепляют швы.

Крупная метрополия Врата Ада с населением в двадцать человек становится административным центром нового округа Миссула Территории Вашингтон (на языке салиши «миссула»

означает «холодная бурлящая вода»). Скоро здесь уже стоят палатки и крытые дерном хижины, пара захудалых ферм, салун, почтовое отделение, покачиваются повешенные местными вершителями правосудия грабители. В 1864 году округ Миссула становится частью новой Территории Монтана. Выше по течению строятся лесопилка, мельница, и Врата Ада тут же превращаются в город-призрак, все едут в Миссулу, на лесопилку и мельницу.

Больше домов, лавок, улиц. Банки. Газета. Форт для защиты добрых людей Миссулы от еще неистребленных индейцев. В августе 1877 года с лошадьми, скотом и собаками через горы из Айдахо переходит более семисот не-персе, отступающих от армии Соединенных Штатов и ищущих места, где их оставили бы в покое, места, которого больше не существует.

Они становятся лагерем на берегу реки, их будят солдаты, стреляющие в типи. Солдаты пытаются поджечь типи, им не удается распространить огонь, они пытаются еще. Почти все разбегаются из лагеря, но некоторых детей спрятали под одеялами, и те сгорают заживо. Воины перегруппировываются, атакуют. Солдаты отступают. Ночью лагерь снимается и продолжает движение туда, где будет Йеллоустоун. Индейцы попытаются добраться до Канады, где лагерь Сидящего Быка, но большинству не удастся. Почти всех отправляют в форт Ливенорт.

В 1883 году окровавленный конец Северной Тихоокеанской железной дороги добирается до Миссулы с запада, его надо дотащить, дотянуть еще на шестьдесят миль, чтобы соединить с железнодорожным полотном, проложенным от Великих озер. Это не первая трансконтинентальная дорога, но все же она довольно хороша, довольно величественна, довольно полезна для освоения дикой местности. Улисс Грант скрепляет континент Золотым костылем.

Еще больше мужчин приезжает в Миссулу – грубых, одиноких, голодных. По глоточку, ребята? Или девочку? Попробуйте счастья на Уэст-Фронт-стрит, идите по красным фонарям. Мадам Мэри Глейм, толстой, страшной, принадлежит половина края, а может, и больше. Она найдет для вас девочку из Чикаго, или из Китая, или из Франции (попросите француженку Эмму). Если вам нужны рабочие, она может найти вам китайцев. Если ваши рабочие хотят опиума, она найдет.

В Миссуле появляются телефонный узел и электричество, она становится новым официальным городом в новом официальном штате (Монтана, осн. в 1889 г.). Фермер на своем поле чешет репу над одиноким валуном, похоже, свалившимся с неба.

Поезд идет по равнинам. Уоллес Грейвз, жадный до гор, которых он никогда не видел, едет из Нью-Йорка на запад. Он сходит в Бьютте, какое-то время пробует его на зуб: мустанг, а не город, Вавилон, где мужчины, подтянувшиеся сюда бог знает откуда, скопом спускаются в медные копи, поднимаются, несут свое жалованье в салун или девочкам с аллеи Венеры. Драки на улицах каждый день, каждую ночь: шахтер на шахтера, пьяный на пьяного, ирландец на итальянца, на поляка, на шведа, профсоюз на штрейкбрехеров.

Уоллес рисует сумбурные конструкции шахт, серых людей с железными ведрами, копер, строения шахты Неверсит с семью тонкими дымовыми трубами, похожими на воткнутые в землю сигарки. Но не по душе Уоллесу этот город, Бьютт. Он садится в поезд, едет дальше на запад, выходит в Миссуле, остается.

В 1911 году Уоллес вместе почти со всем городом идет на поле возле форта посмотреть, как пилот по имени Юджин Эли вынырнет на биплане Кертисс из горной чаши, пропоров прозрачную поверхность древнего забытого озера. Эли на бреющем пролетает над толпой, покачивает крыльями. Недалеко стоят типи индейцев кри. Индейцы, верхом на лошадях, наблюдают за аэропланом.

– Что за мир, – говорит Уоллес Грейвз своей знакомой и, придерживая шляпу на голове, смотрит вверх.

Поезд идет по равнинам. Эддисон Грейвз еще раз просматривает портреты детей, осторожно держа за уголки, чтобы не запачкать.

Уоллес идет пригласить брата к завтраку, но во флигеле никого нет, в комнате все по-прежнему, только вскрыты ящики. Он видит свои старые работы, видит, что они не так хороши, как ему помнилось. Клянет свое молодое «я» за напыщенность, банальность композиции. Дети в главном доме, вернулись с ранней конной прогулки, чего Уоллес не знает, поскольку его не заботит, как они проводят время. Они умыты, причесаны (причесаны! сами причесались!) и в ожидании встречи с отцом сидят за столом, который Берит накрыла к завтраку.

– Он уехал, – войдя, сообщает Уоллес без предисловий. – Ни записки, ничего.

Берит, стоящая у печи, спрашивает:

– Что значит уехал? Куда уехал?

– Просто уехал.

– А вещи? Тоже?

– Не было у него никаких вещей.

Уоллес вспоминает картонную папку. По крайней мере ее Эддисон взял.

Джейми срывается из-за стола, несется вверх по лестнице.

– Он вернется? – спрашивает Мэриен, окаменев от серьезности.

– Не знаю.

– Может, пошел прогуляться.

– Если честно, я думаю, вряд ли. Ты расстроена?

Она думает.

– Я думала, ему захочется нас увидеть. Но было бы хуже, если бы он увидел, а потом уехал.

– Не знаю, что хуже.

– Но он может вернуться.

– Может.

– Я бы не хотела, чтобы он остался, если сам не хочет.

– Наверно, – говорит Уоллес. Затем несколько ядовито: – Боже упаси, он сделает что-то, чего не хочет.

– Значит, все останется по-прежнему?

– Думаю, да.

– Ну и хорошо.

– Ты можешь погрустить. Я не обижусь.

Она смотрит в окно и спрашивает:

– Как ты думаешь, куда он поехал?

– Не знаю.

– По-моему, мне было бы еще грустнее, если бы я знала куда.

Уоллес кивает. Лучше только гадать, что он выбрал вместо них.

– Я тебя понимаю.

Какое-то время, несколько недель, кажется возможным, что Эддисон еще вернется. Но листья становятся рыжими, ночи – холодными, а он не возвращается.

– Как ты думаешь, почему он не остался? – Джейми сидит на табуретке в мастерской Уоллеса, расположенной в башенке, и на ненужном черновике углем рисует мелкую рыбешку, зависшую над каменистым дном реки. – Зачем вообще приезжал?

– Не знаю. – Уоллес стоит у мольберта, с палитры бьют в глаза масляные краски, вокруг припиленные наброски. – Я не очень хорошо его знаю. Мы никогда не были так близки, как вы с Мэриен. Я думаю, он хотел остаться, но испугался. – Он наклоняется посмотреть рисунок Джейми: – Отлично. У меня появляется ощущение воды, движения рыб. Очень здорово.

– Испугался чего?

Кисть Уоллеса спотыкается на холсте.

– Вас. Того обстоятельства, что вы есть.

– Догадка, но я думаю, ему не понравилась мысль, что он нам чем-то обязан.

– А почему он решил, что чем-то нам обязан?

Уоллес откладывает кисть.

– Ты очень хороший мальчик.

– Почему?

– Это великодушный вопрос, вот и все.

Джейми тихо говорит угольной рыбе:

– Вообще-то я не думаю, что так уж великодушен к нему.

Жизнь течет по-прежнему. Берит выбивается из сил, поддерживая порядок. Пытается заставить Мэриен носить платья и проигрывает. Вечно не хватает денег. Уоллесу хорошо платят в университете, но он любит играть на деньги. По всему дому спящие собаки.

В свои комнаты, где близнецы спят редко, предпочитая веранду, они натаскали всякие рога лосей, коллекции костей и зубов. На подоконниках вперемешку с шишками и интересными камнями выстроились крошачьи птичьи гнезда. К стенам припилены перья. Они подбирают и человеческие изделия: наконечники стрел, черепки глиняной посуды, пули, гвозди. Джейми переносит то, что находит, на бумагу, выстраивает натюрморты и рисует их, добавляя цвет пастелью или акварелью – их Уоллес потихоньку таскает для него из университета.

– А вот и юннаты! – восклицает Уоллес, когда они вечером возвращаются домой страшно грязные, с набитыми карманами. – Вот и археологи идут с раскопок.

Они прогуливают школу. Если день роскошно солнечный или заманчиво снежный, могут куда-нибудь забрести. У них есть друг, с которым они куролесят, Калев, сорванец еще покрупнее, на пару лет старше, сын проститутки, живущей в развалюхе чуть ниже по течению Рэттлснейка. (Джилда, мать Калеба, выбрала для себя с сыном фамилию по названию реки, что течет с юга, впадая в Кларк Форк на той стороне города: Биттеррут.)

Калев – изящный мальчик с кошачьими повадками, он не забирает длинные черные волосы, и они спадают на спину, такие прямые, блестящие, что говорят, отец его точно был либо индеец, либо китаец. Калев шуршит по карманам. У матери ворует самогон, в городских магазинах сладости и рыболовные крючки. Ненавидит мужчин, приходящих в его хижину, ненавидит то, чем занимается с ними мать, но не терпит ни малейшего оскорбления в ее адрес. Не замедлит ударить Мэриен в живот или по руке, как и Джейми. Летом все трое голышом купаются в ручьях и реках.

Хоть Мэриен и Джейми время от времени через щель в занавесках смотрят на Джильду за работой, они никогда это не обсуждают. Джейми переживает из-за того, насколько мужчина больше Джильды, как он бросает на нее свое тело с бездумной силой свайного молота. Маленькие ноги Джильды в грязных чулках подпрыгивают. Беспомощность огорчает Джейми. Он спасает из реки тонущих пчел, приводит домой бродячих собак, кормит из пипетки брошенных птенцов, затем дает им червей – их он заставляет нарезать Мэриен. Птицы со сморщенными шеями и разинутыми клювами похожи на сердитых стариков. Некоторые выживают, некоторые погибают. Уоллес не очень возражает против собак и других животных.

– Бедняга, – говорит он, глядя на вороненка, такого слабого, что даже не может поднять голову.

– Хватит, – говорит Берит в случае пополнения, но откладывает крохи для собак.

У Джейми повторяющийся ночной кошмар, где он должен выбрать, кого застрелить – Мэриен или собаку. Он не хочет есть мяса.

– Ты умрешь без мяса, – говорит Берит, но он все живет.

Его успокоило, когда в разгар колготни Джильда протянула руку и хладнокровно пригладила волосы.

Мэриен, в ее очередь у окна Джильды, парализовало, когда мужчина (другой, не тот, которого видел Джейми) превратился в дикое животное. У него перекошилось лицо, выгнулась спина, он толкнул Джильду на кровать и не глядя зарылся у нее между ног. Наконец, попрыгав на ней, как собаки или лоси, успокоился. Животное исчезло, и он опять стал человеком, приветливым мужчиной, поправляющим одежду. И Мэриен начала изучать мужчин – лавочников, соседей, друзей Уоллеса, самого Уоллеса, молочника, почтальона, – пристально вглядываясь в них, отыскивая животное.

Уоллес знает, у Мэриен и Джейми приключения каждый божий день. Он предпочитает оставаться в смутном неведении, не волноваться, что они могут не вернуться. У него свои приключения. Иногда он затемно уходит поиграть в покер, выпить в подпольном баре или придорожной закусочной, к женщинам. Он тихий, но беспробудный пьяница.

Из банка Сиэтла поступает чек на скромную сумму. Приложенное к нему письмо поясняет, что мистер Эддисон Грейвз желает регулярно переводить средства на содержание детей. Уоллес уходит и тут же проигрывает почти все деньги в придорожном притоне. (Один раз, когда дети были совсем маленькие, поступил более щедрый чек – их доля от состояния деда по матери. Ими Уоллес расплатился с долгами.) По дороге домой, на рассвете, он останавливается и заходит в заправку, куда возил тогда брата, но вода холодная, коричневая, как чай, и он не чувствует себя чистым, он чувствует себя грязным и мокрым. Он плывет и мрачно размышляет: а деньги Эддисон сейчас заработал или то остатки его сбережений? Он думает, брату следовало быть осмотрительнее и не посылать ему так много заразы, но потом вспоминает, что старший Грейвз ничего не знает про его страсть к азартным играм.

Флигель, предназначенный для Эддисона, светится по ночам, как двужильная вторая луна, поскольку там обосновалась Мэриен. После краткого визита отца она сама вскрыла все ящики. Чудеса пришлось рассортировывать: рисунки Уоллеса, книги самого разного объема и формата, а еще сверкающая, поражающая воображение куча экзотических предметов. Некоторые не требовали никаких пояснений (коврики, вазы), другие были сама таинственность, например спиралевидный рог животного семи футов в длину с острым концом, завернутый в мешковину и упакованный в длинный тубус, – он лежал отдельно. Мэриен поставила его в угол за печку, и рог стоял там, как забытый инвентарь волшебника. Ей хочется представить, как ее отец покупает, скажем, вот эту черно-красную плошку, но она не знает, что вокруг. Шумный город? Затерянная рыбацкая деревня? Там жарко? Холодно? Почему из всех плошек на свете он выбрал именно эту? Книги она разложила в шаткие стопки у стены. Она решает прочитать их, одну за другой, в том порядке, как они лежат, и приступает вскоре после того, как ей исполнилось десять. Иногда после возни с машиной Уоллеса или починки велосипедов других детей на страницах остаются черные полосы, но она приходит к выводу: ее отец не из тех, кто будет возражать. Днем она носит книгу с собой, в школу или в горы. По вечерам идет во флигель и читает в кресле у печки.

Отец хоть раз сидел в нем? До подарка судьбы в виде книг она не была читателем и не привыкла сидеть так долго без движения.

Первой книгой из первой стопки, не совсем случайно, оказался «Дракула», после чего ей, как и ее матери, снятся ужасные сны про безумца Ренфилда, скармливающего мух паукам, пауков – птицам, а когда он не может добыть кошку, которая съела бы птиц, пожирающего их сам, живьем. Ей снится то животное у Джильды, и во сне она узнает пожирателя Ренфилда. Конечно, рядом нет никого, кто мог бы сказать ей, что ее мать тоже пугала мысль о подобных пристрастиях. Чего никто даже не знал.

Среди книг – романы, сборники стихов и несколько томов, где есть картинки с латинскими подписями, на них изображены растения, птицы и животные. Мэриен разрешает Джейми прийти посмотреть, но выносить нельзя. Есть сочинения Шекспира и толстый словарь, его она держит при себе, чтобы смотреть незнакомые слова. Однако в основном там рассказы

о путешествиях. Она читает о штормах и кораблекрушениях, о пиратах и армадах, об экипажах судов, где матросы вынуждены поедать своих товарищей. (В снах опять появляется Ренфилд.) Читает о вздымающихся из теплых морей горах Таити, об их изумрудных, укутанных облаками вершинах, о неприступных Гималаях и высокогорных альпийских пастбищах с позвякивающими коровьими колокольчиками. О Джеймсе Куке и Чарлзе Дарвине, о Мэри Кингсли и Ричарде Генри Дане, о Льюисе и Кларке, идущих по той самой долине, где она живет. О ветрах в Магеллановом проливе, которые могут отбросить корабль назад с такой силой, что носовая часть оставит кильватерную струю, о ветрах, которые в удушающих рыжих облаках переносят аравийские пески на сотни миль в море. О Конго и Ниле, Янцзы и Амазонке. О диких голых детях в жарких странах, которые играют в игры, где надо смотреть и трогать, немного похоже на придумки Калеба в отсутствие Джейми. О громоздящихся горами волнах, о сводящем с ума безветрии, о выписывающих круги акулах, выпрыгивающих из вод океана китах, изрыгающих огонь вулканах. Среди книг нет ни одной, где рассказывалось бы о маленьких девочках, таких, как она, но Мэриен этого не замечает.

Значит, ее отец, помимо того что путешествовал сам, любил читать о путешествиях, совершенных другими. Значит, предположительно, он уважал тех, кто не боится приключений. Ей нравится рассказ Джошуа Слокама об одиночном кругосветном путешествии на маленькой парусной яхте «Спрей», во время которого тот чувствует себя отдельной планетой. Она тоже хотела бы испытать такое чувство.

Однако больше всего ей нравятся рассказы о далеком севере и далеком юге, где провисают отяжелевшие от инея корабельные снасти и свободно дрейфуют голубые айсберги, арками и шпильями напоминающие обледеневшие соборы. Она читает Фритьофа Нансена, Роальда Амундсена и про пропавшего сэра Джона Франклина, но ей все мало, и она приносит домой еще книг из библиотеки, упиваясь невзгодами Эрнеста Шеклтона и Эпсли Черри-Гаррада. Полюса, кажется, даже не требуют особой смелости – соблазнительно. Идешь туда или пытаешься пойти – значит, смелый. Она натывается на гравюру с изображением нарвалов, плещущихся на пятачке незамерзшей воды среди арктического дрейфующего льда, их бивни схлестываются в воздухе, как сабли в рукопашной на поле боя. Из угла за печкой она достает длинный рог и идет по заснеженному двору в главный дом.

Уоллес наверху в мастерской, граммофон играет Бетховена. Он кладет книгу на колени, рассматривает гравюру.

– Да, вижу, – кивает он. – Думаю, ты права.

– Бивень нарвала! – восклицает Мэриен. – Здесь, в Миссуле, в Монтане.

Уоллес опять смотрит в книгу и спрашивает:

– Они борются?

– Тут говорится, они так дышат. Ты ведь не думаешь, что отец убил нарвала, от которого бивень?

– Скорее всего, купил.

– А почему и на севере, и на юге так холодно? – спрашивает она Уоллеса, опершись на закручивающийся спиралью бивень и перебросив через плечо длинную бледную косу. – Почему там так странно меняются времена года? Почему иногда всегда темно, а иногда всегда светло?

– Не знаю, – отвечает Уоллес.

Он листает книгу, рассматривает изображения эскимосов, собачьих упряжек, айсбергов и быющих хвостами страшномордых китов. Интересно, видел ли все это брат, думает Уоллес. Мэриен в его глазах ни ребенок, ни взрослая. Он подмечает в ней такую жадность, что теряется.

Мэриен идет по снегу обратно к флигелю, замершему в темноте, как свисающий с бушприта фонарь. Больше двух лет прошло с тех пор, как отец ненадолго в него заходил. Она надеется, что книги объяснят больше собранных им предметов, что, прочитав все, она будет знать

все известное ему. И тогда некоторым образом узнает его. А потом, когда станет взрослой, поедет туда, о чем читала, и увидит все сама.

Ночи и дни, зимы и весны.

Гастролеры

Миссула

Май 1927 г.

Три месяца спустя

Утро было холодное, но брюхо Фидлера согревало ноги. Мэриен ехала без седла, отпустив вожжи, пригибаясь под мелькающими в рассветном сумраке сосновыми ветвями. Если Фидлер останавливался пощипать клочья травы, она стискивала голыми пятками его ребра.

Почти каждый день с минувшего сентября, когда ей исполнилось двенадцать, она вставала до рассвета и взнуздывала лошадь. Джейми теперь редко сопровождал Мэриен, может, догадываясь, что она предпочитает гулять одна. В зависимости от ее желаний они с Фидлером или шли вдоль рек – Кларк Форк, Биттеррут, – или блуждали по городу, наблюдая, как медленно кружит тележка молочника, одиноко плетутся домой ночные рабочие и колобродят пьяницы. Если снега было немного, она могла взобраться на гору или вершину ущелья.

В этот день, когда погасли последние звезды и заголубело, засветилось небо, она свернула от Рэтлснейка и поднялась на гору Джамбо. На крутом подъеме к вершине Фидлер перешел на рысь, а наверху остановился и тут же принялся за траву. На дне долины распластался низкий серебристый туман, прорезаемый крышами и верхушками деревьев. Сзади восходящее солнце играло поверх горной гряды, медленно наклоняясь над Миссулой и рассеивая туман, пока наконец на поверхности реки не блеснул обычный аккуратный дневной свет.

Вытянув ноги вперед и зацепив вожжи, Мэриен легла на Фидлера, забросив руки за голову, ему на бедра. Она почти задремала, когда услышала далекий звук мотора. Наверное, один из местных аэропланов, полуразвалившийся «Дженни» или «Стэндед», которые за дешево продавались после войны и на которых летали в основном любители. Звук шел с востока. Громче. Еще громче. Она резко поднялась как раз в тот момент, когда биплан проплывал сверху, стремительный, величественный, как благовествующий ангел, он летел так низко, что она могла бы дотронуться до колес шасси.

* * *

«Летающие Брейфоглы». Так было написано витиеватыми белыми буквами на хвостах «Дженни Кертиссов». Феликс и Трикси бежали из «Летающего цирка» Уилтона Вулфа, почившего в бозе, когда правительство решило, что на расплодившихся после войны праздничных авиашоу слишком много людей празднично ныряют в смерть, и ужесточило правила. Брейфоглы направлялись на запад, в Голливуд, надеясь получить место каскадеров.

Гастролеры и раньше появлялись в городе, за плату сажая людей в аэропланы, совершая фигуры высшего пилотажа и прыгая с парашютом, но Мэриен никогда особо не обращала на них внимания, никогда не думала, что аэроплан может перелететь через горы, за горизонт, отнести ее куда угодно. Может, чтобы вырвать ее из равнодушного созерцания, понадобилась опасная близость аэроплана, рев, красная вспышка крыльев. А может, просто пришло время. Она находилась в том возрасте, когда будущий взрослый трясет кости ребенка, как прутья клетки.

Позже в тот же день Уоллес повез ее на летное поле у горы Сентинел. Это была просто ровная площадка, размеченная известкой, рябая от барсучьих нор. Не успел он остановить машину, как Мэриен, подобно необъезженному жеребцу, уже мчалась по траве к стоявшим аэропланам.

Человек в комбинезоне механика, стоя на приставной лестнице у открытого капота двигателя, копался в клапанах и цилиндрах. Другой человек, в бриджах и ботинках, лежал на траве в тени под дальним крылом аэроплана и, по-видимому, спал, лицо его покрывала широкополая пастушья шапка. Человек на лестнице выпрямился, обернулся, и Мэриен удивилась, увидев перед собой женщину. На голову та повязала синий платок, лицо перепачкалось смазкой, с руки свисал гаечный ключ.

– Привет, – сказала женщина, опустив взгляд на девочку, а затем подняв его на поле, где стоял Уоллес. – Кто же ты такая?

– Мэриен Грейвз.

– Приехала посмотреть аэропланы? Нашу мощную эскадрилью из двух единиц?

Женщина говорила манерно, нараспев. Вытащив из кармана второй платок, она отерла лицо, еще больше размазав грязь.

– Я их уже видела. Сегодня утром я сидела на лошади, и один пролетел прямо надо мной.

Фидлер дернулся, и она чуть не свалилась. Только она пришла в себя, как проплыл второй аэроплан, выше, но все равно достаточно громко для того, чтобы испугать Фидлера.

– Иногда кажется, что они низко, правда? Хотя на самом деле мы намного выше, чем ты думаешь. Прежде всего безопасность, я всегда... – Она осеклась: – О, ты хочешь сказать, в горах? Так там была ты, милая? Бедняжка, наверно, ужасно перепугалась. Феликс иногда ведет себя ужасно глупо.

– Я не перепугалась.

– Хорошо, что ты приехала, Феликс сможет извиниться лично. Клянусь тебе всем на свете, вышло случайно. Просто глупая ошибка. Рада видеть тебя в полном порядке.

Мэриен собралась с духом и произнесла то, о чем неотступно думала все утро:

– Я хочу полетать.

Женщина наклонила голову и прищурилась, что, как решила Мэриен, должно было выразить сочувствие.

– Боюсь, до завтра мы никого не возьмем, а потом оно стоит денег. Пять долларов. Нам нужно платить за топливо и все такое, мы на это живем. Мне очень жаль, что Феликс напугал тебя, но мы не можем брать всех желающих, как бы ни хотели. Возможно, мы могли бы дать небольшую скидку, в знак дружбы, но тебе придется спросить у отца, готов ли он платить. Если только ты не накопила... – В последних словах прозвучала надежда.

– У дяди.

– Тогда придется спросить у дяди.

Тут подошел Уоллес и, прикрыв от солнца глаза рукой, улыбнулся женщине:

– Что придется у меня спросить?

– Смелая юная леди хочет полетать на аэроплане. – Платок опять прошелся по смазке, на сей раз успешнее, и проступило длинное узкое, как у борзой, лицо.

– Можно? – требовательно спросила Мэриен у Уоллеса, слишком громко, смущенная тем, что вынуждена просить.

Они с Джейми не получали карманных денег. Похоже, Уоллесу просто не приходило в голову, что им захочется что-нибудь купить, и поэтому под руководством Калеба они пристрастились к мелкому воровству, тягая из городских лавок конфеты, рыболовные снасти и всякую ерунду. На оживленной улице Калев за час мог незаметно наудить у прохожих монет на три билета в кино и обед в забегаловке. А когда деньги появлялись, они их тратили, поэтому Мэриен ничего не накопила – ужасная непредусмотрительность.

– Сколько? – спросил Уоллес у женщины.

– Пять долларов за пятнадцать минут, для вас четыре пятьдесят, поскольку мы теперь друзья. И по рукам.

Уоллес улыбнулся Мэриен той же подбадривающей, но уклончивой улыбкой, что и прекрасному голубому небу, и незнакомке с перепачканным лицом.

– Надеюсь, мы вам не помешали, – обратился он к женщине. – Сегодня утром у Мэриен состоялся тесный контакт с одним из ваших аэропланов. Это произвело впечатление.

– Бедняжка. Должно быть, она сильно испугалась.

– Нет, – упорствовала Мэриен. – Мне понравилось. У вас проблемы с двигателем?

– Не больше чем обычно.

– Я разбираюсь в двигателях. И чиню машину Уоллеса, правда ведь, Уоллес?

– Правда, – подтвердил тот. – Мэриен прирожденный механик.

– Превосходно.

Спящий под аэропланом человек зашевелился. Загорелая рука согнулась, сняла с лица шапку, и из-под крыла, потягиваясь, вышел сухопарый, крепко сбитый, кривоногий мужчина с густыми усами. Он вальяжно двинулся к ним, одной рукой небрежно насаживая шапку на голову, а другой стряхивая со спины траву.

– Феликс, – сказала женщина, – вот та самая бедная девочка, которую ты чуть не снес с лошади.

– Ты! – Феликс на мгновение остановился, уперев руки в боки. – Так вот оно, незамеченное препятствие.

– Простите.

– Все в порядке. Мне не лишне было напомнить, что не стоит выкаблучиваться, если можно так сказать, даже если никто не видит. А чем ты там занималась так рано?

Уоллес с интересом посмотрел на Мэриен, как будто ему впервые пришла в голову мысль самому задать ей такой вопрос.

– Просто иногда поднимаюсь посмотреть.

– Похвально. – Мужчина пожал руку Уоллесу: – Феликс Брейфогл. – Ткнул пальцем в приставную лестницу: – Моя жена Трикси. Летающие Брейфоглы. – Затем Феликс обменялся рукопожатием с Мэриен и, к ее удивлению, задержал ее руку в своей, пристально всмотревшись в лицо: – Никаких сонных мух. Давай еще. Жми крепче. Ты меня не сломаешь.

Мэриен стиснула ему ладонь, как могла, та вздулась.

– Уже лучше. Пара костей хрустнули. Любишь моторы? Хочешь посмотреть?

– Дорогой, – вмешалась Трикси, – боюсь, я тут работаю, а у нас всего одна лестница.

– Любая проблема имеет решение, – ответил Феликс и, подведя Мэриен к крылу, подсадил ее на пропитанную авиационным лаком ткань. – Запрыгивай мне на плечи.

– Феликс, право, – заволновалась Трикси.

– Давай, – кивнул тот Мэриен.

Мэриен села на край крыла, перепрыгнула на плечи Феликсу и, не зная, куда девать руки, ухватила за его макушку.

– Я не слишком большая?

– Ты хворостинка. – Он прошел с ней несколько шагов к носу аэроплана. – Вот, смотри хорошенько. Э, полегче с волосами. Мне бы хотелось их сохранить.

То, что она увидела, напоминало мотор автомобиля, только еще чудеснее. Она рассматривала пути топлива и воды, запоминала клапаны, стержни и болты, старательно избегая злобного взгляда Трикси, преследовавшего ее поверх нагромождения металла. Блестящие лопасти деревянного пропеллера были элегантно закреплены под углом, чтобы ловить и направлять воздух.

– ОХ-5, – сказал снизу Феликс. – Красивый, но протекает, как сито, и жрет масло. Насмотрелась?

– Да, спасибо, – соврала Мэриен.

Феликс опять усадил ее на крыло, схватил за пояс и опустил вниз.

– А вы не знаете, – обратился он к Уоллесу, – где тут поблизости нас не надуют с топливом?

Мэриен подошла к капоту двигателя, похлопав металл, как будто это лошадь, а Уоллес, глядя на нее, предложил Феликсу, если угодно, отвезти его в приличную мастерскую, а потом обратно с бензином. По дороге обещал показать пару мест в городе, где можно расклеить объявления об аэрошоу и полетах.

– И... просто мысль пришла в голову, так что вы вправе отказаться... Если вы ищете пристанище, буду рад предложить вам ночлег.

– Да вы что! Потрясающе.

– А вы завтра покатаете Мэриен и ее брата.

– Конечно.

– А вы, дядюшка Уоллес? – пропела Трикси. – Вы разве не хотите полетать?

* * *

Для Мэриен присутствие гастролеров преобразило дом. С одной стороны, она испытывала незнакомое стеснение за его обшарпанность, полагая, что авиаторы наверняка привыкли к лучшему в жизни. С другой стороны, теперь, когда тут находился Феликс, дому, казалось, открылись сияющие возможности. А у него внутри есть животное? Он тоже хватает Трикси, рычит, у него перекашивается лицо? Она держала его за волосы, чувствовала его плечи между своими бедрами. Хвостинка. Она правда хвостинка? При мысли о Феликсе Мэриен начала дергаться, нервничать. Она уже таскала его на двор показать машину Уоллеса, поднимала капот, демонстрировала заплатки и крепежи, которые придумала в моторе. Любезный Феликс все время подмигивал и вроде был искренне впечатлен ее автомобильными познаниями. Ей нравились его усы и аккуратная, перетянутая ремнем бриджей талия. Когда он принимал ванну, она проходила мимо чаще, чем требовалось, однажды, притормозив и прижав ухо к двери, слушала редкие короткие всплески.

Разумеется, тут же появилась Трикси. Она надела поношенное мешковатое синее платье, вероятно, из крошечного чемодана, ее единственного багажа. Заметив Мэриен, Трикси остановилась и улыбнулась дрогнувшей, прокисшей улыбкой. Волосы, на сей раз не покрытые косынкой и влажные после ванны, были коротко подстрижены согласно моде, что не шло к ее длинному лицу. Губы она намазала темно-красной, почти лиловой помадой, глаза и брови подвела карандашом. Все это ей не шло. Без рабочего комбинезона она стала только хуже.

– Чего доброго, можно подумать, что ты подсматриваешь, – фыркнула Трикси.

– Я проверяла, есть ли там кто.

Брови поднялись, лиловый рот сжался:

– Любопытство до добра не доводит.

Непросто было объяснить вспыхнувшую между ними враждебность. Мэриен вытерпела колкости, не дрогнув, и стояла, прижавшись спиной к двери в ванную (слабый плеск, тихий кашель), пока Трикси, поправив волосы, не ушла.

* * *

Кроме Джейми, перед которым стояла печеная картошка, на ужин все ели приготовленное Берит жаркое из дичи.

– Ты не любишь жаркое? – спросила Трикси у Джейми.

– Он не ест мяса, – ответила Мэриен.

– Да у него и зуб-то нет, – хмыкнул Калев, явившийся без предупреждения и без приглашения, что делал частенько. – У него там только небо. Поэтому и жуёт одну картошку. Расплющивает ее языком.

Мать Калеба часто тратила все деньги на выпивку, а он, когда было лень добывать себе пропитание, появлялся у Грейвзов за столом. Берит кудахтала над ним, кормила кусковым сахаром, очищенными фруктами, полными ложками варенья. Думая, что никто не видит, гладила по длинным волосам, чей обсидиановый блеск отвечал чему-то неожиданному в ее упорядоченной скандинавской душе.

– Нет зубов, – поправил Уоллес. Несвойственная ему строгость проявлялась в том, что он вечно исправлял грамматические ошибки.

– Нет зубов? – переспросила Трикси.

– У Джейми прекрасные зубы, – сказал Уоллес. – А у Калеба несколько странное чувство юмора.

Трикси бросила неодобрительный взгляд на Калеба и обернулась к Джейми:

– Не ешь мяса? Почему?

– Противно, – ответил тот.

– Он хочет сказать, противно с духовной точки зрения, – уточнил Уоллес. – Убивать животных для того, чтобы их есть.

– Почему все отвечают за милого мальчика? – удивилась Трикси. – По-моему, у него есть не только зубы, но и язык. Какой ты милый, – обратилась она к Джейми. – Прямо нежный агнец.

Обиженный Джейми не отрывал взгляда от картошки. Калев смеялся. Уоллес рассказал, что слышал по радио, как молодой пилот Чарльз Линдберг утром вылетел из Нью-Йорка, намереваясь первым в истории пересечь Атлантический океан. После обеда его видели над Ньюфаундлендом.

– Говорят, сейчас он где-то над океаном.

– Над океаном, если ему повезло, и в океане, если нет. – И Трикси усмехнулась, как будто удачно сострила.

– Будь этот Линдберг постарше, – сказал Феликс, – я бы назвал его самоубийцей. Но он ребенок, так что просто чертовски глуп. Оцениваю его шансы тысяча к одному.

Мэриен попыталась представить океан, но у нее ничего не получилось. Она вспомнила синеву из атласа, рассказы из отцовских книг, но огромность не давалась.

В столовой были флоксовые обои и овальный стол с разномастными стульями. В серванте со стеклянными дверцами, где обычно выставляют серебро и хрусталь, хранились собранные Мэриен и Джейми непомерно разросшиеся коллекции камней и костей. Из простой бутылки объемом в пинту Уоллес налил Феликсу и Трикси что-то коричневатое (самогон, окрашенный нерафинированным сахаром, хотя, если угодно называть это виски, ради бога).

– Как вы научились летать? – спросила Мэриен Феликса, чьи волосы еще не просохли после ванной.

Брейфогл вырядился в слишком просторную для него одежду Уоллеса, поскольку их с Трикси вещи Берит постирала и развесила на веревку.

– Во Франции, – ответил он. – В войну. Я хотел летать, а французы были готовы брать американских добровольцев и учить их.

– Я бы хотел посмотреть войну, – брякнул Калев.

Феликс покосился на Калеба, и вдруг между ним и остальными пролегла дистанция, он будто отстранился от стола и перенесся в другое место.

– Феликс не любит говорить о войне, – заметила Трикси.

Внимание Феликса, похоже, вернулось в столовую:

– Я решу, о чем мне говорить, спасибо.

Он обучался на юге, рассказал Феликс, недалеко от города По. А когда закончил, его откомандировали в эскадрилью, состоявшую из американцев, в Люксей, где расквартировали на вилле возле курорта. В нелетную погоду пилоты отмокали в горячих ваннах или играли в карты и пили. А когда небо было ясным, на бреющем полете отправлялись в разведку или гонялись за наблюдательными аэростатами – огромными серыми водородными бегемотами, покачивающимися над линией фронта.

– Лучше всего с ними разделаться, подлетев поближе и выпустив очередь из пулемета, но, взорвавшись, они, скорее всего, прихватят тебя с собой.

Феликс видел людей, которых разрывало на куски, разносило снарядами в клочья, подбрасывало на колючую проволоку и их съедали крысы. Раненых, которые ползли и ползли. Куда, по их мнению, они могли доползти? Они пытались оттащить себя от боли. Чтобы человеку умереть, существует куда больше способов, чем он раньше думал.

Однажды в ангар аэродрома бог знает откуда забежала лошадь без всадника, может, пригнав его за конюшню. Она страшно горела. Они пристрелили бедное животное, чтобы сократить его мучения.

– А один раз, – продолжил Феликс, – я выстрелил в немца, двигатель загорелся, а пилот вылез на крыло и прыгнул. В огромном коричневом меховом пальто он напоминал падающего с неба медведя. Парашюта у него не было. Он решил лучше разбиться, чем сгореть. Наверное, я поступил бы так же. Его пустой аэроплан какое-то время еще летел, потом развалился.

Уоллес незаметно долил Феликсу.

– И все-таки, – попытожил тот, подняв стакан, – лучше это, чем то, во что ввязался Линдберг.

* * *

Брейфоглы выбрали флигель и его единственную кровать над верандой. После ужина Калев ушел в ночь, а Джейми и Мэриен отправили наверх, чтобы и духу их не было. Они забрались на кровать Мэриен – рыжая енотовая гончая спала в ногах, – встали на колени и стали смотреть в окно, как Феликс в сумерках сидит на ограде загона Фидлера и курит. Когда к нему подошел мерин, он протянул руку и погладил старика по щеке.

– Представь, у тебя есть аэроплан и ты можешь полететь куда угодно, – сказала Мэриен.

– Зачем он рассказал нам про горящую лошадь?

Обычно присутствие Джейми давало Мэриен ощущение симметрии, правильности, уравновешенности. Без него она казалась себе слишком легким каноэ, предоставленным на милость течения. Джейми более спокоен, менее импульсивен. Балласт. Строго говоря, он не являлся ее частью, но и не был кем-то совершенно другим, как Уоллес, Калев, Берит или кто угодно.

Однако сейчас она очень хотела от него избавиться, желая думать не о горящей лошади, а только о Феликсе.

– Ты тут ничего не поделаешь. Выбрось из головы.

– А знаешь, – запальчиво воскликнул Джейми, – иногда мне хочется, чтобы людей вообще не было! Правда.

– Люди тоже гибли. – Мэриен погладила спящего пса, пошевелившегося и развалившегося сбоку от нее, задрав лапу и обнажив пузо. – Миллионами. Разве нет?

– Но лошади не понимали, чем они виноваты.

Джейми не очень утешал вид собственной лошади, которая в тихий вечер стояла на дворе, вела безоблачную жизнь, потому что он слишком ясно представил себе панику и растерянность Фидлера, если бы того подожгли, если бы он бежал и не мог убежать от боли.

– Интересно, почему он на ней женился? – спросила Мэриен, не сводя глаз с Феликса. – Не очень-то она и красивая.

– Какая разница? – ответил Джейми. – Все равно мы их больше не увидим.

Мир за окном – опрятная конюшня, флигель, опаловое небо – вдруг ударил Джейми, будто это иллюзия, коварный покров, под которым бурлит страдание и смерть. И оттого, что Мэриен так не думала, оттого, что, упершись подбородком в кулаки, а кулаками о подоконник, лишь задумчиво смотрела на незнакомца, мечтая улететь из дома, где им так надежно, ему стало страшно одиноко.

Он пожелал ей спокойной ночи и пошел к себе, за ним поплелась гончая. Пес запрыгнул на кровать, свернулся и уgomонился. Все в животном требовало любви: длинные мягкие уши, черная шерсть с рыжими вкраплениями на боках, то, как он уютно прикрыл хвостом нос. Джейми не мог примириться с огромностью страдания в мире. Это выражалось в том, что в сердце поднималась волна жара, начинало покалывать, а в голове становилось легко; не острое, но непереносимое ощущение. Можно было только прогнать его, но, даже обращая мысли на другое, он не избавлялся от него, как человек, живущий у плотины, осознает: по ту сторону его ждет наводнение.

Чтобы успокоиться, Джейми достал из-под подушки блокнот и, усевшись по-турецки, начал рисовать пса.

* * *

Мэриен легла в постель, но спать ей не хотелось. Она думала о Феликсе, перебирала коллекцию воспоминаний дня: его загорелые предплечья, мозолистые руки, запах мыла после ванной, плечи под ее бедрами. Между ногами у нее что-то сдавило. Она положила туда ладонь и испугалась тому, как внутри, словно одуванчик, на который сильно дунули, взорвался шар искр.

Тихие голоса внизу. Она выскользнула из-под одеял, просочилась в дверь и по-обезьяньи спустилась по перилам, чтобы не заскрипели ступеньки. На веранде, за желтым пятном света с кухни сидели Уоллес и Трикси. Мэриен подкралась к открытому окну.

– А откуда все вещи во флигеле? – спросила Трикси. – Феликс так заинтригован.

– Моего брата, – ответил Уоллес.

– Следует ли мне заключить, что он вроде исследователя?

– В известном смысле.

– Он умер?

– Не знаю. Вряд ли. Мэриен любит ходить туда читать.

– Она влюблена в Феликса, – задумчиво сказала Трикси. – Славная девчушка. И голова-стая. Только, боюсь, она решила, мы с ней соперницы.

– Потому что у нее нет матери. Она не знает, как быть с женщинами.

– Феликс нравится женщинам, ваша девочка не исключение. Я уже устала их отбивать.

– Он, кажется, достаточно привязан к вам, не то что я много в этом понимаю.

– Думаю, да. Достаточно.

Чиркнула спичка. Выдулось облачко дыма.

– Скажите, должно быть, странно иметь детей, свалившихся на вас с неба. Сколько они уже у вас?

– С младенчества.

– Вы очень добры, раз взяли их.

– Нет. Долг. Будь я добрым, я бы... не знаю. Не знаю, что бы я делал. Уделял бы больше внимания. Был бы добрее.

– Я бы подкинула их на церковную паперть. В тростниковой корзине, как Моисея.

– Ох, по-моему, Моисея оставили в корзине в зарослях тростника.

– Все равно, я бы нашла тростник.

Кожу у Мэриен закололо, как будто она сгорела на солнце. Она тихонько поднялась по лестнице, нещадно виня себя за то, что никогда не думала об огромной ответственности, которую отец возложил на Уоллеса. Как она могла быть такой дурой? Как можно было не понять – Уоллес не хотел ее и Джейми? Он просто слишком добр и никогда не давал этого понять. Она забралась на кровать и посмотрела на освещенное окно флигеля. Навернулись слезы, но Мэриен их сморгнула. Сколько помнила, она собиралась уехать из Миссулы, как только вырастет, но теперь ее решимость встала в пазы и натянулась парусом.

* * *

Утром Уоллес отвез всех на летное поле, и, когда Брейфоглы закачали воздух в шины и заполнили водой радиаторы, трое Грейвзов увидели, как «Дженни» Феликса затряслась по испещренной барсучьими норами траве. Феликс рулил, сидя в задней кабине, а Трикси неподвижно сидела в передней. Когда они пролетали низко над городом, Трикси вылезла на нижнее крыло, ухватила за расчалку и изо всех сил начала кричать в мегафон голосом ярмарочного зазывалы:

– Летающие Брейфоглы! Только сегодня! В честь Линдберга специальная цена, четыре доллара за полет! Приходите! Фигуры высшего пилотажа за два! Прыжок с парашютом всего два пятьдесят!

Когда они вернулись и приземлились, Трикси велела Мэриен залезть в переднюю кабину своего аэроплана.

– Обе дамы в небесах, – сказала она скорее Уоллесу, чем Мэриен, которая тщетно пыталась скрыть разочарование, что летит не с Феликсом.

Трикси надела кожаный шлем и защитные очки, но Мэриен осталась с непокрытой головой, полностью отдавшись на волю неба, как и хотела.

* * *

К моменту приземления Линдберг провел в воздухе тридцать часов и тридцать минут и не спал пятьдесят два часа. Пытаясь не заснуть, он летел так низко над водой, чтобы чувствовать соленые брызги. Волны поднимались из темноты, как борозды, сами пропахивающие себя в черном поле.

Он в замешательстве кружил над аэропортом Ле Бурже. Яркие извилистые потоки света текли из желтого озера Парижа, оплетали то, что должно было быть запертым на ночь пустынным пятчком поросшей травой земли. Автомобили, разумеется. Сотня тысяч людей двинулись в Ле Бурже, чтобы посмотреть, как он приземлится.

Сразу после того как Феликс и Трикси закончили представление и Феликс совершил отчаянный прыжок с парашютом, известие о благополучном прибытии Линдберга в Париж достигло Миссулы. Феликс, опустившись на землю, складывал парашют, когда зазвонили церковные колокола и завыли сирены. Толпа на летном поле заволновалась, послышалось: «Линдберг! Линдберг!», но никто точно ничего не знал, пока не подъехал человек в небольшом автомобиле, гудя клаксоном и крича:

– Он приземлился! Он приземлился в Париже!

Люди обнимались, бросали в воздух шляпы и носовые платки. Во Франции толпа на аэродроме в безумном обожании чуть не разорвала Линдберга и его аэроплан на части, тысячи людей тянулись к высокому человеку и крыльям, покрытым коростой соли.

В Миссуле дорогу к летному полю заполнили автомобили, велосипеды, пешеходы. На «Дженни» хотели полетать столько людей, что с заправки пришлось вызвать грузовик, поддерживавший Брейфоглов топливом до самого захода солнца. Все старались быть ближе к аэро-

планам, к небу, посмотреть на город сверху и вообразить себя Линдбергом (самому ему наконец-то позволили заснуть в парижской резиденции посла, а странная судьба уже тащила его дальше).

Но утром, когда Мэриен только собиралась в полет с Трикси, Линдберг был еще где-то над Англией.

– Выключи зажигание! – крикнул Феликс, стоя перед аэропланом.

– Выключила! – откликнулась Трикси из задней кабины.

Феликс взялся за пропеллер и пару раз прокрутил его. Потом ухватился крепче и уперся ногами.

– Включай!

– Включаю!

Феликс еще раз крутанул пропеллер, на сей раз изо всей силы. Несколько коротких всплесков рваного звука, как будто кто-то тасовал карты, и двигатель завелся. Облачка дыма, едкий запах. Затем ритмичное ворчание: вращающийся коленчатый вал, барабанный стук пропеллера. В оконное стекло Мэриен увидела, как его лопасти смазались до невидимости. В кабину ворвался ветер. Аэроплан вибрировал, ему не терпелось взлететь. Она крепко затащила на бедрах широкий пристяжной ремень.

Они покатались вперед, набрали скорость, запрыгали по рытвинам и кочкам, потом нос опустился, тряска прекратилась, осталось одно скольжение, трава превратилась в размытое пятно. Давление снизу, из-под крыльев. Аэроплан поднимался. Ручка управления, рычаг газа, педали в кабине, где сидела Мэриен (которые Трикси запретила ей трогать), двигались, будто ими манипулировал призрак. Земля отвалилась.

Люди и автомобили перемещались по улицам Миссулы, будто фигуры в непонятной игре. Над рекой, ухватив когтями рыбу, быстро пролетела скопа. Над долиной Трикси резко пошла вверх и без предупреждения сделала сначала бочку, а потом петлю. Высоко над горами она ринулась вниз и загнала аэроплан в штопор. Долина завертелась вокруг них, иначе зашумел двигатель, загудели расчалки, капли горячей воды из радиатора жалили Мэриен в лицо. Трикси вышла из штопора, опять взмыла вверх, поднялась повыше и, опустив нос, вошла в пике. Мэриен понимала, Трикси хочет ее напугать, заставить отказаться от желания летать, но, когда снизу надвинулась земля, внутренности втиснулись в ребра, а тело – в сиденье, испытала лишь легкость.

Миссула

Октябрь 1927 г.

Через пять месяцев после приезда и отъезда Брейфоглов

– Джейми, – сказала Мэриен, – мне нужно, чтобы ты меня постриг.

Тот лежал на кровати с томом рисунков Одюбона, который Мэриен запретила ему выносить из флигеля. Книгу она увидела с порога, но не стала заострять на этом внимание. В одной руке у нее были длинные ножницы Берит, и она протянула их Джейми:

– Пожалуйста.

– Как постричь?

Она перекинула из-за плеча косу и двумя пальцами показала, будто отстригает ее до основания:

– Вот так.

Вид у Джейми был испуганный:

– Берит нас убьет.

– Но обратно не приклеит. Я могу и сама.

– Ну и давай.

– У тебя лучше получится.

Значит, она не хотела решать одна, ей нужен был сообщник.

– Я никогда никого не стриг.

– Но ты же знаешь, как должно выглядеть.

– Нет, не волосы.

– Ну, пожалуйста.

– Нет!

Одной рукой Мэриен натянула косу, а другую, с ножницами, завела за голову.

– Ты не сделаешь этого, – испугался Джейми.

Когда кромки ножниц со скрежетом сдвинулись, на запястье Мэриен выступили сухожилия. Бледная коса перекинулась на руку, как мертвые цветы. Она потрогала изуродованный затылок, нащупала коротко выстриженное место, вокруг которого сорняками торчали длинные пряди. Остальное лохмотьями упало вперед, на уши. Она хотела гладкости, легкости, но не такого. Любопытство на лице Джейми мешалось с ужасом.

– Ну, вот и сделала, – сказал он.

– Ты не помог! Ты должен был мне помочь! – запальчиво крикнула Мэриен и, беспомощно пытаясь, помчалась вниз по лестнице, потом к флигелю.

Она полагала, Джейми обязан потакать ее прихотям. Брат обязан был понять, она исполнена неколебимой, бесповоротной решимости, потому и просит. Мэриен и резанула отчасти, наказав его за сомнения в том, что она доведет дело до конца.

Во флигеле Мэриен уселась в кресло и осторожно погладила затылок. Плакала она редко и только если знала, что ее никто не видит (утром, когда ушел отец, она заплакала, лишь отъехав на Фидлере по берегу Рэттлснейка), но сейчас уронила несколько слез. Потом утерла нос и встала разжечь печку. Мэриен знала, Джейми скоро придет ее утешить и все опять будет хорошо. С потолка флигеля, раскачиваясь, свисала эскадрилья аэропланов из картона и папиросной бумаги. После отъезда Брейфоглов она прочла все, что могла найти в симпатичной кирпичной библиотеке Карнеги Миссулы о пилотах и полетах. Линдберг заразил всю страну авиалихорадкой; кроме колонок в газетах, как грибы, появлялись новые издания. На задней стороне обложки одного журнала, обещавшей «Истории об отважных полетах и воздухоплавании», она нашла инструкции и шаблоны для изготовления модели биплана «Стэндед». Первый вышел не слишком хорошо: крылья оказались скрючены и в отпечатках измазанных клеем пальцев; опоры шасси горбились; но она клеила еще и еще, обращая на них все тщание, с которым ей так хотелось бы повозиться с настоящими летательными аппаратами, и наконец модели стали идеальными.

В какой-то момент, в первые недели после отъезда Брейфоглов, когда она, прикованная к земле, тосковала во флигеле, погруженная в пьянящие воспоминания о кружащейся внизу долине, о гармонии оснастки аэроплана, до нее дошло очевидное: она не может стать пилотом сейчас. Нужно подрасти. Ненамного, так ей представлялось, но не в тринадцать. Может, в четырнадцать или пятнадцать. Наверное, тогда она будет достаточно взрослой, чтобы эти намерения не показались смехотворными. Понадобится инструктор, аэроплан, но она не сомневалась, что все как-нибудь образуется. И еще одно простое обстоятельство пришло ей в голову: если уж она не могла заплатить за полет, то точно не сможет оплачивать настоящие уроки. И Мэриен начала искать более надежный, чем мелкие кражи, доход. Шестнадцать – возраст для настоящей работы; четырнадцать – если у тебя есть школьный аттестат, который она не получила. В библиотеке ей будут платить по десять центов за каждую тележку расставленных книг, но столько тележек там не наберется. Фермеры не возьмут девочку собирать яблоки или доить коров, когда за такой работой гоняются мальчишки. Возможности ограничены, но она их найдет, поскольку должна стать пилотом. Мэриен не понимала, как другие не видят, кем она станет, почему на ней, вроде яркого наряда, незаметно ее будущее. Вера в то, что она будет летать, напитывала ее мир, представала совершеннейшей истиной.

Во флигель пришел Кaleb, не Джейми. Она заснула в кресле, а когда проснулась, он стоял над ней с утыренным Одюбоном под мышкой. Волосы сзади были заплетены в косу толще той, что она отрезала. Рассмотрев ее затылок, он рассмеялся – громко, хрипло, вышло почти ржание.

– Что ты наделала?

– Я хотела коротко.

Она очень боялась, что он спросит почему. Объяснить невозможно. Потому что недавно у нее на груди начали подниматься нежные холмики? Потому что она читала в одной из отцовских книг про то, как женщины, становясь послушницами в монастыре, бреют головы, и хотела пометить себя в знак серьезности намерения летать? Потому что хотела отбросить все лишнее, приобрести плавные очертания, чистоту, быстроту?

Кaleb не спросил почему. Он отложил книгу.

– Ты плакала, потому что у тебя теперь нет волос или потому что ты плохо их постригла?

– Я не плачу.

Кaleb снисходительно улыбнулся. Мэриен провела рукой по голому затылку.

– Потому что я плохо их постригла. – Когда она поняла, что это правда, ей стало легче. –

Ты не поможешь?

– Ну, хуже не сделаю. Джейми слишком напуган, поэтому не пришел попробовать.

Они расстелили на полу газету, и она уселась в центре. Осторожно, медленно, с расческой и одними кончиками ножниц, Кaleb принялся за дело.

– Иногда я стрижу Джильду, – сказал он.

– Правда?

– Просто подравниваю кончики. Мне не доводилось начинать с такого дурдома. Насколько коротко?

– Как у мальчика.

– Я мальчик, а у тебя таких длинных никогда не было.

– Ты меня понял. По-настоящему коротко.

– Ладно. – Он продолжал стричь. – Знаешь, поскольку ты и одеваться начала под мальчика, тебя и будут принимать за мальчика.

– Ну и здорово.

– Не хочешь быть девочкой?

– Ты, что ли, хочешь быть девочкой?

– Разумеется, нет.

– Ну вот.

– Но иногда мне хочется быть совсем белым.

Она чувствовала холодный металл на шее, поскребывание расчески, неторопливые прикосновения подушечек его пальцев.

– А почему бы тебе тогда не отстричь косу?

– Короткие волосы не сделают меня белым.

– Нет, но длинные волосы тебя отличают еще больше.

– Я никогда... Мне не стать совсем белым, поэтому смысла нет. Мне плевать, что думают, и всем об этом должно быть известно.

– Значит, не плевать.

– Нет, плевать.

– Нет, не плевать. Тебе важно, чтобы все знали: тебе на них плевать.

– Ладно, может быть. Чуть-чуть.

Через минуту Мэриен призналась:

– Может быть, я отстригла волосы потому же, почему ты их не стрижешь.

– Может быть.

Тишина, одни ножницы.

– Я как-то слышал историю про женщину, которая вправду превратилась в мужчину, – сказал Кaleb.

– То есть – вправду превратилась в мужчину?

– Она была ктунаха. Мне рассказал один старик в Шактауне. В общем, сто лет назад жила женщина, она вышла замуж за торговца каравана, но из-за совершенной неуправляемости ее прогнали. Тогда она вернулась к своим и заявила, что белые мужчины превратили ее в мужчину. И стала мужчиной.

– Нельзя просто так взять и стать мужчиной.

– Она даже женилась. И еще давала себе разные имена. Я помню только Гризли-Сидящий-в-Воде.

– А потом?

– Твердила, что она пророк. Приставала ко всем не по делу, в конце концов ее убили и вырезали сердце. – Кaleb опустил ножницы. – Конкурс красоты ты не выиграешь, но лучше, чем было.

Мэриен провела рукой по затылку. Ровнее.

– Здесь нет зеркала.

– Ты мне не веришь?

– Зеркалу я поверила бы больше. – Она встала и попыталась поймать свое отражение в окне. Разглядеть удалось только маленькую голову, круглую и светлую. – С другой стороны, все будет лучше прежнего.

Кaleb, вдруг оживившись, сгреб газету и, скомкав, бросил в печку.

– Тебе не интересно, какова моя цена за стрижку?

Где-то глубоко зашевелились нервы. Они уже несколько лет не играли в его игры, но в нем появилась та же покалывающая нервозность. Игры в плен, игры, где по правилам надо снимать одежду, трогать.

– А ты не можешь просто сделать другу одолжение?

– Могу, конечно. Изредка. Я сделал тебе уже тысячу одолжений.

Из печки пошел едкий запах.

– Зачем ты бросил волосы в печку? – спросила Мэриен. – Воняет.

– Короче, цена – поцелуй.

Поцелуи никогда не были частью их игр. Она рассмеялась, ужаленная сильнее, чем если бы он предложил ей раздеться догола.

– Не то что я тебя люблю, – сказал Кaleb. – Просто хочу потренироваться на тот случай, когда у меня будет настоящая девушка.

– Большое спасибо.

– Не за что. Плати.

Мэриен не двинулась, и он, раздраженно вздохнув, подошел к ней, глядя смело, насмешливо. Казалось невозможным, что они сейчас прижмутся друг к другу губами, однако это случилось. Точнее, прижался Кaleb, сильно. Мэриен, крепко стиснув губы, отпрянула. Кaleb усмехнулся:

– В следующий раз, когда тебе нужно будет постричься, придется целоваться получше.

– В следующий раз, когда мне нужно будет постричься, я пойду к парикмахеру.

– Кто-то же должен научить тебя целоваться.

– И вовсе не должен.

– Не будь трусихой.

– Я не трусиха.

– Еще какая трусиха. Вся дрожишь. Я же вижу.

Как бы она хотела, чтобы дрожь прекратилась.

– Может, просто не хочу тебя целовать.

Опять ухмылка:

– Не-а, не то.

Когда Калев ушел, она уселась, глядя голову. Между ногами сдавило. Она положила туда кулак. Искры, как пушинки одуванчика. Так она трусиха? Мэриен точно не понимала, страх это или только смущение. Ответив на поцелуй Калеба, она бы признала тем самым, что хочет целоваться, в принципе хочет. А она хочет? Опять давит. И вдруг прозрение: она боится не столько целоваться, сколько признаться самой себе.

Мэриен опять положила руку на остриженную голову, чувствуя, как в ней зашевелилась гордость, смешанная с нарастающим давлением, похожим на болт, вкручивающийся в гайку. Стрижка – декларация, а никакое не признание. И все должно быть декларацией, а не признанием. Она перенесла вес на кулак, будто села верхом, покачнулась на нем. Оказалось недостаточно, и она взгромоздилась на подлокотник кресла. Мэриен думала о мужчине-животном, уткнувшем лицо между ног Джильды, о Феликсе Брейфогле, держащем ее за голени, о губах Калеба, подстегивала себя, пока наконец все мысли не исчезли.

Неполная история Гризли-Сидящего-в-Воде

Ок. 1790–1837 гг.

Она появляется на свет в конце восемнадцатого века, там, где позже будет Айдахо, сразу за зимней стоянкой ктунаха. Выпадает из матери, которая всю ночь шла и приседала, шла и приседала, и морозный рассветный воздух бьет ее так, что она кричит. На вид обычная девочка.

История обрывочная, противоречивая, смесь слухов белых людей и коренного населения, створоченная почти до мифа.

Когда подходит время выходить замуж, ей тринадцать; она вспыльчива; у нее широкая кость. Она знает, как находить и готовить пищу, плести из тростника половики, тысячу других вещей. Но ни один мужчина не хочет ее в жены. В негодовании она продырявливает каное «осетровый нос», принадлежащее мужчине, который ей нравится больше остальных.

Поблизости проходит группа белых мужчин, группа торговца и картографа Дэвида Томпсона. Ночью девушка покидает место стоянки и идет через леса.

Утром слуга Томпсона по имени Буавер выбирается из палатки и обнаруживает туземку, которая неотрывно на него смотрит. Сначала он боится, что это привидение, но девушка падает на колени и по камням, по грязи ползет к нему. Буавер всю жизнь ждал женщину, которая вела бы себя именно так.

Новая жена Буавера – девушка, вышедшая из леса, – поначалу не в тягость. Она хлопочет, помогая в лагере, хлопочет в постели Буавера, никогда не устает. Когда мужчины уже едва передвигают ноги, она весело бежит между деревьев. Быстро учит английский и немного французский. Смеется, когда мужчины, стреляя в животных, промахиваются. При переходе через реку безо всякого смущения снимает одежду и заходит в воду, бесстыдно отвечая на взгляды мужчин.

* * *

У многих людей Томпсона жен нет, а мадам Буавер щедра и услужлива, сильна и вынослива. Ее хриплый смех каждую ночь доносится из разных палаток, хоть Буавер и бьет ее или пытается бить. Она бьет в ответ, после чего у него синяки под глазами и разбитые губы, не хуже, чем ее собственные.

Она должна уйти, говорит Дэвид Томпсон. Он боится, что Буавер убьет ее, и не хочет неприятностей. Она должна вернуться к своим.

Она опять идет по лесам, не зная в точности, где ее племя. Искать приходится довольно долго. При помощи ружья, прихваченного у белых мужчин, она охотится и добывает пищу. Пробираясь между деревьями, представляет себя воином; мысль напрашивается сама собой. Даже не мысль – правда, просто раньше никем не замеченная.

Воссоединившись с ктунаха, она объявляет, что, оказывается, белые люди, обладая сверхъестественными способностями, превратили ее в мужчину.

Она начинает одеваться как мужчина, и этот мужчина дает себе прозвище – Ушедший-к-Духам. Он охотится и ловит рыбу, отказываясь выполнять женскую работу. Заводит лошадь, чтобы ходить с ружьем, и просится в набеги. Воины прогоняют его, но он не отстает, в темноте устраивается на ночлег сразу за их кругом. В сражении добывает трех лошадей и два скальпа. Очень неплохо.

Мужчина хочет жену. Ушедший-к-Духам подкатывает к девушкам, умеющим находить и готовить пищу, плести коврики, но они его не хотят. Он неистовствует, безумствует. Кричит,

что сверхъестественные способности белых людей перешли на него, что стоит хорошо подумать, прежде чем ему перечить, поскольку кто знает, какую кару он может наслать.

Слово – «бердаш». Не идеальное, даже не близкое по смыслу: французское название катамита, мальчика, находящегося на содержании у взрослого мужчины, происходит через искаженные испанское и итальянское от древнеперсидского слова, означающего «раб». Белые звероловы, торговцы, исследователи еще со времен первых набегов на индейцев встречали людей, которые не вполне мужчины и не вполне женщины. Как их назвать? Кто-то забытый, пожав плечами, предложил чудом сохранившееся в памяти оскорбление, которое мать, когда он еще жил в Монреале, бросила его старшему брату. Слово разошлось, закрепилось.

Ушедший-к-Духам появляется в дневниках торговцев и исследователей и снова пропадает. Он одаряет коренное население пророчествами. Все начинается как обычное хвастовство. Он утверждает, что не просто превратился из женщины в мужчину, но что у него есть и другие сверхъестественные способности. Например, дар пророчества.

Тогда дай нам пророчество.

Хорошо. Например, придут великаны. Скоро. Они перевернут землю и закопают все племена. Еще придет оспа. Опять. Ее несут белые люди. Опять. Но, к счастью для вас, Ушедший-к-Духам знает, как защититься. Ритуалами. За умеренную цену.

За ритуалы испуганные люди несут ему дары, но поскольку им не нравятся его пророчества, то не нравится и он сам.

Популярность Ушедшего-к-Духам растет, когда он начинает предсказывать про великого белого вождя, разгневанного на других, не таких белых мужчин, на тех, с кем они встретились. Вождь велел белым мужчинам отдавать сокровища, а не торговать ими. Скоро в извинение он пришлет богатства и дары, а тех накажет за жадность. Скоро.

Он знакомится с женой. Та сидит у озера, не выполняет никакой работы, и столь странное зрелище – женщина, которая ничего не делает, – наводит его на мысль, что у нее нет мужчины. Во время беседы он бросает в воду камушки. Ее оставил муж. Она думает, как теперь быть.

– Хочешь нового мужа? – спрашивает Ушедший-к-Духам.

Он уже смастерил фаллос из кожи буйвола, который, как он полагает, обманет жену, но та не обманывается. Она, как и он, громко смеется, она, как и он, задира. В первую ночь она выхватывает у него искусственный член и смеется над его размером. Он не успевает остановить ее, и она, задрав ему рубашку, смеется над его грудями. Он прижимает ее к себе и придумывает потереться, обоим нравится.

Она присоединяется к нему, они переходят с места на место, пророчествуют. Она рассказывает кому-то про фаллос из буйволиной кожи, и скоро о нем известно всем. Ушедший-к-Духам подозревает ее в сношениях с другими мужчинами и бьет, хотя она все отрицает, повторяя, что сдался ей пенис. Разве она непонятно объяснила?

Они прибывают на орегонское побережье, в Асторию.

Торговцы Астории отмечают в дневниках прибытие мужа и жены, одетых, как индейцы Великих равнин, в кожаных рубахах, мокалинах и лосинах. Муж говорит по-английски и по-французски, немного на кри и алгонкинских, на других туземных языках, но не знает ни одного языка побережья. Он поражает жителей Астории, рисуя точную карту рек и гор на востоке. Если кто-то приближается к его жене, приходит в ярость, даже хватается за нож. Играет в азартные игры. Не умеет пить. Учат прибрежные языки.

В какой-то момент появляется Дэвид Томпсон. Черт меня подери, восклицает он, ведь это мадам Буавер.

Жители Астории чешут в затылках, не понимая, как же они не увидели. Ушедший-к-Духам тянется к ножу, но на самом деле рад, что опять встретил того белого человека, что имеет возможность показать ему: он больше не в его власти.

Июль 1811 года. В Астории принимают решение пойти по реке Колумбия: Томпсон собирается обратно в Канаду; жители Астории намерены основать факторию в глубинах материка; Ушедший-к-Духам предлагает свои услуги в качестве проводника.

В один прекрасный день, поднимаясь по реке, группа наталкивается на четверых человек, поджидающих их с семью огромными лососями на продажу. Сквозь нижние челюсти рыб продеты шесты, покоящиеся на плечах мужчин; хвосты метут землю. «Правда, что вы несете оспу? – спрашивают рыбаки Дэвида Томпсона, бросая мрачные взгляды на Ушедшего-к-Духам. – И еще ведете великанов, чтобы закопать наши стоянки и деревни?»

Нет, отвечает Томпсон. Нет, нет и нет. Конечно, нет.

В дневнике Томпсон записывает: «Я сказал им, чтобы они не волновались, поскольку пришедшие белые люди не принесли оспы, а коренные жители сильны для жизни и... как было в дни ваших дедов, так же будет и сейчас, так же будет и в дни ваших внуков».

Но в дни их внуков ничего не будет так же.

В какой-то момент группа разделяется. Томпсон идет на север, по пути рассказывая историю бердаша – проверенный анекдот, пользующийся неизменным успехом. Жители Астории продолжают путь на восток, их сопровождают Ушедший-к-Духам и миссис Ушедший-к-Духам. Благодаря оптимистичным пророчествам хозяйство Ушедших-к-Духам разрослось и составляет двадцать шесть навьюченных добром лошадей. Как-то вечером Ушедшие-к-Духам, не сказав ни слова на прощание, уезжают, и белые люди какое-то время их не видят.

* * *

Вернувшись, Ушедший-к-Духам, приобретя новую жену, однако потеряв двадцать шесть лошадей, крутится вокруг фактории флатхедов у Миссулы. Он упоминается в дневниках белых людей как Бандош. Или Боудеш. Он приходит вместе с ктунаха, чтобы торговать мехами и покупать выпивку, от которой становится шумным. Вместо оплаты переводит с языков флатхедов и черноногих.

Одна история. Ушедший-к-Духам шел с отрядом воинов. При переходах через реки всегда отставал, но у одного воина появились подозрения. Он спрятался за деревьями, чтобы посмотреть, как тот раздевается, и увидел: у Ушедшего-к-Духам есть груди, но нет пениса, хотя он уверял, будто полностью превратился в мужчину. Ушедший-к-Духам сидит голый в воде, замечает соглядатая и, прячась, уходит вниз. Потом, когда отряд доходит до озера Панд-Орей, вождь говорит воинам, что при желании все могут взять новые имена, поскольку набеги были неудачными и нужно отвратить невзгоды.

Я буду Гризли-Сидящим-в-Воде, сказал Ушедший-к-Духам, попытавшись выгадать на неприятной ситуации.

Сидеть-то ты сидишь, но ты не гризли, сказал соглядатай. Гризли-Сидящий-в-Воде выхватил нож, но, прежде чем пролилась кровь, его отпихнули.

Он становится странным вестником мира, шныряя между племенами, переводя. Бердаши – естественные посредники, они толком ни на одной стороне. (Теперь их иногда называют «два духа».)

В 1837 году отряд флатхедов окружают черноногие. Гризли-Сидящий-в-Воде передает черноногим ложное сообщение, чтобы задержать их, пока отходят флатхеды.

Догадавшись об обмане, черноногие закалывают его ударом в живот.

Другая история. Раны Гризли-Сидящего-в-Воде затягиваются будто по волшебству, и одному воину приходит мысль выдолбить ямку, дотянуться и отрезать кусочек его быющего сердца. Но, когда сердце уже не целое, раны перестают затягиваться сами по себе и Гризли-Сидящий-в-Воде умирает.

Значит, не было у него никаких способностей, говорят одни. Он умер, как умер бы любой. Значит, можно не обращать внимания на то, что он говорил, так как знал не больше, чем мы.

Но я слышал, что его тело долго лежало в лесу и не разлагалось, возражают другие, ни звери, ни птицы не прикоснулись к нему. Странно, правда? Может, это что-нибудь означает?

Может быть, раздается в ответ. Возможно. Кто знает.

Грейс Келли

ЧЕТВЕРТОЕ

Незадолго до разрыва мы с Оливером надели шляпы, темные очки и отправились днем на фильм про супергероя, девятый по счету. Он видел все предыдущие, я не видела ни одного. Я сидела в темноте, жевала тугие леденцы «Ред вайнз», пока у меня не заныли передние зубы, и следила за буйными бредовыми видениями, состоящими из светящихся лиц, скачущих тел, падающих домов, сталкивающихся машин и огненных вспышек. Где-то в темном мерцающем помещении находился запертый сундук, а в нем флакон с таинственным белым светом, и тот, у кого окажется флакон, мог спасти или погубить мир.

Иллюзия в том, сказала я потом Оливеру, что ты – ты, Джо-Любитель-Кино, – тоже можешь обладать экстраординарными способностями и даже не знать об этом или в любой момент превратиться в такого человека. Но данная иллюзия не имеет ограничителей. Неуправляемые силы могут гнездиться в героических человеческих телах или сжиматься и переноситься с места на место во флаконах и сундуках. Конец всего содержится в крошечном шарике света.

– Да, наверно, – ответил Оливер. – Но больше всего мне нравится, как история разрастается. Как бы уже не просто Вселенная, а расширенная Вселенная. А ты как бы даже не знаешь, насколько огромное она может стать.

Не может быть расширенной Вселенной, заявила я. Вселенная или есть, или ее нет. Ничто не может быть больше бесконечности.

– Просто так говорят, – пожал плечами Оливер.

* * *

Меня вытащили на постыдную встречу с руководством студии и приговорили пообедать с Гвендолин, сценаристом «Архангела», поручив ее утихомирить. Потом, дескать, посмотрим. Все мрачно намекали на решения, которые будут приняты в перспективе. Шивон делала все возможное, чтобы защитить мое право на личную жизнь, но никто не купился. Я мрачно сидела, не говоря ни слова, а когда меня вынудили, заявила, нет, я не знаю, о чем я думала с Джонсом, нет, вряд ли мы с Оливером опять будем вместе, и да, не самая была блестящая идея выйти из клуба через главный вход.

* * *

В Голливуде за ланчем сбываются и разбиваются мечты; во время ланча может случиться все что угодно; ланч – альфа и омега. За каждым фильмом – горыпряного тунца и океан «Сан Пеллегрино». Нет, десерта не нужно, а может, у вас есть колд брю? С миндальным молоком. Спасибо.

Когда я пришла, Гвендолин уже сидела. Ее пушистая белая собачка забралась под стул, бдительно следя за всеми ногами. Повсюду таская ее с собой, Гвендолин выбирала рестораны с патио, и наш патио располагался в заросшем внутреннем дворике гостиницы под углами тентов каштанового цвета, похожих на паруса пиратского судна. На то, как я подхожу, она смотрела без улыбки, сложив руки на коленях, при этом туфли на платформе едва доставали

до пола. Росту в ней пять футов от силы, и я почувствовала себя придворным, удостоенным аудиенции у королевы-ребенка.

Рябь возбуждения, сопровождавшая меня, пока я шла по патио, должна была выбесить Гвендолин, хотя все только и говорили о том, какая я потаскуха, по ходу дела принаравливаясь, как бы украдкой меня снять.

– Приве-ет, Гвендолин, – медленно протянула я надтреснутым голосом любителя травки. – Привет, песик, – поздоровалась я с собакой, чьи черные глаза-пуговицы горели беспокойной яростью.

В обычной ситуации Гвендолин устроила бы настоящее шоу. Встала бы, обхватила бы миниатюрными руками мои плечи, отставив на милое бедра (а я нескладно наклонилась бы над ней), и сказала бы что-то вроде: «Великолепная моя девочка!» Она всего-навсего подползала к пятидесяти, так что не знаю, почему вечно обращалась со мной, как бабушка. Но сейчас у нее был такой взгляд, будто она пыталась мысленной энергией превратить меня в камень. А может, не могла пошевелить лицом. Гвендолин начала работать над собой. Через двадцать лет будет кожаный мяч с глазницами.

– Я все знаю, ладно? – плюхнулась я на стул в ответ на ее молчание. – Все-все-все.

Нависший официант покрыл мне салфеткой колени, вручил винную карту и перечислил сорта воды.

Собака Гвендолин твякнула, и та втащила башку с куриными мозгами себе на колени со словами:

– Он думает, что большой.

Буквально каждый человек, имеющий маленькую собаку, буквально каждый день отпускает именно эту шутку.

– Наверное, трудно быть мальчиком-с-пальчик, – сказала я, заказав водку с содовой.

– Кто-то очень занят, – поджала губы Гвендолин, когда официант ушел.

– Я? – Нахмурившись, я задумалась, а что, собственно, со мной было. – Да нет. Я типа под домашним арестом. Оливер всегда говорил, мне надо оборудовать подземный боулинг. Теперь он пригодился бы.

– Надеюсь, ты не ждешь, чтобы я тебя пожалела.

Ключ к пониманию Гвендолин: она написала книги «Архангела», намечтав свою идиотскую секс-фантазию – Гэбриела – и влюбившись в него. Она работала в ночные смены на каком-то курорте, где проводили конференции по медицинскому оборудованию и бухгалтерскому программному обеспечению, в основном сидела за стойкой, читая толстые книги в мягких обложках про драконов и сексуальных ведьм, и придумала магический, якобы русский мир антиутопии, рассказывая самой себе истории о запретной подростковой любви. А потом решила, да пошло оно все, – и начала напридуманное записывать. Неплохое решение с финансовой точки зрения.

Еще один ключ: как и остальные полоумные сучки, Гвендолин все перепутала и, приняв актера Оливера за персонажа Гэбриела, влюбилась в него. Всякий раз, как он оказывался рядом, она загоралась бенгальским огнем, искрилась, робела, не могла сосредоточиться и беспрерывно флиртowała, причем мерзко, по-матерински. Я думаю, поскольку Оливер уже был однажды женат на женщине старше него, она считала, у нее есть шанс, но бывшая жена Оливера невероятно крута, не хуже Дэвида Боуи или Шарлотты Генсбур, возраст над ней не властен. Кроме того, Оливер познакомился с ней подростком, романтичным и чувствительным, а сейчас он кинозвезда, пересекающая с другими кинозвездами и изменяющая им с моделями, певицами, а возможно, и со случайными нормальными девушками.

– Хочу быть откровенной, – сказала Гвендолин. – Меня очень беспокоит то, как ты репрезентируешь «Архангела».

– Не совсем понимаю, что ты имеешь в виду.

– Пожалей меня, Хэдли.

Она заговорила низким, рваным голосом, которого я никогда у нее не слышала, как будто у меня на глазах начала превращаться в чудовище.

– Просто... – И вдруг я почувствовала такую усталость, что не могла больше валять дурака. – Когда я подписывалась, мне было восемнадцать. Я не знала, куда ввязываюсь.

– Конечно, откуда знать, что станешь богатой и знаменитой, если пробуешься на экранизацию бешеных бестселлеров? Ничего подобного в мире еще не случилось.

– Знаю, но это даже не обычная знаменитость. Какое-то цунами знаменитости.

– Вряд ли стоит так легкомысленно упоминать цунами.

Материализовался официант, принеся мою водку с содовой, такой бодрый, профессиональный, как будто не видел, какая напряженная за столом обстановка, как будто не мог подгадать более неудачного момента.

– Мы готовы заказывать?

– Чизбургер без булки, – попросила я.

– Картошку или салат?

– Если бы я собиралась есть картошку, дружок, я бы попросила и булку.

Она надул губы и нацарапал что-то у себя в блокноте.

– Салат ахи без вонтонов, заправку отдельно. – Гвендолин бросила ему меню и, когда он ушел, продолжила: – Ты думаешь, я не знаю, что слава – это сложно? У моего дома круглосуточно дежурит охрана. Лезут изо всех щелей, канюча у меня деньги. Я под огромным давлением, мне очень трудно писать.

– У нас с Оливером другое. Никто не покупает журналы, потому что ты на обложке. Никто тебя не фотографирует, когда ты в машине жмешь на газ. Никого не волнует, какая ты голая, и никто с этой целью не взламывает твой телефон. В любом случае ты не под таким уж давлением, что не можешь писать. Хватит. Просто помолчи.

– Мои читатели хотят еще. Я пишу для них.

– О, ради бога.

– Без меня ты была бы никто. – Заскулила собака, чью голову Гвендолин гладила с такой силой, что прорезались белки глаз. – Лицо на упаковке с готовым обедом на дешевой распродаже. Труп из «Места преступления». Неудачница, покупающая очередные выстрелы в голову за минет. Я создала целую вселенную. Я придумала историю на миллиарды долларов. А ты? Что создала ты?

До последнего я не знала, что сделаю, попытаюсь ли сгладить или порву все на части, но теперь наступила ясность. Я наклонилась вперед:

– Читая твои книги или даже говоря о них, знаешь, кого люди видят перед собой? Меня.

Я не подозревала, что кто-то такой маленький может выплеснуть столько злости. Она ощущалась физически. Жар и вибрация. Гвендолин превратилась в космическую капсулу, входящую в атмосферу.

– Вот, – плавно подплыл официант, – салат ахи и чизбургер. Без вонтонов, без заправки, без булки, без картошки. – Он поставил тарелки. – Я что-то еще могу вам принести, прежде чем вы начнете наслаждаться ланчем?

– Нет, спасибо. – Я одарила его самой любезной улыбкой Звезды-в-Любезном-Настроении и, когда он ушел, встала со словами: – Какой приятный, профессиональный диалог. Но, боюсь, мне действительно нужно идти.

Она посмотрела на меня в явной растерянности, не зная, как лучше излить свою ненависть. Я порылась в кармане и бросила на стол флешку:

– На память.

ПЯТОЕ

В общем, вы правильно догадались. Мы снимали на телефон Оливера, так что там куча смазанных пиханий, ноздри, подмышки, вторые подбородки, а в какой-то момент телефон вообще падает с кровати. Не лучший продукт в нашей расширенной Вселенной. Оливер все время просил тайм-аут, и тогда я сидела, крутя большими пальцами, а он снимал очередной крупный план своего прибора, как будто сам был Хичкоком, а прибор – Грейс Келли. Как только мы закончили, я хотела стереть видео, но Оливер не дал.

– Я сентиментален, – заявил он.

И у нас обоих оказались копии на флешках, которые мы заперли так, что не хакнуть.

– Взаимно гарантированное уничтожение, – сказала я, хотя, конечно, все было несколько иначе.

Ночью перед ланчем с Гвендолин я, прежде чем сделать копию, просмотрела видео. Наверное, слегка напилась и поэтому звонила Оливеру, но он не подошел к телефону. Я решила, хорошо бы куда-нибудь сходить, но не могла и подумать ни о каком «где». Я решила, хорошо бы с кем-нибудь трахнуться, но единственным человеком, с кем мне хотелось трахнуться, оставался Алексей, чего как раз и не случилось.

– Это не я, – заявил он, когда мы закончили наш короткий тупиковый роман. – Я себе такого не позволяю.

– Ладно, – ответила я. – Хотя не могу не заметить, что позволяешь.

Я знала, Алексей отличный безжалостный агент, акула, питающаяся только деньгами, но кроме того «семейный». Он выбрал ее – свою жену – и их – сына и двух дочерей. Ну, прямо трудно поверить. Мы перепихнулись-то всего два раза. Один раз на натурных съемках в Новой Зеландии и второй, вернувшись в Лос-Анджелес. А чего я ожидала? Что он ради меня откажется от своей жизни? Подпишется на громкий скандал? Прилепится к девчонке, не окончившей колледж? Да и хотела ли я этого?

– Ты не понимаешь, – объяснил Алексей. – У меня нет презумпции невиновности. И никогда не будет. Если все выйдет наружу, ты даже не можешь себе представить, какими помоями меня зальют. На порядок хуже, чем если бы я был белым.

– Тебя волнует, что о тебе думают? – спросила я.

Он посмотрел на меня, как будто я заговорила на иностранном языке, и протянул:

– М-да-а.

Наша интрижка началась в Новой Зеландии, изображавшей не столь закованную льдом резиденцию Архангела, Мурьянск, где я снималась во втором «Архангеле». Алексей приехал присмотреть за Оливером, но тот велел ему пойти куда-нибудь развлечься и не торчать на съемочной площадке. И меня отослал, так как моя смена закончилась. Оттянитесь по полной, сказал он. Алексей предложил пещеры, где надо в гидрокостюме плыть на спасательном круге и абсолютно темно, светятся только светлячки. Они живут на сводах пещер, выпускают светящиеся, как звезды, нити, привлекающие мух и комаров, которыми и питаются. Бедная мошкара думает, что летит в ночное небо, а на самом деле просто бьет крылышками, чтобы ее сожрали.

В темноте мой круг ударился о круг Алексея, и я схватилась за его холодную неопреновую руку, как одна лодка цепляется за другую. Слышно было только, как мы дышим, как капает, плещется, стеклярусом шелестит вода – все отдавалось тихим эхом. В черной воде отражались тысячи крапинок-светлячков. Мы медленно развернулись. Я закрыла глаза, а открыв их, будто заглянула в сердце вселенной. Глаза болели, от напряженного взгляда натянулась на лице кожа.

– Тебе не показалось, – спросил Алексей в машине, когда мы возвращались в гостиницу, – что прогулка по пещере равна выходу в открытый космос? Разница несущественна.

Разволновавшись, я посмотрела на него, правда, опасаясь, как бы волнение не придало мне ребяческий вид. Но на лице Алексея отражался мой восторг, мое смущение от такого воздействия туристической ловушки. (На наших гидрокостюмах, спасательных кругах, футболках – везде красовалась надпись: «Приключение в пещере светлячков!») Наш свет светлячков заливал машину.

– Точно, – кивнула я. – Именно это и пришло мне в голову. Небо, хотя и не небо.

И я рассказала ему, что в детстве думала, будто звезды – перфорированное небо, маленькие проколы в какую-то другую, окружающую вселенную, которая только свет. А он рассказал, как его отец любил называть звезды фонариками, вывешенными прошлым, чтобы заблудшие могли найти по ним дорогу.

– Он полагал, это очень глубокая мысль.

В тот вечер мы опоздали на ужин с Оливером, так как лежали в постели. Однако, потеряв ощущение времени, мы не занимались сексом. То есть занимались, но потом лежали и разговаривали, проводя первые, грубые, радостные раскопки широким черпаком, когда в человеке все ново и неизвестно, и лишь впоследствии придется, достав пинцеты и щеточки, кропотливо работать с хрупким, глубоко залегающим материалом. Я хотела все знать. Я хотела все рассказать. Сияние между нами стало таким ярким, что мы даже не заметили, как померк свет в комнате.

– А вы, похоже, подружились, – заметил потом Оливер в другой кровати той же гостиницы, поглаживая мне живот и пытаясь вызвать у меня интерес к сексу, что сработало, поскольку я еще была на взводе.

– Славный парень, – ответила я. – Мы хорошо провели время.

Когда я вернулась в Лос-Анджелес, Алексей спросил, можно ли приехать ко мне с обедом. Я выбрилась, засутилась, лихорадочно решая, что надеть (обрезанные шорты, старая рубашка), перестелила простыни и отпустила Августину. Когда мы сидели у бассейна, поедая миски со злаками, которые он принес из навороченного кафетерия, Алексей сказал, надо ставить точку. Это не я, сказал он. Я себе такого не позволяю. У меня семья.

Я спросила, почему он позволил себе тогда, и получила ответ:

– Слаб.

Мой взгляд упал на авокадо и амарант в миске, на будто пергаментные бугенвиллеи, пурпурными лодочками покачивающиеся на поверхности бассейна. Задним числом мне кажется, Алексею было проще признать слабость, чем свет светлячков. Может, он уже думал о том, что его жена, если когда-нибудь узнает, простит скорее случайную спотычку или необоримое увлечение? А может, о том, с чем ему легче жить самому. А может, пока я изо всех сил рвалась к скоплению искусственных звезд, говорил чистую правду.

Я беспомощно махнула рукой:

– Если тебе так лучше.

– Не лучше. Но оно так.

Мне срочно нужно было сделать что-нибудь, что угодно, только бы отвязаться от овладевшего мной чувства, и я, подойдя к Алексею, встала у него между ног.

– Хэд-ли, – уныло протянул он, однако взял меня за ноги и прижался лбом к моему животу. Потом снял пиджак. Дреды аккуратным хвостом лежали на накрахмаленной белой рубашке. – Если честно, это запрещенный прием, – пробормотал он чуть не про себя. – Ты будто медом обмазана. Иначе...

– Иначе я была бы скучной и противной, а не искристой и изысканной.

Я посмотрела в дальний угол сада, где мой ландшафтный дизайнер, эксперт по засухоустойчивым растениям, рядами высадил ошетилившиеся заостренными листьями юкки, агавы, пальмы – размахивающие оружием марширующие солдаты.

– Интересно, сколько тут просто острых ощущений? – спросил он, глядя меня по ногам.

– Наверное, мы никогда не узнаем.

Это и был второй раз. Возможно, устроив цирк с Джонсом, я хотела ткнуть носом именно Алексея.

Дом добродетели

Миссула

Март 1929 г.

Через полтора года, после того как Мэриен отстригла волосы

День выдался теплый, и разлилось ощущение – даже не звук – скрытого таяния, невидимых ручейков под снегом. Река, не замерзавшая посередине, узкой черной полосой текла между широкими белыми берегами.

Но вечером город опять стиснуло, он затвердел. Над горами, обещаая снег, нависли облака.

Развозной грузовик, боковушки которого рекламировали «Хлеб и пирожные Стэнли», с грохотом пересек железнодорожное полотно довольно далеко от центра. Сидевшая за рулем Мэриен на низкой скорости ехала по обледеневшей колее, проложенной другими колесами, уверенно выкруливая, когда машина начинала скользить. Ей нельзя застрять в снегу или грязи, ей вообще нельзя привлекать к себе внимание, она необычный развозчик – четырнадцатилетняя девочка, вымахавшая, как иной взрослый мужчина, но тощая, в комбинезоне, овечьем тулупе, связанном Берит коричневым кашне и кепке, низко надвинутой на короткие волосы. Полиция, получив свое, оставила ее в покое, однако неосмотрительность не могла привести ни к чему хорошему. Она развозила хлеб и пирожные, да, но кроме того спрятанные в корзинах под фирменными упаковочными тряпками мистера Стэнли бутылки.

Бутылки стали решением.

Когда она отстригла волосы и ее можно стало принять за мальчика (вместо речи гугня, голова опущена), фермеры иногда брали ее как дешевую рабочую силу, но на сборе яблок и отпиливании тыквенных стеблей много не заработаешь. Работа в библиотеке, где она расставляла книги на полки, приносила еще меньше. Все, что она могла придумать, дабы раздобыть необходимые деньги (например, открыть автомастерскую), не годилось для четырнадцатилетней девочки, сколь угодно смелой.

Однажды, отработав на ферме, сгорев на солнце, с болью в руках она лежала на веранде, и в ней шевельнулось слабое воспоминание. Кaleb как-то продал винокуру в конце долины пустые бутылки. Он получил достаточно, чтобы на много недель обеспечить себя леденцами, однако работа показалась ему тяжелой и нудной. «Не буду я рыться в мусоре для этого старого кретина», – буркнул тогда Кaleb. А Мэриен могла и порыться.

Винокура звали Забулдыга Норман. Она знала, где его хижина и сарай, в котором он держал свое хозяйство. Гуляя по лесу, слышала запах горячей браги. И, собравшись с духом, постучала в дверь, открывшуюся со скрипом и явившую буйную седую шевелюру и бороду с испуганными, внимательными глазами по центру.

– Чего? – спросил Забулдыга, как будто она уже что-то сказала, а он не расслышал.

– Мистер, вам нужны бутылки? Я могу приносить бутылки, если вам надо.

Пожевав губами, он кивнул:

– Еще бы, мне всегда нужны бутылки.

Десять центов за галлон, пять за кварту, два с половиной за пинту. Она обшаривала проулки позади подпольных баров, хозяйственно-продуктовых лавок, аптек, копалась в городской свалке и на захламленных задних дворах у пьяниц. Заполняла мешки пустыми бутылками – зелеными, коричневыми, прозрачными. На некоторых были этикетки. Канадский виски «Премиум». Английский джин «Премиум». Скорее всего, подделки, напечатанные бутлегерами, но некоторые походили на настоящие, хоть пойло могло быть разбавлено водой и этиловым спиртом. Прежде чем залить в бутылки свою белую бурду, по-своему добросовестный Забулдыга отклеивал этикетки в кипятке. Мэриен обменивала мешки на купюры и монеты. В конце

концов Забулдыга заявил ей, что ему пока хватит, и отправил к мистеру Стэнли, пекарю, который охотно купил ее припасы.

Как-то раз, пока она с грохотом доставала мешки из машины Уоллеса, мистер Стэнли стоял у заднего выхода своей пекарни и курил. (Он выпекал хлеб, варил отруби – запахи, само собой, смешивались, хотя у Стэнли винокурни были рассованы по всей долине.)

– Парень, тебе не хочется расширить дело? – спросил он.

– Всегда ищу дела, – ответила Мэриен. Небольшой приступ угрызений совести: – Но знаете, я не мальчик.

– Так там девочка? – мистер Стэнли наклонился и заглянул под козырек кепки. Сузившиеся глаза, облако дыма, мука на волосатых руках. Она не сомневалась, что он уже давно раскусил ее маскарад. – Ну что ж, ладно. Тебе не хочется расширить дело, девочка?

* * *

Перед тем как переехать железную дорогу, Мэриен побывала в шести домах, в клубе ветеранов, четырех ресторанах и у двух врачей. Сумеречное небо отяжелело от так и не выпавшего снега. На адресах она выдавала корзины: где-то только выпечку, где-то только алкоголь, а где-то и то и другое. Стучалась в двери, спускалась в подвалы, забирала деньги из укромных скворечников и дупел, оставляя там бутылки. Стэнли не позволял ей развозить по подпольным барам и придорожным кафе крупные партии, требовавшие больше изворотливости и времени, а кроме того, повышавшие риск ограбления. Он держал ее для мелких заказов. Висевший на шее кошелек медленно заполнялся купюрами и монетами; после каждой поездки она вручала наличные Стэнли, тот отсчитывал ей пару купюр, которые она приносила домой и складывала в одном из тайников во флигеле (книги с вырезанными страницами, кошель, прикрепленный снизу к сиденью стула). Стэнли не возражал против того, что она девочка. Остальные его развозчики воровали выпивку, пытались оттяпать бизнес. Мэриен нет.

Прошлым летом она заявила Уоллесу, что по достижении четырнадцати лет хочет бросить школу.

Они были в его мастерской, и дядя, отложив кисть, вытер тряпкой руки.

– Но почему, Мэриен? Многому нужно научиться.

– Хочу работать. Я уже развожу товары для мистера Стэнли.

Уоллес уселся в кресло, указав ей на другое.

– Слышал.

Он не спросил, что она развозит. Не хотел знать, хотя все равно уже знал.

– По закону я обязана окончить только восемь классов, и несправедливо, что ты все еще нас содержишь, хотя вовсе нас и не хотел. Я буду платить тебе хорошие деньги за стол и комнату.

Он сморгнул, как будто Мэриен, выведя его из гипнотического состояния, прямо под носом хлопнула в ладоши.

– Что значит – я вас не хотел?

– Ты поступил порядочно. Но не ты решил так жить.

– Неправда, Мэриен, вы нужны мне.

– Ты не хотел ответственности.

Он обвел взглядом неоконченные картины, мешанину из кистей и тюбиков краски. Машинально посмотрел на часы, словно надеясь, что ему пора на какую-нибудь мешающую разговору встречу.

– И как ты думаешь жить без образования? Вечно водить грузовик Стэнли?

Она говорила ему это тысячу раз.

– Я буду пилотом.

Уоллес приуныл.

– Все еще?

– Мне нужно накопить на уроки, но я буду платить тебе пять долларов за комнату и стол. Если нет, если у меня когда-нибудь кончатся деньги, я вернусь в школу.

Она не сказала, что уже просила всех пилотов в городе научить ее летать, но никто не взялся. Теперь в Миссуле за ярмарочной площадью имелся настоящий аэродром с небольшими ангарами и бензоколонкой.

Ее инструктор еще не появился, но появится. Она знала. Мэриен заметила, что посул пяти долларов в неделю вызвал у дяди интерес, но он только повторил:

– Пилотом... – Уоллес с минуту подумал, положив испачканные в краске руки на колени. – Я знаю, Мэриен, ты любишь аэропланы... Не хочу, чтобы прозвучало жестоко, но даже если ты научишься летать... Для чего? Хочешь, как жена Брейфогла, еле-еле сводить концы с концами? Состариться без дома, без детей, без опоры в жизни? Тот позер, ее муж – если они, конечно, женаты, в чем я сомневаюсь, – в какой-то момент удерет, и с чем она останется? Как ты думаешь, что будет с такой женщиной?

– Я должна стать пилотом. И стану вне зависимости от того, буду ходить в школу или нет.

– Тогда ходи в школу.

– Ты удрал, чтобы стать художником, хотя тоже было не практично.

– Тут другое.

– Почему же?

– Не глупи, Мэриен. Потому что я мужчина.

– Не переживай за меня. Никогда не переживал. Зачем начинать?

Уоллес посмотрел на свою картину: поросший выжженной травой холм, скученные облака.

– Если бы не появились вы с Джейми... – Он осекся, потом продолжил: – Да, может, иногда мне и хотелось не иметь груза ответственности, но так мне было бы хуже. Я пытаюсь сказать, здорово, что вы появились, здорово, что я отвечал за кого-то, хоть и не всегда... заботился. – Он вздохнул и, взявшись за переносицу, закрыл глаза. – Мэриен, мне правда очень стыдно, но у меня нет того, что бы заставило тебя пойти в школу на следующий год, если ты не хочешь.

– Нет?

– Нет.

Мэриен вскочила, наклонилась и, обняв, поцеловала его в щеку:

– Спасибо, Уоллес. Огромное спасибо.

– Не благодари меня, девочка. Я тяну тебя на дно.

Сидя за рулем грузовика Стэнли, Мэриен ехала к публичному дому мисс Долли. Первые ленивые снежинки просеивались сквозь свет фар.

После рейда 1916 года, прихлопнувшего почти все бордели в городе, мисс Долли, похожая на тусклую оплывшую свечу, уцелела и по-прежнему руководила своим заведением на Уэст-Фронт-стрит; ее грязная голубятня несколько лет негромко ворковала в затихшем, потемневшем квартале. Девушкам из закрывшихся борделей приходилось работать в закопченных, неосвещенных подвалах, снуя по проулкам подобно похотливым сусликам. Девушки мисс Долли были готовы на все, только бы избежать подвальных кроватей, и трудились усердно, хотя и негодовали на Долли, вычитавшую у них за жилье, питание, даже за стирку и воду для ванн, даже за нагревание на плите щипцов для завивки, короче, за все, что только можно придумать.

Мисс Долли удержалась в центре и после исчезновения китайцев, а с ними их лапшичных, прачечных и травников, выводивших девочек из интересных положений. Она удержалась и когда в квартале появились механики и обойщики Армии спасения, и когда колбасник купил соседний дом, где некогда размещался приличный бордель. Она отвела своих девочек от окон,

сидя за которыми они привыкли привлекать внимание прохожих, постукивая по стеклу вязальными спицами или наперстками. (Какой волшебный разносился перестук в старые добрые времена, в дни выдачи жалованья, громкий, как от шахтерских молотов, и даже более прибыльный. Стоило ей слышать дребезжащее стекло или стук игральных костей в стаканчике, у мисс Долли увлажнялись глаза.) Пожар, виной чему, как она туманно намекала, стала то ли полиция, то ли разорившийся конкурент, то ли поборники трезвости и добродетели, в конце концов вынудил ее переселиться в неприметный кирпичный дом к северу от железной дороги. Там не было никакой вывески, сообщающей о размещении женского пансиона, не говоря уже о женском товариществе. Клиенты знали, заходить нужно сюда.

Подъехав как можно ближе к дому, Мэриен припарковала грузовик, отцепила сзади сани, где стояли две корзины с еженедельным заказом, и поплелась по улице, таща их за собой.

Одна из девушек, Белль, открыла кухонную дверь.

– Ты! – воскликнула она, увидев Мэриен. – Заходи!

Белль оделась не для клиентов, на ней было простое синее платье с заниженной талией, шерстяные чулки и серая шаль, а волосы стянуты в низкий узел. Лишь густые румяна и сурьма могли навести на мысль о ее профессии.

Мэриен держала в руках одну корзину.

– Вторая в санях.

Белль выскочила в шлепанцах на улицу и, быстро вернувшись со второй корзиной, провела Мэриен на кухню.

– Хорошо, что ты приехала. У нас почти все кончилось.

Белль говорила это всякий раз, очевидно, забывая о педантичности, с какой мисс Долли распределяла недельную норму. Для щедрых посетителей мисс Долли покупала у бутлегеров и импортную выпивку, настоящие скотч, джин, но большинство с удовольствием пили дешевую брагу мистера Стэнли.

– Посиди немножко. Долли нет.

Мэриен надо было ехать дальше, но внимание девочек мисс Долли ей всегда льстило. Она сняла пальто, кепку и села за стол.

– Она оставила деньги за заказ?

– Вот уж чего не знаю.

Откинув ситцевую тряпку, Белль заглянула в одну из корзин и завизжала. На бутылках стояло пирожное с заварным кремом. В другой корзине, к еще большему своему удовольствию, она обнаружила дюжину профитролей, каждый упакован в отдельный кулечек из воценой бумаги. Подарки девочкам от мистера Стэнли, который время от времени сюда заглаживал.

– Давай съедим один, – предложила Белль. – Всего один, поделим.

И тут же вскочила за ножом. Разрезав профитроль пополам, одну половину она жадно отправила в рот пальцами с накрашенными ногтями. Мэриен откусила от своей. И тесто, и крем, еще холодные из грузовика, были твердые и вкусные.

Белль, продолжая жевать, скосилась на нее. Девочки мисс Долли так привыкли к накрашенным лицам и завитым волосам, что мальчуковость Мэриен представлялась им неприличной и возмутительной. Белль протянула руку и пригладила Мэриен волосы, попытавшись пальцами сделать пробор.

– Говорила я тебе, хватит уже стричься так коротко. Выглядит смешно.

– Мне нравится.

– А дядя не против, что ты стрижешься?

Уоллеса у мисс Долли знали хорошо.

– Он и не пытается со мной воевать. Вот экономка пытается. Прячет ножницы.

– Ты сама стрижешься?

– Нет, меня стрижет друг, Калев.

Белль кокетливо дернула плечиком:

– Наверно, хороший друг, если позволяешь ему себя стричь. Я никому не разрешаю ко мне подходить, кроме Кору. У нее получается. Все время говорю, ей надо в парикмахерши.

Мэриен вспомнила последнюю стрижку, как Калек потом смотрел на ее голый торс, потому что шея и плечи у нее все еще чесались от обрезанных кончиков. У девочек мисс Долли ей все было страшно интересно. Она смотрела, как они возятся со своими бог знает из чего сшитыми платьишками с оборками, как кокетливые и соблазнительные ужимки стремительно сменяются праздностью и скучающими позами. Притягательность, гуца женского естества возбуждали ее любопытство, хотя она предпочитала – более-менее – косить под мальчика. Девочки Долли были болтливы, ленивы, жестоки, но что-то в них представлялось важным. Они казались разгадкой тайны, которую она толком не могла нащупать.

Какое-то время она расплачивалась с Калек, только позволяя ему себя целовать. Впускала его язык, странную мускулистую влажность. После последней стрижки он спокойно растегнул ей рубашку и, приспустив с плеч, уставился на обнаженную грудь. Мэриен вспомнились картины с Иисусом, где Он после бичевания и видно излучающее свет сердце. Но когда Калек протянул руку и провел большим пальцем по соску, она отпихнула его, и он рассмеялся, как если бы обчистил чужой карман.

Белль встала и, смочив руки в раковине, вплотную занялась волосами Мэриен, разглаживая и разделяя их на пробор.

– Нет, так не пойдет, – сказала она. – Нужна расческа и чуток бриллиантина. Погоди минутку.

Оставшись одна на кухне, Мэриен слушала шаги Белль по лестнице. Потом нечеткие голоса. Из кастрюли на печи вырывался луковый пар. Рядом с печкой находилась дверь, ведущая в подвал. Она открылась, и вошла миссис Ву. Страшная худоба, маленькое круглое личико, волосы с проседью. Миссис Ву без удивления посмотрела на Мэриен, подошла к печи и помешала варево деревянной ложкой. Затем достала из кармана фартука несколько купюр и, протянув их со словами: «От мисс Долли», – опять исчезла в подвале.

Наверху послышались беспорядочные шаги. На кухню вбежала Белль.

– Поднимись. Там всего пара девчонок. Мы тебя переделаем, разодем, для смеха. Что скажешь? Скажи «да».

– Да.

Грузовик Стэнли может подождать. Ей осталась всего пара адресов.

– Отлично!

Из-под пирожного Белль достала бутылку. В стакан плеснулось самогона на два дюйма. Белль долила в бутылку воды, заткнула ее пробкой и вернула на место.

Наверху Белль провела Мэриен по темному коридору и толкнула дверь в тесную каморку, освещенную розовым светом: на лампу наброшена розовая шаль, розовые обои с раппортом из роз и лилий. На неприбранной кровати на животе лежала Кора в халате и, задрав ноги, читала книгу. Девушка, называвшая себя Дезире, крошечная, но пухленькая, с лицом, съезжившимся, как нераспустившаяся почка, сидела за трюмо в туфлях без задников и расчесывала падавшие на спину черные волосы. Для всех места не хватало. Из ящиков маленького комода, как виноградная лоза, свисали шелк и кружева.

– И что мы будем с ней делать? – спросила Белль, имея в виду Мэриен.

Девочки навалились и, не успевшая моргнуть, сорвали всю одежду. Они были привычны к наготу и не стеснялись, как и она сама, хотя рассмеялись на мальчишеские кальсоны. Белль хлебнула самогона, протянула стакан Дезире, та отпила и передала его Коре, Кора отдала остатки Мэриен, которая их и допила. Раньше, до того как Калек стал ее парикмахером, они втроем с Джейми часто плавали голышом, но тогда это ощущалось первозданным цело-

мудрием, ритуальным обнажением, естественной чистотой. Мэриен прижала кошелек к голой груди.

– Ты думаешь, мы позаримся на твои деньги? – усмехнулась Дезире. – Прости, просто смешно.

– Я не могу их потерять, вот и все.

– Мы сами зарабатываем.

– Сколько?

– По-разному. Спорю, больше, чем ты.

Такой способ заработка Мэриен никогда не рассматривала. У Джильды, матери Калеба, вид всегда был нищенский, но кто знает, как бы она выглядела, если бы не пила.

– У тебя сиськи наконец прорезались, – сказала Кора. Ирландский акцент.

– Где? – спросила Дезире. – Я не вижу ни одной.

– Да вот, – ответила Кора. – Сходи за лупой. – А Мэриен спросила: – У тебя уже есть месячные?

Мэриен, хоть и много читала, не имела ни малейшего представления, что значит девочка, и так от проститутки, в розовой, как кусок кварца, каморке она узнала о ежемесячном проклятии, воистину проклятии, по словам Кору, в которых слышался ужас из-за недополученных доходов.

На Мэриен надели черную нижнюю юбку Дезире, кремовый пеньюар, чулки, подвязки и туфли с ремешком на каблуках. Она таращилась на себя в трюмо, а девочки мазали ей волосы бриолином, пудрили лицо, подводили глаза и втирали румяна.

– Это больно?

– Не очень, – ответила Белль. – У кого-то, правда, страшно болит живот. Когда начнется, надо быть поосторожней, можно залететь. Ты ведь знаешь, что это значит? – Мэриен знала. – Но, если случится, приходи к нам, миссис Ву все уладит.

– Как уладит?

– Чуток перебор марафета и чуток поскрести. – Сев на трюмо, Дезире взяла Мэриен за подбородок. – Миссис Ву была девочкой мисс Долли. А потом начала смежное дело, избавляя от неприятностей.

– Значит, она вышла замуж? – спросила Мэриен, пытаясь представить себе мистера Ву. Девочки засмеялись.

– Приоткрой рот, – велела Дезире. Красная помада прошла по окружности губ Мэриен. Дезире отстранилась посмотреть: – Могло быть и хуже.

В зеркале Мэриен увидела смутно знакомого человека. Белки глаз, густо обведенных сурьмой, казались неестественно белыми. Под румянами и пудрой исчезли веснушки. Лицо стало одновременно мягким и жестким, черты резкими, однако еще не вполне определенными.

– И что мне теперь делать?

– Теперь мы продадим тебя по самой высокой цене, – заявила Кора и, стиснув грушу на флаконе духов, направила Мэриен на грудь ароматное облако брызг. – Столько мужиков ищут что-то вроде тебя. Тебе вообще сколько?

– Четырнадцать с половиной.

– Больше, чем было мне, когда я начинала. Ты еще девушка?

– А сколько мне должно быть?

– Не надо, – сказала Белль. – Не ты.

– Это деньги, – заметила Кора.

– Считаешь, твой пример может вдохновить? – спросила Дезире.

Кора обиделась:

– Я больше не живу в одной комнате с восемью братьями и сестрами, правда? И около скотного двора, где воняет навозом.

– А теперь положи руку на бедро, вот так, – обратилась Белль к Мэриен, – и скажи: «Приветик, мистер, хотите свидания?»

– Приветик, мистер, – важно повторила Мэриен. – Хотите свидания?

Девочки чуть не лопнули от смеха.

– Ты спрашиваешь так, будто предлагаешь свидание на похоронах, – выдавила Дезире.

– Сядь вот так, – попросила Кора, выгнув спину и посмотрев через плечо, – и скажи: «Этот мудошлеп, что ли»

Покраснев, Мэриен подчинилась, но разозлилась на их смех, на грязное слово, на свое отражение в зеркале.

Звонок в дверь. Громкий, гулкий, напугавший всех так, что наступила тишина.

– Как раз когда стало весело, – раздраженно бросила Кора.

– Ни у кого не назначено, – вставила Белль.

– Им не нужно «назначено», – фыркнула Кора.

Послышались приглушенные звуки, миссис Ву кого-то впустила.

– Черт. – Дезире вскочила и начала шарить в ящике. – Это ко мне. Я забыла.

– Кора может пойти, – сказала Белль.

– Нет, Баркли Маккуин привередливый.

– Что ж, большое спасибо, – скривилась Кора.

– Да я не про то, ну, он любит, чтобы все было, как он хочет. Белль, спустись вниз, удержи его на минуту. Кора, помоги мне с волосами.

– Баркли Маккуин? – переспросила Мэриен.

Кора уже отводила волосы Дезире с лица.

– Ты его знаешь?

– Слышала.

– Возьми ребенка, – попросила Дезире Белль, выкручивая из гильзы столбик губной помады.

Мэриен похватила свою одежду с пола.

– Пойдем. – Белль потащила ее за собой. – Мне надо вниз. Долли взбесится, если он уйдет.

– Как-то странно идти в таком виде.

Белль оглядела ее:

– Посмотрим, что будет, когда он тебя увидит.

– Я не могу. – Мэриен отпрянула.

Белль потянула ее за руку:

– Просто ради смеха. Будет весело, увидишь. Они же иначе не могут. Скажи про мудошлепа. Попробуй. Я дам тебе целый профитроль.

Внизу Белль выхватила у Мэриен ее одежду и, зашвырнув в переднюю гостиную, где царил мрак, быстро прошла в заднюю. Мэриен задержалась в коридоре, прижавшись к стене. В дверную щель она видела скрещенные ноги сидевшего мужчины, начищенную черную туфлю с элегантно загибающимся носком. Туфлю, не ботинок, несмотря на снег. Дверь закрылась. В коридоре, не считая электрического бра, тоже было темно.

– Прости-и-ите, мистер Маккуин, что заставили вас ждать, – начала Белль, почти как светская дама. – Дезире будет буквально через мину-у-уту.

– Утверждают, терпение – добродетель. – Посетитель выговаривал слова тихо и с акцентом, похоже на говор шотландских шахтеров, но чище, мягче. – А ведь здесь дом добродетели, не так ли?

Мэриен слышала имя Баркли Маккуина, начав работать на Стэнли. Номинально владелец ранчо. С севера. Его отцу, шотландцу, удалось стать одним из первых крупных скотоводов штата, задолго до того, как появилась необходимость в оградах. Мать происходила

из флатхедов салиши. Когда какая-нибудь напасть – облава, взрыв, перехваченная партия – лишала местных винокуров и бутлегеров доходов, те шептали имя Баркли Маккуина. Недавно федералы нагрянули с обыском к Забулдыге, разворотили не только его винокурню, но и еще с десятков таких же допотопных заведений, и гуляли слухи, будто в рамках некой договоренности с Баркли Маккуином власти имели нужную информацию. Стэнли знал, рано или поздно дойдет очередь и до него. Говорили, Баркли Маккуину известны все ходы и выходы. Он перевозил пойло через границу на автомобилях, поездах и мулах, на лодках, лошадях и в рюкзаках; вел дела во всех городах Монтаны, а еще в Вашингтоне, Айдахо и обеих Дакотах; придорожных закусовых, подпольных кабаков и магазинов, где можно купить выпивку, у него было не сосчитать; на зарплате у него состояла куча полицейских, юристов, федералов, машинистов, советников, конгрессменов, судей и всех их бухгалтеров; свои запасы спиртного он распихал, где только мог, – от шахт и церковных подвалов до настоящих складов. Говорили, что многотысячное поголовье скота и обширные земли служат ему лишь развлечением. Говорили, что большинство тех, кто работает на Баркли Маккуина, даже не знают об этом.

– Если вам требуется добродетель, мы найдем, – с напускным оживлением хихикнула Белль. – Все для вас, мистер Маккуин.

– Пожалуй, но не сегодня. Дезире скоро будет готова?

– Сбегаю посмотреть.

Белль выскочила из комнаты и пронеслась мимо Мэриен, театрально поведя плечами.

– Белль, – прошептала Мэриен, – что мне делать?

Та остановилась на середине лестницы, наклонилась через перила и прошептала в ответ:

– Поздоровайся. Скажи, что собираешься войти в дело.

Белль шутила, но подзадоренная Мэриен подумала: а почему бы и нет? Почему не профинансировать мечту о небе за счет мужской похоти? Она опять вспомнила Джильду и то животное. Старые часы в конце коридора отсчитывали секунды, как будто кто-то неодобрительно цокал языком. Мэриен могла бы проскользнуть в переднюю гостиную, надеть комбинезон и уйти, но ее парализовало любопытство. Она услышала нетерпеливый шорох, по полу зацокали туфли. Шаги, и дверь распахнулась.

Что увидел Баркли?

Поток света выхватил длинную тонкую фигуру. Бледные, обведенные черным голубые глаза, хрупкая шея, висящие мешком чулки, поскольку не хватало ног их заполнить, черные лакированные туфли, под узкими щиколотками похожие на подковы. Маленькую голову покрывала шапка переливающихся волос цвета слоновой кости. Тонкие запястья, длинные пальцы. Она боится, увидел Баркли. Увидел испуг, а затем какую-то искру, что-то во взгляде, напоминающее ощерившиеся зубы. Вызов. Он не понял, что перед ним ребенок. Да и как можно ожидать здесь ребенка? Он думал о Дезире, внутри у него горел жар и все давило.

Что увидела Мэриен?

Элегантного мужчину в черном костюме, белые накрахмаленные манжеты, на черном жилете золотая цепочка от часов, черные волосы аккуратно подстрижены и лоснятся от масла. Широкий нос салиши, полные губы и четко очерченные, покрытые веснушками скулы. Смуглый, глаза темно-синие. Красавцем не назовешь. Глаза посажены слишком глубоко, подбородок тяжелый, как у бойцовской собаки. Баркли на нее смотрит, видела она; чувствовала, его взгляд буквально прикован к ней.

– Ты кто? – спросил он.

Белль спустилась с Дезире, надевшей скромное кремовое платье; уж какие под ним прятались тесемки и оборки, оставалось только гадать. Мэриен попятилась, все еще прижимаясь к стене, а Баркли двинулся за ней. Идиотка, выстрелило в мозгу, как можно было подумать, что она сможет пойти по стопам Белль и ее товаров. Глупый ребенок, разряженный с головы до пят.

– Ты кто? – повторил Баркли.

Мэриен беспомощно посмотрела на Белль, которая, похоже, пыталась подавить душивший ее смех. В таком наряде, под таким взглядом невозможно сказать, что это еще она, Мэриен Грейвз. Ответа нет.

– Просто ребенок, – отмахнулась Дезире, взяв Баркли под руку. – Не наша.

Маккуин не отбросил ее руку, но и не ответил на жест, все еще не сводя глаз с Мэриен. Белль кусала губы, глаза у нее увлажнились от смеха. Дезире была в бешенстве. Их взгляды загнали ее, как гончие псы лисицу.

– Пойдем? – спросила Дезире, повысив голос.

Маккуин покорился и пошел за ней. Когда он проходил мимо, Мэриен плотнее прижалась спиной к стене и отвела лицо, уловив исходящий от его волос запах масла и еще какой-то дух, горьковатый. Она не привыкла к надушенным мужчинам. Баркли замедлил шаг. Мэриен поняла, он хочет, чтобы она подняла на него взгляд, и еще ниже опустила голову.

– Она просто ребенок, – повторила Дезире. – Мэриен, дуй домой.

– Мэриен, – повторил Баркли.

Мэриен стояла с опущенной головой, пока Баркли и Дезире наконец не поднялись по лестнице и не закрылась дверь. Белль согнулась пополам от смеха.

– У тебя проблемы, – проговорила она, хватая ртом воздух. – О господи.

Мэриен рванула в переднюю гостиную, лихорадочно сбросила платье, нижнюю юбку, чулки, туфли. Какие проблемы? Опять натянула рубашку, комбинезон, сунула ноги в ботинки и, не потрудившись завязать шнурки, пронеслась мимо Белль на кухню за пальто, кашне и пустыми корзинами. Миссис Ву, отвернувшись от плиты, посмотрела в накрашенное лицо Мэриен сначала с изумлением, а потом с отвращением.

– Нет, – покачала она головой. – Нехорошо.

* * *

Мэриен успела домой до сильного снегопада. Поднялась вверх умыться. От мыла щипало в глазах, но как она ни терла, не могла избавиться от следов сурьмы.

Берит испекла пирог с курицей, и Мэриен ела в молчаливом волнении. Для Джейми были вареные морковь и лук, поскольку Берит еще наказывала его, пытаясь заставить таким образом есть мясо. Уоллес куда-то ушел. Джейми рассказал Мэриен, что днем поднимался на гору Джамбо.

– Не увидел ни одного лося. Вот все, что мне удалось.

Он открыл свой блокнот на рисунке белки, забирающейся на ствол дерева. Угольных штрихов немного, но все уверенные. Мэриен ощутила грубость древесной коры, крошечные распыленные коготки, изгиб карабкающегося тельца. С набитым пирогом ртом она спросила:

– Ты что-нибудь знаешь о Баркли Маккуине?

– Ты, наверно, больше моего.

Мэриен знала, Джейми переживает из-за ее работы, хотя ему нравилось, что теперь у них были деньги на лакомства и билеты в кино. На Рождество она подарила ему бинокль и набор акварели.

– А почему ты спрашиваешь?

– Я с ним виделась. Ну, что-то вроде этого. Столкнулась.

Мэриен хотела объяснить, как между ней и Маккуином в воздухе повисла какая-то неловкость, как от него перешла к ней, но понимала, что все слова превратят встречу в ничто. Или, наоборот, во что-то очень большое.

– Где?

– У мисс Долли.

Джейми вспыхнул:

– Тебе не надо бывать в таких местах.
– Меня никто не видит. Если только они уже не там. А в таком случае им не с руки читать мораль.

– Разговоры ходят.

Мэриен вскинулась:

– Какие разговоры?

– Что ты работаешь на винокура.

– Но это же правда.

– А что у тебя с глазами? Ты похожа на енота.

Она яростно доела остатки куриного пирога. Он не поймет, даже если объяснить.

– Плевать мне на разговоры, – бросила она.

Когда Мэриен шла во флигель, белые снежинки, крупные, как мотыльки, порхая, плавно опускались на землю. Она попыталась читать, но сознание уплывало к мисс Долли. Она неподвижно сидела в кресле, однако воспоминание о встрече с Баркли Маккуином жалило, как змея. Мэриен надела пальто и опять вышла в ночь. Когда она пробиралась по снегу к хижине Калеба, сердце билось так сильно, что толчки пульса ощущались в шее. В воздухе словно слышалась неясная дробь, невидимые крылышки колибри. Но у Калеба было темно, а когда она постучала по стеклу, он не вышел.

Миссула

Май – июнь 1929 г.

Через два месяца после встречи Мэриен и Баркли Маккуина

Воскресным утром, когда Джейми дремал в постели, получая удовольствие от прохладного утреннего ветра, шевелившего волосы, косых лучей солнца, гревших ноги под одеялом, с лаем вскочили собаки и, вышибив дверь с проволоочной сеткой, помчались встречать Уоллеса, шедшего по дорожке к дому. Джейми смотрел, как тот пропихивается через клубящуюся собачьей свору, кажется, даже не замечая ее; так человек, намеревающийся утопиться, невнимательно пропарывает волны. Ворот был расстегнут, шляпа съехала на затылок. Накануне вечером Уоллес уехал на машине, значит, по дороге кончился бензин или он въехал в канаву. В такие дни дядя бывал непредсказуем. Мог молча отправиться в постель и не вылезать оттуда до самого вечера; мог угощать Джейми длинными, веселыми, бессвязными историями, мог горько жаловаться на какую-нибудь мелкую несправедливость за карточным столом, мог просить прощения за неясные обиды или все вместе. Угадать невозможно.

Уоллес распахнул дверь и рухнул на раскладушку Мэриен, распространив застоялый дух пота и перегара. Один пес умудрился проскочить вместе с ним, но остальные остались снаружи и выли, пока Джейми не встал и не впустил их.

– Где твоя сестра?

Заговорив, Уоллес показался не таким уж и пьяным.

– Развозит товар Стэнли, – ответил Джейми, забираясь обратно под одеяла.

– Я знаю, что Стэнли, – мрачно сказал Уоллес. – Она, должно быть, не очень хорошо водила мою машину.

– Что-то сломалось?

Уоллес отмахнулся:

– Ты знаешь Лену? Охотницу?

– Лену?

– Широкая, как мужик, и ходит в мужской одежде. Курит сигары.

Джейми понял, о ком идет речь, хотя не знал женщину по имени.

– Видел.

– Страшная, как смерть.

Джейми неплохо помнил лицо: тяжелое, с широким подбородком, густые брови, нос пестрит, как розовый гранит. Она действительно была уродлива, но прозвучало жестоко.

– В уродливых женщинах есть что-то оскорбительное, – продолжал Уоллес. – Уродливый мужчина – беда, но там все-таки можно эстетически за что-то зацепиться. Уродливая женщина только раздражает. – Припозднившаяся собака еще махала хвостом за дверь. – О, ради бога! – Уоллес вскочил и впустил ее. – Ну, довольна? – Он опять лег. – Вчера Лена заявила, что теперь ходит с ружьем, не с капканами. За столом сидел Фред из Спокана, там, где товарные вагоны, возле Лоло, знаешь?

Джейми кивнул, догадавшись, что Уоллес имеет в виду придорожную забегаловку на юге, сколоченную из двух товарных вагонов.

– Ты знаешь Фреда из Спокана?

Джейми опять кивнул. Он шапочно знал почти всех заядлых картежников, ошивающихся в Миссуле. Они заменили старых университетских друзей Уоллеса, тех, что приходили и спорили, когда Джейми и Мэриен были маленькими, но потом как-то незаметно приходиться перестали.

– Фред спросил почему, и Лена ответила, что не хочет по ошибке весной прихватить кормящих матерей. Тогда этот незнакомец, который играл, говорит: «Дорого, наверное, иметь сердце». А Лена сказала, что, если детеныши умрут сейчас, она их не увидит потом в своем капкане.

Джейми слишком заинтриговал рассказ, чтобы ему испытать обычную вспышку отвращения к ловле зверей капканом.

– Похоже, она более предусмотрительна, чем большинство людей. Так машина там? В Лоло?

Уоллес не отрываясь смотрел в потолок веранды, закинув руки за голову.

– Как ты думаешь, если Мэриен станет пилотом, она кончит, как Лена?

– Ты хочешь сказать уродкой?

– Да, мне так кажется. Жесткой, одинокой, а в лицо воткнута сигара. Думаю, сырье у Лены было поглубже, чем у Мэриен, но она... Мне уже трудно вообразить ее в платье. Ты можешь представить себе Мэриен невестой? – Его смех споткнулся, перешел в кашель.

– Нам всего четырнадцать, – напомнил Джейми.

– Знаю, – вздохнул Уоллес. – Знаю. Уже поздно. – Он приподнялся на локте и посмотрел на Джейми: – Может, ты с ней поговоришь?

– Она меня уродет.

– М-м-м... – Уоллес повернулся на спину. – Наверное, ты прав. Как бы я хотел, чтобы к нам еще ходила Берит.

Он так часто запаздывал с жалованьем, что Берит в конце концов поступила к профессорской жене в большой дом к югу от Кларк Форка, хотя и пролила несколько скупых норвежских слез, обнимая близнецов на прощание. Перед уходом она научила Джейми кое-что готовить. Он, разумеется, отказался прикасаться к мясу, но, если кто-нибудь поймает и почистит, готов был жарить рыбу. И Калев иногда приносил форель. Или Мэриен. Хлеб ей давал Стэнли, и, когда хозяйственных денег, которые Джейми выуживал у Уоллеса, не хватало, она докладывала. Джейми ухаживал за огородом, устроенным, как у Калеба. Иногда в сувенирной лавке центральной гостиницы продавался какой-нибудь его рисунок, но деньги Джейми откладывал для себя. Он старался содержать дом в чистоте, но, поскольку ни Мэриен, ни Уоллес, судя по всему, этого не замечали и не имели ничего против грязи и беспорядка, постепенно сдавался.

– Как только Берит не пыталась заставить Мэриен носить платья, – сказал Джейми. – Невозможно.

Ничего не ответив, Уоллес закрыл лицо руками.

– Уоллес?

– Я должен тебя кое о чем попросить. – Из-под ладоней голос прозвучал глухо. – Мне нужно, чтобы ты сказал Мэриен, когда она вернется. Я не могу.

– Что сказал?

– Я потерял машину.

– Как это потерял? Где?

– Проиграл. Поставил ее сегодня ночью.

Джейми не сдержался.

– Почему? – крикнул он. – Почему ты поставил именно ее?

Уоллес сел, сбросил ноги на пол. Руки повисли между колен.

– Я выигрывал. Ну, то есть сначала проигрывал.

Потом ему показалось, что колесо фортуны повернулось, как ветер вращает флюгер. На сете он сорвал небольшой куш. Потом опять выиграл, уже больше, и еще раз, на флеше. Кроме Лены и Фреда из Спокана, за столом сидел рыжеволосый незнакомец в шикарном пальто с меховым воротником. Он достал бутылку канадского виски («Настоящее пойло», – сказал Уоллес) и разлил всем. Уоллеса охватила какая-то легкость.

– Было маловероятно, что я выиграю в следующий раз, но я знал, что выиграю. И выиграл. Я знал, мне надо пару раз проиграть для приличия и убраться подобру-поздорову, но я не проигрывал, даже когда старался.

Фишки, летающие по столу, прибивались к нему, как вольные птицы.

– А потом этот незнакомец спрашивает, не дядя ли я той девчонки, что развозит бухло Стэнли. Я говорю, не понимаю, мол, о чем ты. А он спрашивает: ты ведь Уоллес Грейвз, правда? Он знал имя Мэриен. – Уоллес помолчал. – Он меня взбесил. Я вспомнил Мэриен, вспомнил, как в вашем детстве переживал, только чтобы вы в конце концов вернулись домой, не потеряв по дороге руки-ноги, но теперь, оказывается, я должен переживать из-за ее репутации. Мне надо было уйти. Я знал, что удача кончилась.

Но он остался и проиграл. И проигрывал, и проигрывал. Злобно, мрачно, целеустремленно. Проиграл все фишки, что-то в долг под расписку, а потом и серый «Кадиллак». Его заполучил рыжеволосый незнакомец в пальто с меховым воротником. Старый автомобиль – кроме дома, последние крохи, оставшиеся после Великой светлой полосы 1913 года, – ездил только благодаря неустанному уходу Мэриен, и, возможно, именно поэтому Уоллес позволил себе его поставить: отомстить, поскольку потеря автомобиля станет для нее особенно болезненной. Невезение, по убеждению Уоллеса, лишь разновидность уныния, источником которого служит внутренняя энергия, а значит, Мэриен – то, как Лена напомнила ему о ней, неприятные слова незнакомца – стала причиной его настроения, а следственно, и полосы невезения.

– Денег на другую нет. – Уоллес утер нос манжетой. – Скажешь ей? Я должен лечь, но ты ведь ей скажешь?

* * *

Когда Мэриен пришла домой, Джейми, верный чувству долга, рассказал ей о проигрыше Уоллеса и вынес ее первое бешенство, заодно не дав вытащить треклятого дядю из постели с намерением содрать с него кожу. Мэриен спросила, почему он так спокоен, и Джейми ответил, что они не могут яриться оба.

– Значит, если бы я не вышла из себя, то вышел бы ты?

– Может быть. Не знаю.

Они в самом деле напоминали систему шлюзов, одни ворота в поисках равновесия выпускали избыток эмоций, причем со стороны Мэриен обычно грозила опасность переполнения, а Джейми принимал в себя излишек и поднимал уровень, когда вода опускалась. Все думали,

что, будучи близнецами, они одинаковые, но это был баланс, не тождество; Мэриен чувствовала, как Джейми, но не являлась им.

Этой ночью, когда они лежали на веранде на раскладушках, Мэриен спросила:

– Как ты думаешь, почему он играет? Нам хватало бы денег, если бы он не играл.

– Я не думаю, что он спит и видит, как бы нас разорить, – послышался в темноте голос Джейми. – Наверно, уже не может не играть.

– Ты ведь не хочешь сказать, что так уж трудно перестать выбрасывать деньги на ветер?

– Я думаю, ему нужны острые ощущения.

– Какие ощущения? Он же вечно проигрывает.

– Но если завяжет, то никогда и не выиграет. По-моему, ему нравится надеяться.

– Надежда не должна стоять так дорого.

– Ты же знаешь, он раскаивается.

Мэриен перевернулась, и раскладушка скрипнула.

– Да. Он даже всплакнул, когда наконец перестал от меня прятаться. Все твердил, что вляпался. А больше ничего. И не раскрыл, кому достался автомобиль, сказал – незнакомец. Да какая разница. Лучше не знать. Может, когда-нибудь увидишь.

– Вряд ли, потому что никто кроме меня не станет корячиться, чтобы он ездил.

После секундного колебания Джейми сказал:

– Все-таки автомобиль был Уоллеса. Принадлежал ему. При желании он мог его и поставить.

– Но он проставил его ни за что. Просто так. Проиграл ради того, чтобы проиграть.

* * *

На следующий день из тайников во флигеле она собрала почти все свои летные деньги, заработанные на бутылках – одна за одной, на корзинах – одна за одной, отправилась в город и у знакомого механика купила подержанный «Форд». Механик являлся клиентом Стэнли. На его жену, алкашку, уходила уйма денег. Когда она знала их тайны, люди обращались с ней иначе.

Мэриен сообщила Уоллесу, что он может ездить на «Форде» в университет, но если собирается играть или пить, то придется либо ходить пешком, либо искать, кто его подбросит, либо купить собственную машину. Если солжет, оба понимают: она узнает. И еще Мэриен известила дядю, что отныне будет платить только три доллара в неделю за комнату и стол. Остальное пойдет в счет машины, которую он будет брать напрокат.

Грусть, поселившаяся во флигеле, пустые тайники перевешивали радость от стильного черного «Форда», ее собственного автомобиля с колесами и мотором. С другой – приятной – стороны, ее долг Уоллесу заметно уменьшился, стал терпимым. Может, их с Джейми и навязали Уоллесу, но он и сам был не прочь навалить на плечи побольше груза. Без близнецов он бы уже давно себя разрушил. Может, они не давали ему сорваться в пропасть.

Макеты аэропланов, висящие во флигеле, казались теперь ненужными: милые остатки детской фантазии. Небо, причину ее тяжких трудов, она почти забыла, поскольку работала, чтобы вернуть потраченное. Деньги возвращались медленно. Дело мистера Стэнли встало. Федералы в отчаянных попытках не допустить полного провала сухого закона закручивали гайки. Стэнли намекал, что его выдавил Баркли Маккуин.

После встречи с Маккуином Мэриен поставляла товар мисс Долли как можно быстрее, осмеливаясь заходить лишь на кухню.

– Чего ты взъелась? – поинтересовалась Белль, когда Мэриен отказалась опять наряжаться. – Мы всего-навсего повеселились. Никто и пальцем не тронул бедняжку.

– Ничего я не взъелась. У меня еще много адресов, вот и все.

Мэриен точно не понимала, что это такое, но она больше чем взъелась. При воспоминании о Баркли Маккуине у нее начинало покалывать кожу, учащался пульс, внутренности распирали в разных направлениях. По ночам, на веранде, она иногда думала о Калебе, как он целовал ее, спускал с плеч рубашку, но в последнее время мысли обратились на Маккуина, как тот пригвоздил ее взглядом к стене, как спросил: «Ты кто?»

Она подрядилась еще на одну работу, стала развозить на «Форде» продукты в рестораны. Сын Берит, Сигги, ставший «сухолюбом» – полицейским, боровшимся с бутлегерами, – как-то заглянул к ним и предупредил о предстоящем обыске у мистера Стэнли. Мэриен попыталась дать ему деньги, какие при ней были, но Сигги отпихнул ее со словами:

– Я не продажная тварь. Просто знаю, как тебе нелегко.

Федералы нашли у Стэнли только хлеб и пирожные.

* * *

Жаркий июньский день. Кaleb появился, когда Мэриен на улице возилась с мотором «Форда».

– Я иду купаться. – Он облокотился на автомобиль. – Если хочешь, давай вместе. – И он одарил ее самой обворожительной своей улыбкой. – Можешь даже подвезти меня, если как следует попросишь.

– Джейми придет через час, – ответила она. – Он тоже захочет.

Кaleb посмотрел на нее так, как тогда, прежде чем назвать цену за стрижку.

– Боюсь, мне неохота ждать час.

Она думала соврать, сослаться на необходимость работать, но знала: после его ухода будет сидеть и жалеть, да еще стыдиться того, что не осмелилась. Он смотрел на нее, ждал. Достал серебряный портсигар, полный самокруток, и прикурил для каждого по одной.

– Роскошный, – похвалила она портсигар.

– Водил на охоту одного богатея, – объяснил Кaleb.

Он не сводил с нее взгляда. Знал, что она боится.

– Здорово, – сказала Мэриен. – Поехали.

Она двинулась на запад и, выбравшись из города, свернула на юг там, где Биттеррут извивался по равнине крутыми изгибами. «Форд» грохотал по дороге, а Кaleb что-то насвистывал. Потом достал из кармана фляжку и предложил ей. Самогон обжег горло. Она передернулась и вернула фляжку.

– Тебе пора стричься. – Кaleb дотронулся пальцем до ее шеи.

– Нормально пока, – увернулась Мэриен.

Она остановилась между деревьев, лимонный свет играл в ветвях. Когда они шли к воде, Кaleb спросил:

– Джейми пойдет на следующий год в школу?

– Почему бы тебе не спросить у него?

– Давно его не видел. Все время где-то пропадают.

Основное время Кaleb проводил в горах, либо один, либо ходил проводником с охотниками, платившими ему за то, чтобы он нашел им дичь, выстрелил, если они промахнутся, и сделал вид, что это не он. Мэриен купила ему хорошее ружье, и он отблагодарил ее даже скорее, чем обещал. Про него рассказывали, семнадцатилетний парень знает, где будет зверь. Еще рассказывали про невозмутимую смертоносную силу его выстрелов. Кaleb позволял Уоллесу донимать его грамматикой, поскольку она помогала делу. Говорил он хорошо.

– Тогда нам тем более стоило его подождать, – упрекнула Мэриен, а когда Кaleb ничего не ответил, спросила: – Ты думаешь, Джейми слишком мягкий и поэтому не охотится?

Прежде чем ответить, Кaleb задумался.

– Мы как-то шли к реке, – начал он, – и встретили детей, они набросили на собаку одеяло и бросали в нее камнями. Мне пришлось удерживать Джейми, иначе он убил бы парня, который не успел убежать. Так что нет, я не считаю его мягким.

Мэриен вспомнила. Собака теперь жила у них, ползала за Джейми, как храмовый раб, смотрела на него из-под столов и кроватей. А того мальчишку пришлось везти в больницу. Джейми повезло, у его отца было темное прошлое и ни малейшего интереса вмешивать полицию. Иначе Джейми могли отправить в исправительную школу в Майлз-Сити.

– Мне казалось, я завис в воздухе, – объяснил тогда Джейми. – Обезумел. Мог его убить и не понять, что это плохо. Хотел его убить.

– Ты преподавал ему урок, – сказала Мэриен.

– Нет, – Джейми помотал головой. – Есть люди гнилые внутри, и гниль не уйдет никогда.

Они подошли к бухте, отгороженной от основного течения. Кaleb разделся прямо на берегу, а Мэриен зашла за деревья. Защитить свое интимное пространство удалось только скоростью. Голая, она метнулась в воду, пытаясь прикрыться руками. Когда забежала, у нее вырвался вопль. Камни больно впились в ноги. Мэриен согнулась, задыхаясь от холода и предчувствия, зубы у нее стучали. Кaleb стоял по грудь в воде, вода руками под водой, как будто разглаживал простыни на кровати. Он подошел к ней. Под водой у него была фляжка, и он предложил ей, с фляжки капало. Мэриен отвинтила крышку и закашлялась от холодного самогона. Кaleb откинул голову, длинные волосы ушли под воду, кожа на ключицах натянулась.

– Знаешь, я ходил к одной из девочек мисс Долли. Накопил денег.

Она постаралась подавить желание отпрянуть.

– Зачем мне знать?

– Я думал, они тебе расскажут. А чего ты так взбесилась?

– Я не взбесилась. А к какой девочке?

– К Белль.

Мэриен не хотела морщиться, но мина скорчилась сама собой.

– А что? – спросил Кaleb. – Самая симпатичная.

– Просто она... – Мэриен хотела сказать «вульгарная», как будто была снобствующим персонажем романа. Но кто ей дал такое право? Вот она голая в реке с юношей.

– Что просто?

– Ничего. Ты сказал ей, что знаешь меня?

– Ну да. Она спросила, не я ли стригу тебя, и я сказал, да.

Мэриен пришла в ярость:

– Зачем?

– А что тут такого?

Она точно не знала.

– Не думала, что ты пойдешь по проституткам.

– Почему нет?

– Ты знаешь почему. Еще не думала, что ты начнешь пить.

– Ни слова про мою мать.

Они яростно смотрели друг на друга, стоя по подбородок в воде с лиловыми от холода губами.

– Прости, – прошептала Мэриен.

Она поняла, Кaleb решил не злиться. Он хитро прищурился:

– Белль кое-чему меня научила.

– Чему?

– Она сказала, неплохо знать, как доставить девушке удовольствие, но, если я сам хочу его получить, лучше прийти к ней. И еще она сказала, остальные девочки думают только о том, чтобы быть приличными, и с ними не так здорово.

– Я не собираюсь быть приличной, – брякнула Мэриен, не подумав.

Кaleb улыбнулся своей воровской улыбкой:

– Хочешь доставить мне удовольствие?

– Нет.

У Мэриен не имелось подходящего слова для той ее части, что ожила и требовала внимания. Дырка, говорили девочки мисс Долли. Дупло, еще говорили они. Голубая лагуна, прореха, волчий угол. Ни одно не годилось.

– Чему? – еще раз спросила она.

– Ты имеешь в виду, чему она меня научила?

Мэриен кивнула. Он подошел ближе, вытеснив ее на более мелкое место. Наклонился, прижался губами к ее груди. Ощущение скорее сильное, нежели приятное, круг замкнулся. Они стояли рядом, в воде остались только ноги, Кaleb нагнулся. Мэриен чувствовала его возбуждение. Завороженно смотрела на часть своей плоти, исчезнувшую у него во рту. Он не так пожирал ее, как то животное Джильду, был мягче, осторожнее. Наконец отодвинулся.

– Понравилось?

– Не знаю.

Она не могла признаться, что понравилось.

Кaleb шагнул к ней; Мэриен попятилась; они пошли выписывать в воде круги.

– Белль сказала, на тебя запал Баркли Маккуин и Дезире возревновала. Правда?

– А если да?

– Ты знаешь, кто он?

– Конечно.

– И ты позволишь ему такое?

– Вряд ли я его еще увижу.

– Значит, позволила бы.

Мысль, что к ней прикасается Баркли Маккуин, показалась абсурдной, фантастичной.

– Идиотский вопрос.

– Значит, все-таки позволила бы.

Теперь они стояли неподвижно. Кaleb был серьезен, взволнован, как будто собирался задать другой вопрос, но вместо этого сказал:

– Я не хочу, чтобы ты стала моей девушкой и всякое такое.

Правда ли?

– И прекрасно, потому что я тоже не хочу быть твоей девушкой.

– Ну, тогда ради забавы.

Его рука под водой потянулась к ней, но Мэриен отступила назад.

– Мне холодно. – Она вышла из воды, спиной чувствуя его взгляд, но ей было все равно.

Мэриен оделась, не просохнув, зашла за деревья и уехала. Она спокойно оставила его одного так далеко от города. Калебу быть что здесь, что где-нибудь еще – безразлично.

Вечером в ванной она осмотрела свои груди, одна из которых стала теперь значительно опытнее другой, и заметила крошечные красные точки вокруг соска, где губы Калеба оставили синяк.

* * *

Ярко отполыхавший и угасающий под вечер июльский день. Мэриен постучалась в заднюю дверь дома возле Патти Кэньона, в конце длинной узкой лесной просеки. Красивый, хотя и небольшой, недавно выкрашенный в зеленый с белой отделкой. Соседей поблизости нет. Прежде она ничего сюда не возила.

Дверь открыл Баркли Маккуин. Она только разинула рот. Белая рубашка и черный жилет. Уголок рта вздернулся.

– Привет. Ты кто? – спросил он.

Она не могла понять по его тону, считает ли он, что впервые задает ей вопрос, или напоминает о встрече в коридоре у мисс Долли.

– Мэриен Грейвз.

– Значит, на сей раз ответ есть.

Помнил. Разумеется.

– Я привезла заказ.

– Давай.

Он взял у нее корзину. Четыре бутылки самогона. Ясно, он заказал их только для того, чтобы ее послали к нему. Она привезла ему себя.

– Зайди, я расплачусь.

– Я спокойно подожду здесь.

В открытую дверь она заметила рыжеволосого мужчину, который сидел за кухонным столом и читал газету. Он поднял взгляд, после чего опять углубился в газету. Она видела его раньше, в городе.

– Зайди, – весело повторил Баркли. – Или я пожалею Стэнли, что его развозчик некоторым клиентам отдает предпочтение. Девочек Долли ты навещаешь, а меня нет.

Мэриен смущенно мялась на месте.

– Это Сэдлер, – представил Баркли рыжего мужчину. – Он не кусается. Точно не хочешь зайти? Не хочешь посмотреть мой дом?

Сэдлер поднял голову и слабо, прохладно улыбнулся.

– А что в нем особенного? – спросила Мэриен.

– Только то, что он мой.

– Наверно, не так-то легко осмотреть все, что ваше.

– Не надо верить слухам. Ладно, подожди здесь.

Баркли ненадолго исчез и, вернувшись с пустой корзиной, отгородил Сэдлера с его газетой дверью.

– Я провожу довольно много времени в Миссуле и не люблю гостиницы, вот и подумал, что нужно пристанище. – Он достал из кармана золотой портсигар и зажигалку и сел на край крыльца, широко расставив на траве ноги в черных туфлях. Постучал по доскам рядом с ним: – Посиди минутку. Ты куришь?

Она села.

– Иногда.

Он прикурил сигарету ей – фабричную, не самокрутку, – затем себе. Она обратила внимание, что руки у него в легких веснушках, чистые ногти аккуратно подстрижены. Вспомнила портсигар Калеба, Калеба у ее груди. Кaleb в общем похож на Маккуина, но менее собран, менее дисциплинирован. Ногти у него всегда обгрызены до мяса.

– Я недавно вернулся из Чикаго, – сказал Баркли. – Ты там бывала?

– Только на поезде, в младенчестве.

– А вообще выезжала из Миссулы? Не считая младенчества?

– На озеро Сили-Лейк, и еще один раз дядя брал меня в Хелену.

– Это все Монтана.

Она кивнула.

– Что ж, Монтана – хорошее место. Не хуже других, что я видел.

– Я хочу посмотреть другие.

– На мой взгляд, все везде слишком захвалено.

– А где вы были?

– О, много где.

– А не в Америке?

– Тоже.

– А в Арктике были?

– Слава богу, нет. Звучит страшно. – Он заметил ее реакцию: – А ты хочешь? Тебе не кажется, что там слишком одиноко?

– Я не против.

Улыбка у него оказалась кривая, с одной стороны губы поднимались выше.

– А с меня, по-моему, хватит одиночества.

Она кивнула, недоумевая, что сказать.

– Ты не хочешь спросить, почему я одинок?

– Ну ладно.

– Так спроси.

– Почему вы одиноки?

– Мое хроническое состояние. В раннем детстве отец отправил меня в Шотландию, откуда он родом. В холодную, темную, отвратительную школу, где работали холодные, темные, отвратительные люди. Темные в смысле души, не кожи, которая у них была как раз очень белая. Меня там все считали любопытным субчиком. Слишком коричневый для шотландца, слишком бесцветный для салиши. Моя мать салиши. Ты знала?

Под его продуманной непринужденностью она уловила еле заметное подергивание нервов, так напрягается удочка, когда попадает рыба.

– Да.

– Ты навела обо мне справки?

– Нет, – слишком энергично ответила она. – Слышала где-то.

Баркли, похоже, развеселился.

– Это должно означать, что тебе известно мое имя, хотя я был так невежлив, что не представлялся.

– Вы Баркли Маккуин.

– Что еще ты про меня знаешь?

– У вас на севере ранчо.

– А еще?

– Вы предприниматель.

– И какое у меня предприятие?

Она посмотрела ему прямо в лицо, затянулась сигаретой. Табак был богаче вкусом и мягче, чем все, что она курила до сих пор.

– Скотоводство. Как я уже сказала.

– Что еще тебе известно?

– Больше ничего.

– Ты умеешь молчать. Очень полезно в твоём деле. – Косой взгляд. – Пекарском деле.

Она улыбнулась и отвернулась, чтобы это скрыть.

– Что говорят обо мне девочки у мисс Долли?

Она испугалась, но смело ответила:

– Они говорят, вы любите, чтобы все было по-вашему.

Хриплый, лающий смех.

– Правда, люблю. А почему нет? Каждый должен понимать, чего хочет. – Он всмотрелся в ее лицо: – Мэриен Грейвз. А чего ты хочешь больше всего?

Никто никогда не задавал ей такой вопрос. Быть пилотом. Быть пилотом. Быть пилотом. Сказать было так просто, всего два слова. Но она ответила:

– Не знаю.

– Иногда излишняя скромность становится препятствием. – Мэриен промолчала, и он продолжил: – Если ты не скажешь мне, чего ты хочешь, я не смогу тебе помочь добиться этого. А я хочу тебе помочь.

– Почему?

– Мне нравится твое лицо. – Баркли бросил сигарету на землю и раздавил черной лакированной туфлей. – Хочешь знать, что мне известно о тебе?

Почти шепотом:

– Да.

– Твой отец был капитаном корабля «Джозефина Этерна», и его посадили в тюрьму. Мать пропала. Тебя и брата отправили жить к дяде, Уоллесу Грейвзу, который, по моему мнению, превосходный художник, но пьяница и конченный игрок. Впечатляет? Я знаю, что тебе еще нет пятнадцати. Знаю, что ты отлично водишь автомобиль, хороший механик и развозчик у Стэнли. Развозчица. Стэнли, видимо, новшество нравится, ты как бы вдохнула жизнь в его дело. У него есть чувство стиля, для мелкой-то сошки. Потом, ты не ворует, не треплешься. А то, что до сих пор не имела неприятностей с федералами или еще кем, отчасти везение, а отчасти лень и продажность государственных людей. Кстати, последние месяцы в некоторой степени благодаря мне.

Она попыталась не показать, как сильно напряглась.

– Все потому, что мне нравится твое лицо. Даже сейчас, когда ты одета под мальчика, правда, не вполне убедительно, мне оно очень нравится. В твоей привлекательности есть что-то шекспировское. Ты не поймешь, что я имею в виду.

– Вы имеете в виду «Двенадцатую ночь».

– И «Как вам это понравится». И «Венецианского купца». Я думал, ты не ходишь в школу.

– Есть и другие способы чему-то научиться.

– Верно.

Она потушила сигарету о подметку ботинка и отбросила окурочек. Взвинченность уступила место собранности, осмотрительности. Сама не понимая откуда, она знала, какой Баркли хочет ее видеть. Взвешенной, отстраненной, немного жесткой. Мэриен отметила острый край крыльца под пальцами, то, как он посмотрел, когда она вытянула ноги.

– Чего я до конца не смог понять, – продолжил Маккуин, – так это, во-первых, почему ты решила пойти к Стэнли. Деньги, да, но большинству девочек твоего возраста деньги не настолько интересны, чтобы бросить учебу и связаться с винокурами. А поскольку твой брат продолжает ходить в школу, дядя тут ни при чем, иначе он и брата заставил бы уйти из школы и приискать работу. Как тебе логика?

– Ничего.

– Ничего. Прилично. Тогда я выдвину несколько версий и предложу вывод, а ты уточнишь, если я не прав. – Баркли смотрел прямо на нее. – Я думал, может, ты решила помочь дяде с долгами, которых у него много и становится все больше. Но я ни разу не слышал, чтобы ты пыталась кому-нибудь заплатить. Тогда я подумал, может, ты любишь риск. Иначе зачем позволила девочкам Долли вырядить тебя? Любишь маскироваться. Шлюхой, мальчиком.

– Не маскироваться. Так удобно.

Маккуин коротко, снисходительно улыбнулся.

– Или, подумал я, ты копишь на то, чтобы удрать. Но ты купила автомобиль и никуда не уехала. И я заключил, автомобиль не то. Ты хочешь купить что-то другое. А потом обратил внимание, как ты ходишь на аэродром. Осторожно навел справки и выяснил, да, ты ошивалась там и упрашивала пилотов научить тебя летать. Все время после полета Линдберга, два года. Но учить тебя никто не хочет.

Она не ожидала от Баркли такой методичности в разгадывании ее самого заветного желания и не предполагала, что при достаточном терпении и упорстве его можно выкопать.

– Наверное, обидно, – очень мягко продолжил Маккуин, – для человека, больше всего на свете мечтающего стать пилотом.

Она испугалась. То не была давешняя нервозность или дрожь, как в речке с Каледом, не обычная тревожность, а неподотчетный ужас, какое-то глубинное сопротивление тому, что вскипало между ними.

– Я не хочу быть пилотом, – уперлась она. – Просто мне втемяшилось на какое-то время. Я думала, занятно научиться летать.

– Я бы хотел, чтобы ты доверяла мне, Мэриен.

– Бутлегеру, с которым познакомилась в борделе?

Она хотела пошутить, сострить, но просчиталась. Лицо Баркли закрылось.

– Я владелец ранчо, – тихо сказал он. – Не стоит об этом забывать.

Над их головами пролетела и исчезла между деревьями сова. Баркли, нахмурившись, проследил за ней.

От произошедшей в нем перемены Мэриен стало неловко. Захотелось вернуть его расположение.

– Мне надоела школа и хотелось заработать немного денег, – пожала она плечами. – Уоллес никогда не хотел своих детей, но взял нас, потому что у него доброе сердце. Больше никого не было. Я хотела отблагодарить его, вот и все. Помочь выбраться.

– Но чего ты хочешь для себя? Помимо «помочь выбраться»?

– Не знаю. Ничего. Как все.

Он наклонился к ней:

– Я не верю ни одному твоему слову.

Она остро ощущала его мужскую силу, дыхание, уверенность, с какой черные туфли уперлись в землю, запах, запомнившийся ей еще у Долли: какое-то масло для волос или одеколон, горький, терпкий. Задумалась, сколько ему лет, и не могла определить. (Двадцать восемь.)

Баркли опять улыбнулся своей кривой улыбкой:

– В твоём расследовании тебе удалось узнать, что мне было всего девятнадцать, когда умер мой отец? Проведя год в шотландском университете, я вернулся домой. Отец все оставил мне. Ранчо, но еще ответственность за мать и сестру, и, к моему изумлению, кучу долгов. Я думал, тут какая-то ошибка. Один из самых крупных землевладельцев штата, человек, который жил нарочито благочестиво, умеренно, в достатке, но не на широкую ногу. Я не мог понять, как он мог очутиться в долгах, пока не начал разбирать его бумаги. Неправильное управление, вот в чем дело. Самая простая штука на свете. Доверял не тем людям. Не туда вкладывался. Закапывался все глубже и глубже, пока не очутился в миленькой глубокой черной яме. По счастью, он переселился в настоящую яму, прежде чем успел закопать нас еще глубже. Я не мог сказать матери. Но мне и не пришлось. Оказалось, у меня чутье угадывать возможности, а восемь-девять лет назад наступило время огромных возможностей.

Начало сухого закона. Он посмотрел на Мэриен, проверяя, слушает ли она.

– Я вытащил нас из ямы, а потом только и делал что работал. Хотел быть уверен, что никогда не окажусь там опять. Нашел людей, разоривших моего отца, и разорил их. – Кривая улыбка. – Они не догадались, кто их разорил. Предпочитаю стратегию непрямого действия. – Баркли опять резко помрачнел. – Я говорю тебе это, так как хочу, чтобы ты знала: я понимаю, каково нести груз чужих ошибок, когда ты молод. Знаю, каково, когда тебя недооценивают. Но такая недооценка может стать возможностью, Мэриен, если умело ей воспользоваться. Улавливаешь?

Опыт говорил Мэриен, что недооценка не привела ее никуда, уж точно не за штурвал аэроплана, но она ответила:

– Думаю, да.

– Увидев тебя тогда... Не знаю, как сказать. Я увидел в тебе человека, которого мне необходимо знать. Ты меня заворожила. Иначе я бы не... – Он осекся и задумчиво провел каблуком по траве. – Я имел много девушек. Обычно я тут же забываю о них. Если бы ты была, как они, я бы тебя тоже уже забыл. Думаю, я не ошибаюсь. Я ждал, что ты уйдешь. Но ты все время здесь. – Он постучал пальцем по виску. – После одного мимолетного взгляда. А ты думаешь обо мне?

При воспоминании о том, как она о нем думала, когда она о нем думала, Мэриен вспыхнула.

– Мне надо идти.

Она встала, взяла корзину.

Он протянул руку и схватил ее через брюки за ногу чуть ниже колена. Хватка была сильная, как будто челюсти животного.

– Мэриен. Я хочу узнать тебя, больше ничего. Быть тебе другом. – Он одумался и отпустил ее. – Теперь, поскольку мы друзья, маленький совет. Вместо того чтобы давать деньги Уоллесу, ты с таким же успехом можешь выбросить их в реку. Я навел справки о его долгах. Он никогда не сможет с ними расплатиться, а в какой-то момент наступит срок. Но я могу помочь.

Ей очень хотелось спросить, сколько и кому должен Уоллес. Его долги казались темным колодезем, куда она вечно заглядывала, прислушиваясь к плеску от упавшего камушка.

– Если я была одета, как шлюха, – сказала Мэриен, – это еще не значит, что я шлюха.

Выражение лица у Баркли не изменилось.

– Помни, ты всегда можешь ко мне прийти.

* * *

У Мэриен не имелось причин интересоваться домом по приезде сюда, но на обратном пути она остановилась и осмотрела отдельно построенный бело-зеленый гараж, возле которого припарковала грузовик Стэнли. По структуре гараж напоминал миниатюрный амбар, куда могли поместиться два автомобиля, на раздвижных дверях висел замок. На каждом длинном фасаде было вырезано по два маленьких квадратных окна, и она подумала, если на что-то встать, можно заглянуть внутрь. Интересно, на каком автомобиле ездит Баркли? Она время от времени видела автомобили бутлегеров – мощные «Паккарды», «Кадиллаки», «Студебекеры», «Виски-6», слышала истории про улучшенные моторы, двойные полы, выдолбленные сиденья, бронированные баки для горючего, ребордные колеса, чтобы ездить по железнодорожным рельсам и эстакадам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.